

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134 - 241X
следопыт
1•96

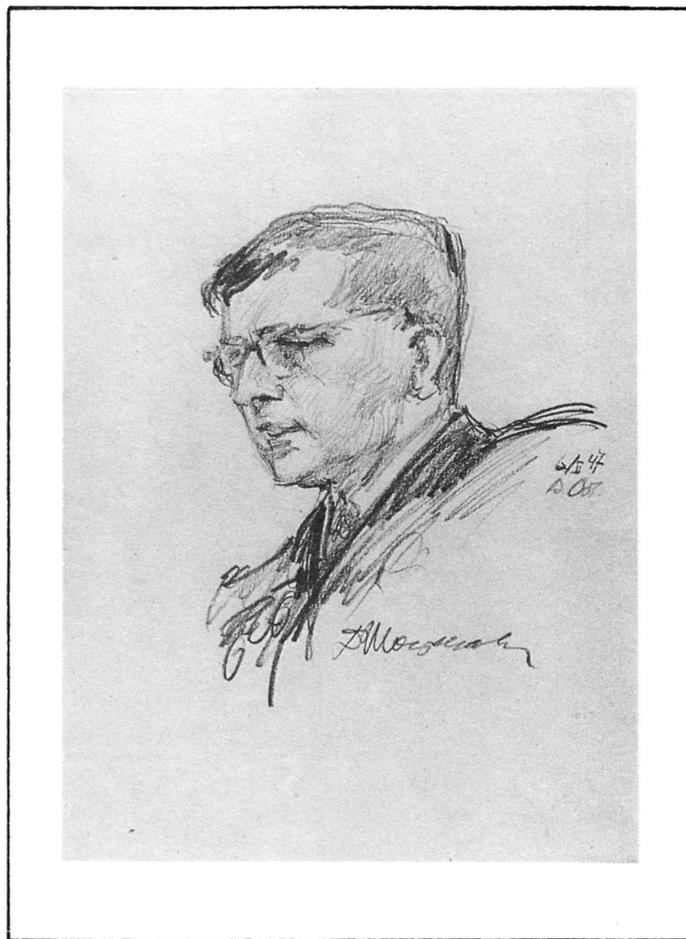
**НОВАЯ ПОВЕСТЬ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА
«ПИСТОЛЕТ КАПИТАНА СУНДУККЕРА»
НФ ПОВЕСТЬ ЕГОРА БЕЛОГЛАЗОВА «ФОРМУЛА ГОРИЗОНТА»
СПЕЦХРАН РАСКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ
ЗАГАДКА ШЕВЕЛЮРЫ БУДДЫ
СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ КОНСТРУКТОРА ВИНОКУРСКОГО
ВЕДОВСТВО НА УРАЛЕ**

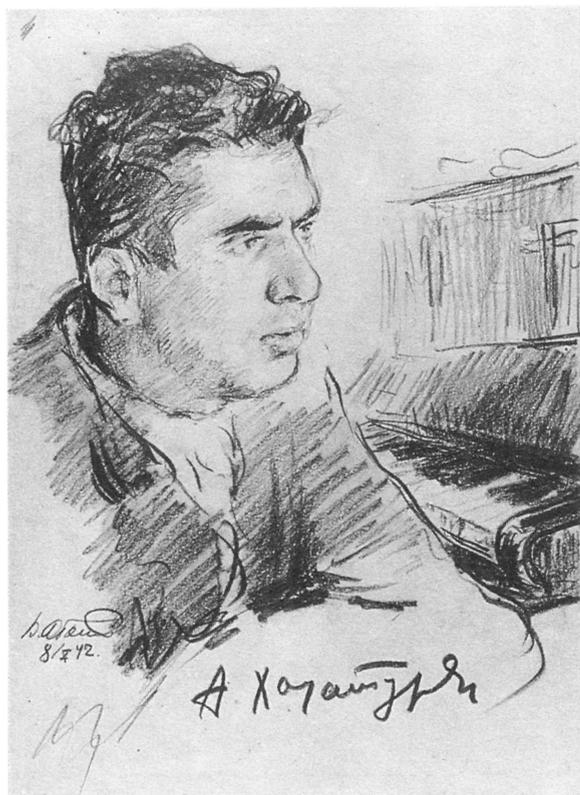
Н. М. Дудинская

Читайте на стр. 2
материал Агаты БУДРИНОЙ
«РИСУНКИ ОБОЛЕНСКОГО»

Д. Д. Шостакович

А. И. Хачатурян

Редакция:
Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Анна КОСТРИКОВА

Адрес редакции:

620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67

Телефоны отделов:

224-501 (ФАНТАСТИКИ,
КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
"Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано к печати 02.04.96.
Формат бумаги 84x108/16.
Бумага газетная.
Печать офсетная.
Усл.печ.л. 10,9
Уч.-изд.л. 16,2
Усл.кр.-отт. 11,76
Тираж 14000

Заказ № 596

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
редакции журнала "Уральский следопыт"
Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП "Уральский рабочий"
620219, Екатеринбург, ул. Турганева, 13

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1996 г.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

1.....96

В НОМЕРЕ:

Рисунки Оболенского Агата БУДРИНА	2
Потеснимся на пьедестале... Оксана БУЛГАКОВА	5
Сладкая жизнь Винокурского Алексей ЗЫКОВ	9
«Я больше не буду» или Пистолет капитана Сундуккера Владислав КРАПИВИН	11
Заочный КЛФ	25
Журнал в журнале «Аэлита»	
Формула горизонта Егор БЕЛОГЛАЗОВ	27
Заочный КЛФ	55
«Я больше не буду...» Продолжение Владислав КРАПИВИН	57
Поэзия. Как лист, сорвавшийся с березы... Федор ВОСТРИКОВ	73
Гадание по простыням Ирина КАШТАНОВА	74
НЛО «оштрафовал» Владислав ДЕБЕРДЕЕВ	75
Загадка шевелюры Будды Рудольф БУРУКОВСКИЙ	76
Цветные брызги хмурого города Ольга КОЛПАКОВА	78
Мир на ладони	79
Камелия Александр СЕМЕНИН	80

УЧРЕДИТЕЛИ -
СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

Агата БУДРИНА

РИСУНКИ ОБОЛЕНСКОГО

О жизни и творчестве нашего земляка Владимира Андреевича Оболенского до последнего времени мы знали до обидного мало. Лишь по прошествии 30 лет, когда стал доступен архив, который сохранили дочь художника — Нина Владимировна и ее муж Сергей Васильевич Смирновы, — можно с уверенностью сказать, что Оболенский был интересным художником, талантливым педагогом, теоретиком искусства, человеком, оставившим яркий след в отечественной культуре.

Становлению его характера много способствовала мать — учительница Прасковья Петровна Оболенская, в девичестве Сабашникова, получившая образование в Петербурге и почти 50 лет отдавшая сельской школе. До сих пор в Вильве, на родине художника, помнят эту замечательную женщину.

Мальчик начал рисовать в 5-6 лет. Потом было реальное училище в Перми. А затем Москва, куда он уехал в 1910 году учиться, скопив уроками немного денег. Несколько месяцев занятий в частной студии Юона помогли ему легко поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Однако в 1913-м он покинул училище, считая, что дальнейшее развитие ему даст «соприкосновение с пульсом художественной жизни — на выставках, в музеях, библиотеках, живой обмен исканий с товарищами».

В 1915 году молодой художник решает возвратиться на родину. Уйдя из училища, он лишился стипендии, ко-

торую ему давало Чердынское земство, а это, в свою очередь, сделало невозможным его пребывание в столицах.

Работа, начатая в Чердыни, где он читал в гимназии историю изобразительных искусств и вел рисование, потребовала занятий педагогикой и методикой преподавания.

Оболенский создал библиотеку, в которой наряду с искусствоведческой литературой было много книг по психологии ребенка и детскому рисунку. Провел массу экспериментов и сделал интересные выводы на основе большой, глубоко осмысленной им коллекции детских рисунков, в которой насчитывалось более трех тысяч работ.

В 1921-1922 годах он работал инструктором секции

ИЗО Пермского губполитпросвета, пока не был направлен на работу в Пермский художественный техникум, основой которого стали художественно-промышленные мастерские, организованные в 1919 году художником П.И. Субботиным-Пермяком. Тяжело больной Субботин-Пермяк в это время отошел от руководства, художественные мастерские как раз преобразовывались в художественный техникум.

В.А.Оболенскому, как завучу, а затем директору техникума, пришлось заняться разработкой учебных планов и программ. Он преподавал живопись и рисунок, методике изобразительного искусства, эволюцию детского рисунка, читал курс по истории стилей.

В 1927 году по рекомендации его друга художника Мориса

В. В. Каменский

Фабри Наркомпрос Азербайджанской ССР поручил Оболенскому устройство экспозиций только что открывшейся картинной галереи Баку. Друзья многое делали вместе: разыскивали художественные произведения, строили экспозиции отделов, писали путеводители и статьи, оформляли книги, создавали плакаты. Их макет «Старая и новая тюркская школа» экспонировался на зарубежных выставках в Кельне и Лейпциге.

Летом 1931 года В.А.Оболенского пригласили в Ленинград на преподавательскую работу в Институт пролетарского искусства. Более 20 лет он преподавал в Институте живописи, скульптуры, архитектуры им. И.Е.Репина и Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И.Мухомовой и почти десять лет заведовал там кафедрой рисунка.

У живописцев, графиков, архитекторов вел анатомический рисунок. Программа казалась ему несовершенной. Он не только поставил вопрос о коренной перестройке преподавания курса анатомии, но и разработал новую программу пластической анатомии, которая и была утверждена и издана Всесоюзной Академией художеств. Перед Великой Отечественной войной разработал оригинальное пособие для изучения пластической анатомии, подготовил для печати атлас с краткой аннотацией для художников, изобрел деклипометр — прибор для проверки правильности пропорций рисунка с натуры.

Труды Оболенского могли стать ценным вкладом в искусствоведение. Но жизнь распорядилась иначе. Талантливые исследования Владимира Андреевича «Анализ детского рисунка», «Композиция плафонов Сикстинской капеллы», альбом всех сохранившихся подготовительных и рабочих копий с рисунков Микеланджело к его фрескам в Сикстине (около 200 рисунков), «Атлас по пластической анатомии» и многое другое так и не увидели света. Помешали события Великой Отечественной войны.

Сегодня мы глянем лишь на одну из сторон

многогранной творческой природы В.А.Оболенского — карандашный портрет его работы, представленный в коллекции Пермской художественной галереи. Часть работ, созданных в декабре 1941 — ноябре 1942 года, поступила из Пермского отдела по делам искусств в 1944 году. Более 30 портретов и набросков к ним приобретено у дочери художника Нины Владимировны Смирновой в Перми в начале восьмидесятых.

Рисунок сопровождал художника на протяжении всей его жизни, начиная с детских лет. Он исполнял множество копий с арабских и персидских миниатюр, с рисунков старых мастеров. Памятники минувшего изучал с карандашом в руках*.

«Если в живописи я вижу средство полное и целостное реализовать мои творческие замыслы, то это не мешает мне любить и при каждом удобном случае братья за рисунок».

Оболенский обладал превосходной зрительной памятью — образов, форм и линий. Рисовал быстро, охотно, легко. Для него как будто бы не существовало технических трудностей. Смотрел на свою модель изредка, лишь для уточнения деталей, уже сложившихся в его сознании в художественный образ.

Портретные зарисовки с натуры, исполненные в 40-е годы, делятся на две самостоятельные серии.

Одна из них — портреты деятелей литературы и искусства, приехавших в Пермь из Москвы и Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Это прежде всего коллектив Ленинградского театра оперы и балета им. С.М.Кирова во главе с выдающимся дирижером А.М.Пазовским и гл. постановщиком театра Л.В.Баратовым. Гордостью театра были мастера балета — В.М.Чабуквани, С.С.Каплан, А.В.Лопухов, К.М.Сергеев, Г.С.Уланова, Н.М.Дудинская, певицы — Г.М.Нэллел, В.М.Фрейдков, И.П.Яшу-

*Более ста копий с рисунков старых мастеров, персидских и арабских миниатюр и старинных китайских акварелей погибли в Ленинграде во время блокады.

С. Гину

гин и многие другие. В Перми жили В.А.Каверин, Ю.Н.Тынянов, С.Д.Спасский, М.Л.Слонимский, А.А.д'Актиль, О.Брик. Почти одновременно в Свердловск приехали О.Д.Форш, Ф.В.Гладков, М.С.Шагинян, А.Я.Барто, Л.А.Кассиль.

Уральские города Пермь и Соликамск приютили художественные коллекции Русского музея, Третьяковской галереи, Эрмитажа, художественного музея из Краснодара.

Событием в культурной жизни того времени стала выставка произведений ленинградских художников, созданных во время блокады. Она была показана в Москве, Ленинграде, а затем — в Перми.

Художники — москвичи и ленинградцы (Б.Иогансон, М.Черемных, В.Орешников, Ю.Васнецов, В.Одинцов, В.Герценберг, И.Росси, Ф.Дорошевич, Э.Шорина и многие другие) вместе с пермяками активно работали в агитмастерской, жизнь которой напоминала боевые будни «Окон РОСТА».

Постоянными «спутниками» В.Оболенского были лист бумаги и карандаш. При каждом удобном случае он рисовал.

В 1942 году в Перми он сделал более 40 портретных рисунков. Каждый несет в себе очень точное, особенное, психологическое состояние портретируемых.

И каждый имеет подчеркнuto документальный характер. Все рисунки датированы, и во многих случаях соотносятся с важными событиями творческой биографии изображенных.

Арам Ильич Хачатурян запечатлен в пору работы над партитурой балета «Гаянэ». «Приехав в Пермь, я писал партитуру балета... В гостинице в моем распоряжении были инструмент и табурет. Этим и ограничивалась скромная «меблировка», — вспоминал композитор.

Портреты А.Хачатуряна, Н.Дудинской — Гаянэ, К.Сергеева — Карэна, Н.Альтмана, который в годы войны стал главным

художником театра — ценнейший документ, иллюстрирующий славную страницу русского искусства.

Выразительны портреты Василия Каменского, автора либретто оперы Мариана Коваля «Емельян Пугачев», самого композитора, исполнителей главных ролей...

А вот совсем еще молодой журналист С.Гинц, интеллигентнейший человек; позднее он напишет книгу о В.Каменском, с которым был дружен всю свою жизнь.

Большую ценность представляют два портрета А.А.д'Актиля — известного поэта и драматурга, сатирика и песенника, автора «Марша энтузиастов», музыку к которому написал И.Дунаевский. В Пермь А.А.д'Актиля привезли тяжело больным. Как и многие другие, жил он в небольшом номере «Семизатжки» с семьей, впятером. Много работал в агитмастерских, писал для газеты «Звезда» стихи, пародии, фельетоны.

Пермский журналист, корреспондент ТАСС во время войны А.Ф.Вайман вспоминает:

«День 7 ноября 1942 года для Анатолия Адольфовича был особенно памятным. Вечером в театре шел его спектакль, а утром в газете «Звезда» напечатано его новое стихотворение. А 23 ноября его не стало».

Из двух портретов Ю.Тынянова, сделанных в больнице, особенно привлекает один. Художник очень точно уловил сходство Ю.Тынянова с любимым его поэтом — Пушкиным, которое замечали многие.

Это был период, когда Ю.Тынянов продолжал работать над 3-й частью своего исторического романа «Пушкин», закончить который ему уже не довелось...

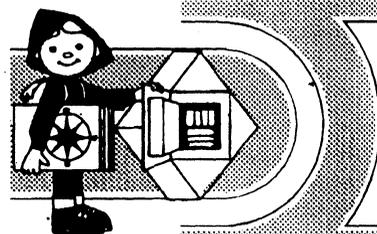
Прекрасный рисовальщик — Владимир Андреевич Оболенский оставил нам не только ценный иконографический материал, но и яркие, выразительные характеристики людей, которых знал, с которыми часто встречался, был дружен. Отметим, что и сами портретируемые не были безразличны к зарисовкам Оболенского. Почти на всех рисунках есть автографы изображенных.

Ю. Н. Тынянов

«...Спустя два дня после взрыва в Хиросиме, поздно вечером, меня пригласил к себе в кабинет маршал Берия. Здесь уже были известные советские физики-атомщики, ученые, профессора Курчатов, Алиханов, Гальперин, Кикоин, Арцимович и, если не ошибаюсь, генералы Завенягин и Махнев. На этом совещании я узнал, что принято решение о создании советской атомной бомбы в институте, директорство в котором поручается мне. Я сознавал значение этого момента. Работать над разрешением столь исторической задачи для меня было высокой честью, а одновременно и выражением необычайно высокого доверия к моей персоне. Однако вы должны знать...»

Не напрягайте память, читатель, не пытайтесь угадать, кому из известных ученых принадлежат эти воспоминания. Подавляющему большинству из нас имя автора не известно. Сначала его строжайше засекретили, затем, когда можно было и назвать, о нем промолчали (ненамеренно, а возможно, и намеренно) и, как следствие, забыли совсем. В нашей жизни подобное беспамятство не новость. А впрочем, все по порядку.

Оксана БУЛГАКОВА

ПОТЕСНИМСЯ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ,

или ЛЕНИНСКАЯ ПРЕМИЯ БАРОНА ФОН АРДЕННЕ

Более сорока лет прожила я на Урале, из них четверть века в области, что на сверхсекретных картах полнилась городами-призраками, которых не было на обычных географических. За всеми этими Сороковками, Семидесятками скрывались крупнейшие центры атомной промышленности. Но несмотря на строжайший режим секретности, все в Челябинской области знали о ядерном топливе, там производимом, деревнях, облученных еще за тридцать лет до Чернобыля. Край этот был не только испытательным полигоном, но и родиной И.В. Курчатова, отца советской атомной бомбы.

В середине 80-х годов я работала над «курчатовской» темой. Однажды незнакомый екатеринбургский режиссер привез мне из Германии номер еженедельника «Вохенпост». В нем было интервью, которое дал журналистам всемирно известный ученый. Речь шла о десятилетней, сразу после войны, его работе в Советском Союзе, которая увенчалась присуждением ему Ленинской и Сталинской премий одновременно с И.В. Курчатовым.

Озадаченная, я попыталась что-то выяснить, но

тщетно. В музее Сороковки, то бишь нынешнего города Озерска, на промышленных реакторах которого более 40 лет получали ядерное топливо для атомной промышленности страны и где в 1948 году все и началось, имя профессора Манфреда фон Арденне не значилось, и никто из тех, кто «знают все», ничего сказать не мог. Надеюсь, что помогут в Семидесятке, то есть теперешнем Снежинске, еще одном уральском городке с памятником Курчатову. Именно здесь сразу после войны в «шарашке», возглавляемой Зубром (Н.В. Тимофеевым-Ресовским), пленные немецкие ученые ставили опыты по радиобиологии, а десять лет спустя туда же прибыли творцы термоядерного оружия. Нет, и здесь не повезло.

Обратилась в Музей И.В. Курчатова (что при Институте атомной энергии его имени на Октябрьском поле в Москве), с директором которого Р.В. Кузнецовой была знакома по прошлым работам. Она прислала только что вышедшие из печати «Воспоминания об И.В. Курчатове», увесистый труд, вместивший память десятков ученых. Но увы, имя профессора фон Арденне в нем тоже отсутствовало. Нельзя было

уповать и на ученых, чьи имена упомянуты в «Интервью». Их просто нет уже в живых.

И все же я хочу ознакомить читателя с материалами, что попали ко мне в руки, втайне надеясь когда-нибудь продолжить этот рассказ.

Итак, победной весной 1945 года в поверженную Германию устремились эмиссары из стран-союзниц на поиски Интеллекта. В том числе и наши. Надо было опередить союзников, первыми ознакомиться с новейшими техническими разработками рейха и склонить наиболее перспективных ученых к добровольному или добровольно-принудительному переезду. Конечно, искали не наобум — некоторые были известны еще по довоенному времени: научный потенциал Германии был высок в разных направлениях науки.

Так оказался в Москве молодой физик, племянник «красного» генерала кайзеровской армии барон Манфред фон Арденне. Исследования, которые он в канун войны проводил у себя в Институте электронной физики в Лихтерфельде, должны были продолжиться в черноморской «шарашке» того же профиля. Через 40 лет в интервью он подчеркнул,

что его друзья и коллеги по институту последовали за ним добровольно сперва в СССР, а через десять лет — в ГДР.

Ему было 38 лет. А свой первый патент он получил в шестнадцать — сконструировал усилитель, который был включен в радиовещательную сеть Берлина. Первый научный труд опубликовал в семнадцать — о разработанном им для граммофонного концерта методе электронной звукозаписи. В 21 год основал в Восточном Лихтерфельде лабораторию электронной физики, где и трудился вплоть до своего вынужденного переезда в СССР. В 1930 году, когда идея телевидения еще витала в воздухе, он провел первую телепередачу с помощью электронно-лучевых трубок, разработав развертывающее устройство с бегущим лучом. А через два года запатентованный им способ цветного телевидения с люминесцентным экраном закрепил за 25-летним ученым славу пионера электронного телевидения. Он кроме того сконструировал универсальный электронный стереомикроскоп, разработал технологию электронного луча и в канун войны, увлекшись тайнами ядерной физики, ионными источниками, подошел к святой святых этого малоизученного направления — разделению изотопов.

Обратимся вновь к воспоминаниям, с которых начался этот рассказ. «...Однако вы должны знать, что задача, о которой шла речь, имела две составляющие, две равнозначные стороны: первое — это создание самой атомной бомбы, второе — разработка метода разделения изотопов в промышленных масштабах, с тем, чтобы получать в необходимом количестве такое ядерное топливо, как уран-235. Обе они были грандиозны, приоритетны. Я предложил поручить мне и моим немецким коллегам вторую часть проблемы, то есть разделение изотопов, во всей полноте, от теории до конструирования приборов, промышленных установок. Моя идея прошла. Созданием собственно атомной бомбы занялся И.В.Курчатов...»

С советской стороны над проблемами разделения изотопов работали будущие академики И.К.Кикоин (диффузионное разделение) и Л.А.Арцимович (электромагнитный способ). Вероятно, пути их и профессора Арденне пересекались, но сегодня, увы, об этом некого спросить.

Непосредственным начальником Манфреда фон Арденне был человек, лишь незадолго перед тем пришедший в атомную промышленность, но имевший за плечами большой опыт ученого и авторитет — Василий Семенович Емельянов. В должности министра он курировал Арденне и возглавляемую им «шарашку», то есть НИИ по промышленному делению изотопов, который размещался

под Сухуми, в местечке с неожиданным названием Синоп.

Министр Емельянов был металлургом, одним из основателей первого в стране ферросплавного производства, Челябинского электрометаллургического завода. В войну его считали главным конструктором легендарных «тридцатьчетверок». Профессор, а впоследствии и член-корр Академии наук, он был талантливым конструктором, исследователем, и это помогло ему освоить новое направление в работе. По воспоминаниям Арденне, их связывала крепкая дружба, которая сохранялась на всю жизнь. Профессор написал несколько книг воспоминаний, естественно, имя Арденне по соображениям цензуры в них отсутствует, но зато по ним можно судить о том, как все начиналось.

«Мне иногда приходит на ум такое сравнение: мы открыли дверь в абсолютно темную комнату. И черт его знает, то ли там паркет, то ли провал, и мы провалимся куда-то в тартарары. Приходилось идти ощупью. Иногда теория даже не освещала пути, потому что и самой теории еще не было. Иногда теоретические положения отставали от эксперимента, и эксперимент обгонял теорию... Я подумал: из глубины веков до нас дошло «Ищите и обряцете, стучите и отверзется». Как правило, когда вы упорно ищете, то, конечно, в итоге всегда найдете какой-то метод, какую-то возможность. Таких случаев было множество».

-Себе в помощь Манфред фон Арденне пригласил видных ученых — Макса Штеенбека и Петера Адольфа Тиссена. «При поддержке советских консультантов удалось решить заведомо сложную и комплексную проблему, что было отмечено Ленинской премией. Я рассматриваю нашу работу как вклад, который способствовал ядерному равновесию между СССР и США и который несколько десятилетий являлся основой мира в Европе», — подводит итог своего подвижничества ученый.

Не от черноморской ли «шарашки» и других, подобных ей из первых послевоенных лет, ведет свое происхождение нынешнее научное сотрудничество физиков разных стран, венцом которого в свое время стал институт в Дубне, в организации которого велика роль Курчатова.

Когда начались переговоры о сотрудничестве с другими странами, Игорь Васильевич предложил совместно с американцами строить крупный ускоритель. Конечно, говорил он, работы пока в основном связаны с военными делами. Но вот ускорители, физика высоких энергий свободны от этого. И здесь мы можем широко сотрудничать.

В первые дни мира, на пепелище истории, углубляясь в дебри еще большего безумия, они бредили миром. «Я глубоко убежден, — пишет Емельянов, —

если бы не опасность, что без атомной бомбы нас раздавят, сомнут, никто из нас ею никогда не занимался бы».

24 марта 1955 года Манфред фон Арденне вернулся, наконец, на родину, к семье и ученикам, которые в отсутствие своего учителя строили институт в Вайсен Хирш, в Дрездене. На эту стройку ушли его Сталинская, а позднее и Ленинская премии.

Здесь пройдет вся его дальнейшая жизнь. Здесь станет он Героем Труда, лауреатом Национальных премий, ордена «За заслуги перед Отечеством» с Почетной пряжкой, сюда спустя годы приведет его четверых своих детей, которые унаследуют его профессию и увлеченность — дочь Беатриче и сыновей Томаса, Александра и Хуберта. Здесь станет он почетным доктором сразу трех наук: естествознания, педагогических и медицинских.

Итак, 25 марта фон Арденне вышел на работу, а на следующий день его посетил Вальтер Ульбрихт. Результатом беседы с ним стал гарантированный государственный заказ на год, который существенно облегчил положение института, позволив не толь-

ко выжить, но и приступить к стабильным исследованиям, призванным облегчить возрождение промышленности страны, лежащей в развалинах.

Профессор фон Арденне сумел военные открытия приспособить под мирные цели. Первое достижение института — электронно-лучевая многокамерная печь. «Электронная пушка» позволила в миллион раз увеличить полученную ранее мощность излучения электронного луча. Она сделала республику независимой от импорта вольфрама, титана и других спецсталей. Страна превратилась в крупного экспортера и этих металлов, и самой электронно-лучевой пушки. Затем последовали плазменная микроручевая горелка для резки металлов, новейшие технологии для нанесения отражающих алюминиевых слоев на стекла и т.д.

В начале 60-х профессор обратился к медицинским исследованиям. Разработанные им методы противораковой терапии, кислородной поэтапной терапии и иммуностимуляции, хотя и встретили противодействие определенной части медиков, успеш-

Барон Манфред фон Арденне

но применяются в клиниках Германии, России, Австрии и Швейцарии.

Через год после возвращения из СССР, в 1956-м профессор фон Арденне на заседании Национального Совета Национального Фронта обратился к народам мира с предложением уничтожить все запасы атомного оружия в рамках всеобщего разоружения, «проклятие превратить в благодать, подарить людям вместо смерти свет и тепло». С одержимостью физика-мечтателя убеждал он своих оппонентов, что энергосодержание 50000 атомных бомб соответствует примерно 5 млрд. тонн чистого угля — шестикратной добычи СССР, США и Англии вместе взятых. К реализации его идей народы подошли спустя 40 лет. «Вохенпост»: «Что убеждало Вас в том, что Советский Союз будет использовать свое ядерное оружие исключительно в мирных целях?» Проф. фон Арденне: «Тот факт, что в этой стране никто не мог заработать ни одной копейки на вооружении».

Урок благородства и порядочности, несмотря на все тернии времени, преподал ему В.С. Емельянов. Однажды, вскоре по возвращении фон Арденне домой, его пригласили в советское посольство в Берлине, где вручили объемный пакет. Вспомните, какое это было время, и вы поймете, почему этот жест Емельянова буквально потряс Арденне: в пакете лежали сверхсекретные чертежи сверхсекретных установок и приборов, разработанных им в СССР.

Они много раз еще встречались на международ-

ных конференциях по мирному использованию атомной энергии, приезжал Емельянов и в Вайсен Кирш. По многим вопросам точки зрения ученых совпадали. Емельянов, как и фон Арденне, был противником войны во Вьетнаме. И именно США, спустя годы, когда Емельянов был уже на заслуженном отдыхе, наградили его премией мира в 100000 долларов. Этот факт в советской печати, по-моему, не обнародовался, как и не знали мы, что прогремевший когда-то фильм «Русское чудо» был посвящен профессору В.С. Емельянову...

Что роднило этих выдающихся ученых, представителей разных народов и социальных систем? Прежде всего то, что они, вторгаясь в неизведанное, неизученное, были пионерами, первооткрывателями. *«Я по сей день рассматриваю естественнонаучные исследования как возбуждающие приключения, как крупный допинг, то есть, говоря словами Б.Брехта, считаю, что мышление — это наибольшая радость».*

Перелистывая воспоминания Емельянова, я обратила внимание еще на одну черту, роднящую их всех, — неизменный оптимизм, умение на все смотреть с юмором:

« — Вы знаете, один человек попал на ипподром и заметил, что у него шнурок у ботинка развязался, он нагнул, чтобы его завязать, и вдруг кто-то ему на спину накинул седло.

— Ну и что?

— Побежал. Что же делать: надо — так надо, первое место не занял, но на второе вышел...»

Алексей ЗЫКОВ

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ ВИНОКУРСКОГО

Стрела шагающего экскаватора, мосты военных лет — у них есть имя

Сорок лет назад я учился в школе № 40 г. Свердловска. Помню уроки труда учителя Аркадия Ивановича Казакова. Мы строили модель шагающего экскаватора. Мне выпало делать самую изящную его часть — пятиметровую стрелу. Название у нее было необычное — вантовая. Ну и намучились же мы, прежде чем стрела не стала ломаться от собственного веса, даже без ковша. Тогда я впервые задумался: а как же не ломаются настоящие стрелы?

На городской выставке мы оказались не первыми.

Были там модели шагающих и покрупнее! Да и что удивительного — сотни тысяч пацанов пятидесятишестидесятых знали о них. Знали их творцов. Помню, когда в кино шли кадры журнала «Советский Урал», мы восторженно шептали: «Шагающий! Уралмашевский!» И безошибочно называли марку. Помню споры: войдет ли в ковш «студебеккер»? У нас — входил. Или: пробежит ли чемпион мира за 10 секунд от начала до конца стрелы? У нас получилось — не пробежит.

Может быть, учитель и называл нам имя автора этих изящных вантовых стрел — Хаима Ароновича Винокурского. Но мы, наверно, считали, что такая машина не по силам одному человеку...

Теперь я знаю, что первое изобретение на стрелу экскаватора он заявил еще в 1948 году, а в 1950-м получил авторское свидетельство (уже не первое в его жизни). Всего на счету Винокурского 41 изобретение, 18 из них — на стрелы, остальные — на механизмы шагания, поворота экска-

ватора, конструкции барабанных обжиговых печей...

Хаим не сразу стал изобретателем. Были детские годы на Брянщине, укороченные смертью отца и матери от тифа в 1918 году.

12-летнего сироту берут в семью дяди. Там в то время свирепствовал не только тиф, но и голод. Винокурский в автобиографии написал: «занимался самообразованием». Ведь ему практически не пришлось учиться в обычной школе. «В 1924 году поступил в школу в 8-ю группу в качестве вольнослушателя...» Представ-

те: в 18 лет впервые сесть за парту! Но проучился только полгода. Выходит, был безграмотным? Ничуть. Остальное брал самообразованием. Ранние лишения выработали характер, проявилась смекалка.

С 1925 года у молодого Хаима наступила «сладкая» жизнь. Он приехал в Москву и поступил подручным в кондитерскую мастерскую. А потом — на курсы по подготовке в вуз. После курсов сдал документы сразу в три вуза, наудачу. Тогда такое практиковалось. Начал сдавать экзамены. И был принят во все три вуза! Вот вам и самообразование! Выбрал Московское Высшее техническое училище (МВТУ). Инженерно-строительный факультет. Но от «сладкой» жизни отошел не сразу. Семейное предание гласит: начальник кондитерской мастерской обратился к декану факультета с просьбой разрешить студенту Винокурскому работать на участке нарезки готовой продукции. Оказыва-

Х.А.Винокурский

ется, никто так ловко и, главное, так точно — из грамма в грамм! — не мог нарезать пирожные и рулеты. Глазомер и чутье будущего конструктора сказались и в этой, далекой от техники, сфере.

В архиве Хаима Ароновича, с которым меня ознакомил его сын Аркадий (тоже уралмашевец, уже ветеран, кандидат наук), я увидел документ, подписанный самой королевой Великобритании. Это патент на его изобретение «Вантовая стрела...» Известно, что Англия тоже производила шагающие экскаваторы. И к чести уральцев, наши не уступали. Стрела Винокурского при одинаковой грузоподъемности была на 30 тонн легче английской. К тому же маневреннее в работе. В те годы уральские гиганты уверенно «шагали» по планете. Группа специалистов была удостоена Сталинской премии (1951 г.). Среди лауреатов был и Винокурский. Об истории создания стрелы подробно написано в книге Льва Давыдова «Уральский великан» (1956).

Пишу эти строки и ловлю себя на мысли: как здорово, что о человеке остается добрый след в памяти. Ведь мне так и не довелось при жизни познакомиться с Винокурским. Но люди, сослуживцы и родня, хранят воспоминания. Они помогают воссоздать творческий «профиль». А в нем много необычного.

Вот маленький эпизод из периода войны. В литейном цехе случилось ЧП, встал разливочный кран — не выдержал нагрузку и температуры крюк, на котором висит разливочный ковш с расплавленным металлом. Замер разливочный участок. Создалась угроза срыва поставки самоходных установок, нужных фронту... А нового крюка нет. Кран-то довоенный, немецкий. Изготовленная копия крюка не «потянула» ковша. Что делать? Винокурский остался на ночь. Эскиз за эскизом летели в корзину. Проголодался. Прикорнул, и во сне ему привиделся слоеный торт, довоенный... Эврика!

К утру уже вырезали из листовой прочной стали несколько тоненьких крючков, собрали в единый слоеный, склепали — и крюк готов. Кстати, эта «сладкая» идея оказалась настолько живучей, что до сих пор крюки изготавливают по чертежам лихого 42 года!

Задаюсь вопросом: откуда брались силы в годы недосыпа и недоеда?

Сын изобретателя меня поправил: недосып был, а вот недоеда по меркам военного времени в общем-то не было. Силу давала Америка. Точнее — картошка, которая, как известно, оттуда родом. У Винокурских было два участка за территорией завода, да яма в сарае. До нового урожая хватало большой семье.

Вот с хлебом было потруднее...

Помнится, в конце шестидесятых мне, молодому инженеру, довелось узнать ряд приемов по активизации творческой деятельности. В частности, использование вещественно-полевых ресурсов, т.е. того, что в самой машине и рядом — без дорогостоящего приобретения «со стороны». И я был приятно удивлен тем, что Винокурский, не ведая о приемах изобретательства (да они в то время еще и не были сформулированы), практически применял их в повседневной работе. Всег-

да ориентировался на то, что имелось на территории завода, на его отвалах. Держал в уме своеобразную картотеку, которую сослуживцы шуточно окрестили «Ха-Ха», что означало «Хозяйство Хаима», а у острологов — «хлам Хаима», хотя это «Ха-Ха» многократно выручало завод. Под руками оказывались не только подходящие трубы, детали и листы, но и отдельные агрегаты, узлы, благополучно забытые в сумятице военного лихолетья. Это «тайное оружие» Советов до сих пор живуче в стране. Беда только в том, что не везде по-Ха-Хазяйски к этому «кладу» относятся.

К творческому портрету Винокурского надо добавить еще одну техническую «ипостась». В 1946 году она защитил диссертацию по теме: расчет пространственных конструкций, мостов. В основу диссертации лег огромный опыт расчетчика и конструктора технологичных пролетов мостов. Многие десятки «мостов Винокурского» были установлены вместо взорванных в зоне боевых действий. За это, видимо, и был Хаим Аронович удостоен боевого ордена в 1945-м!

В годы моей учебы в УПИ на кафедре подъемно-транспортных машин мне довелось второй раз заочно познакомиться с Винокурским. Без его книг «Стальные конструкции в тяжелом машиностроении» и «Расчет пространственных крановых мостов» мы бы не смогли приобрести специальные знания.

Был, правда, один грешок у Винокурского: беспартийность. Он тянулся за ним со студенческой парты. В МВТУ в период экспериментов студенты (и он в их числе) увеличили в программе обучения число часов на математику и теоретическую механику, урезав партийные дисциплины. Эта «несознательность» аукнулась и не раз. Его докторскую «зарубили», дав понять, что недоподкован в нужном плане. Ну и что предпринял Винокурский? А ничего. Углубился в свою работу и практически первым из свердловчан был удостоен звания «Заслуженный изобретатель РСФСР» (1963).

До последних дней жизни Хаим Аронович работал в родном отделе главного конструктора горнорудного машиностроения всего лишь начальником сектора в бюро сварных конструкций. Умер 22 января 1984 года. Остались его книги, патенты и яблони, посаженные в коллективном саду в пятидесятые годы. Остались школа, ученики-последователи. Внуки Александр, Лев и Сергей стали инженерами-механиками. Младший из них — Сергей — работает в том же бюро, где и дед работал. Есть признание специалистов отечественных и зарубежных. Вроде бы и не мало. Но есть и другие свидетельства подвига, которые мы как-то не научились учитывать: наши соотечественники и их дети, что остались живы, потому что вовремя, благодаря Винокурскому, появилась на передовой самоходка, потому что в нужный момент переправились войска через восстановленный по его конструкции мост...

И еще подумалось мне: не так уж много в городе было людей такого масштаба, как Винокурский. И было бы справедливо как-то увековечить его имя. Может быть, присвоить имя изобретателя улице на Уралмаше.

ПРОЗА

Владислав КРАПИВИН

«Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ», ИЛИ ПИСТОЛЕТ КАПИТАНА СУНДУККЕРА

Повесть

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Всякие неприятности

1

Всю ночь по дворам гавкали собаки. Наверно, снова над огородами болтался неопознанный летающий объект. Генчик часто просыпался, но в окошко не смотрел — надоело. Натягивал на голову простыню, чтобы поскорее опять уснуть.

Мать с отцом, видимо, тоже спали плохо. Утром они поругались. Не сильно, в обычном режиме. Потом отец ушел в свои мебельные мастерские, а мать стала готовиться к стирке. И, конечно, ворчала на «всю эту распроклятую жизнь, от которой лучше бы уж прямо на тот свет».

И в это время ей добавила досады Прекрасная Елена.

— Мама, в нижнем ящике комода кусок тюля лежал! Куда девался?

— Здравсьте! Я его еще весной Марье Даниловне отдала, для кухонной занавески...

— Ну что ты наделала!!! Я хотела из него накидку сшить! С блестками! А теперь как быть?!

— Спихватилась! У всех наряды давно готовы, а ты все еще телишься...

— Да! Потому что с вами тут... Ни рубля, ни лоскутка лишнего!.. Люди-то на сцену в шелках пойдут, а я в тряпье. Да и того не найдешь!..

Вообще-то Ленка была красивая. Но когда она принималась скандалить, нос у нее краснел и набухал. В такие моменты у Генчика не было к старшей сестрице никакой жалости.

Прекрасная Елена готовилась к ежегодному конкурсу «Мисс Утятину». В поселковом Доме культуры. Тот, кто победит, получит право участвовать в конкурсе «Мисс Белорыбинск». Белорыбинской «Мисс» открывалась возможность бороться за титул «Мисс Загоряевская область». А дальше конкурсы «Мисс Вся Страна» и — если уж очень повезет — «Мисс Весь Белый Свет».

На самый громкий титул Елена не очень рассчитывала. Но на победы в поселковом и городском масштабах надеялась. Отец хмыкал и говорил, что «Мисс Утятину» звучит так же, как «графиня де Кривопяткина» или «маркиз Васька де Портянкин». Елена в ответ стреляла негодующими взглядами. И со-тый раз перекраивала свой конкурсный наряд.

Моды менялись почти ежедневно, и с каждой перекройкой Ленкино платье становилось все короче. По правде говоря, это уже не платье сделалось, а что-то вроде купальника с блестками. И блесок на нем было больше, чем материи.

— У кого это «все готово»? — кричала матери Ленка. — Если хочешь знать, все до последнего

часа костюмы переделывают! А я хотела вообще шить заново, потому что мои лохмотья годятся только, чтобы милостыню просить на вокзале!.. — Нос у Ленки набух еще больше.

Генчик не выдержал:

— Мама! У меня где-то бескозырка была! Помнишь, с ленточкой, на которой написано «Космонавт»?

— Тебя мне еще не хватало!.. Зачем она тебе? Это дошкольничья бескозырка, в таких только в детский сад ходят!

— Не мне, а Елене. Пусть возьмет ленточку. По нынешней моде ее как раз хватит на юбку...

Генчик увернулся от брошенной в него Ленкиной босоножки. Ушел на кухню. Там он сунул палец в банку с остатками клюквенного варенья, мазнул красным соком по коленке и стал заматывать ее заранее припасенным бинтом.

Елена с матерью тоже появились на кухне.

— Что с ногой-то? — сердито забеспокоилась мама.

— Ерунда. Маленько царапнул.

— Врет он, мама! Это он куда-то на трамвае собрался. Носу бинтует, чтобы бабкам место не уступать. «Сиди, милый, сиди, у тебя ножка болит...»

— Мам, врет она!

— Вру, да? А чего палец лижешь? Кровавую рану клюквой рисовал!

— Я шас тебе тоже кровавую... Мама, чего она пристаает!

Мать махнула рукой: мне бы, мол, ваши заботы. Но все же спросила:

— А куда это ты на трамвае настропалился?

— В «Юный техник». Там цветные проводочки продают, уцененные. Совсем почти даром...

— Опять будет своих шкелетиков плести, — подъела Елена. — И так они по всем углам, мусор один...

— Тебя не спросил!

Генчик мастерил из цветных проводков не «шкелетиков», а разноцветных человечков. Они были у Генчика и акробатами в цирке (где тарелка вместо арены), и космонавтами в пластмассовом звездолете, и солдатыками в картонной крепости. И жителями большого города, который Генчик строил за сараем, на краю огорода. И каждый знал свое место, зря Елена болтала, что они по всем углам...

Генчик показал сестрице язык.

— Про ленточку не забудь... Мама, я пошел!

— Стой! Надень чистую рубаху, смотри, майка вся перемазанная... — И мама принесла новую рубаху — ярко-синюю, с крупными белыми горошинами.

— Ну вот, хоть немного стал на человека похож...

— На пугало он похож. Хоть в какой рубаше, все одно, — сообщила Елена. Генчик опять старательно высунул язык. Ленка опять сняла босоножку. Мать прикрикнула на обоих. А Генчику велела:

— Кобеду будь дома! Поможешь белье развешивать.

— Есть, товарищ вице-адмирал!

2

Стычка с Прекрасной Еленой не испортила Генчику настроения. К тому же он умел им управлять, настроением-то. И за дверью Генчик сразу включил в себе песенку:

Ты — ковбойша, я — ковбой,
Поженились мы с тобой.
На двоих одна кобыла
И свод неба голубой...

Под эту бодрую мелодию проскакал он со второго этажа на двор, оттуда — за сарай, где в лопухах было спрятано оружие: ржавый кухонный тесак в ножнах из картона, обвитого изолентой.

Генчик сунул тесак за пояс. Точнее, за резинку на шортах. Поправил, чтобы ножны не торчали из короткой штанины. Хорошо, что рубашка навывпуск, ручка под ней не видать. Совсем ни к чему каждому встречному знать, что Генчик вооружен.

Между грядками с цветущим картофелем Генчик пробрался к изгороди, перелез через жерди (нож мешал, но не очень). И оказался на улице Кузнечной.

Почему дали улице такое имя, никто не знал, сроду тут не было кузниц. Были только старые деревянные дома — одноэтажные и двухэтажные — да кирпичное здание поселковой поликлиники.

Генчик это здание не любил: там ему несколько раз лечили зубы. В семь лет у него разом вывалились два передних зуба, а новые росли неохотно. Один вообще не вырос, хотя скоро десять лет стукнет человеку. А другой вырос, но криво. Его пытались выровнять, но без успеха. Генчик иногда расстраивался, глядя в зеркало. А Елена (когда была в хорошем настроении) говорила:

— Не горкой, у тебя очень обаятельная улыбка. Оригинальная...

На косогоре у поликлиники паслась пожилая коза домохозяина Перфильева. Всем знакомая. Семена одуванчиков липли к ее мокрому носу, и она мотала головой.

— Козимода, привет! — Генчик почесал ее кудлатый бок. — Ну как, не разучилась еще разговаривать?

— Уме-ею, — отозвалась Козимода и задним копытом поскребла за ухом. Подумала и вздохнула: — Только неохота...

— Ну и правильно. Чего зря людей потешать...

Способность к человеческой речи появилась у Козимоды этой весной. Сперва был переполох, который называется «сенсация». Даже дядьки с телекамерой приезжали, собирались снять Козимоду для передачи «Хотите — верьте, хотите — нет». Но домохозяин Перфильев не разрешил:

— Потому как основная козья функция — давать молоко. А что она языком болтать научилась, так это, извините, ее лично дело. А если вам нужна научная загадочность, то снимайте НЛО, их вон каждый вечер приносит нелегкая...

Впрочем, Козимода не очень-то болтала языком. Была она сдержанная и скромная.

— Ну, пока, — сказал ей Генчик. И вприпрыжку двинулся дальше. Бинт был намотан не туго, скакать не мешал. Только нож приходилось придерживать.

Тра-та-та и тра-та-та,
Жизнь такая красота —
Для кобоя, для ковбойши,
Для кобылы без хвоста!

Рано утром прошел дождик, было не жарко и пахло тополями.

До трамвайной остановки путь не близкий. Но все же и не такой далекий, как раньше. Потому что в начале мая появился новый мост через Утятинский овраг и речку Утятинку, которая журчала в этом овраге.

Неизвестно откуда взялась там большая металлическая труба — около метра в диаметре и метров пять длиной. Наверно, ее потерял какой-нибудь КамАЗ с прицепом, когда проезжал по краю оврага. Труба скатилась с откоса и улеглась в русло Утятинки. Ну, просто подарок с неба!

Парни из кооператива «Динозавр» пригнали в овраг бульдозер и нагребли над трубой насыпь из земли и гравия, получилась дамба. А Утятинка довольно журчала внутри металлического жерла.

Дамбу выровняли, сделали из березовых жердей перила. Можно стало с берега на берег и пешком ходить, и даже ездить на легких машинах.

Поселковое начальство сперва ругалось. Потому что, во-первых, никто не разрешал такого строительства. А во-вторых, будущей весной Утятинка разольется так, что дамбу разнесет.

Но до будущей весны было далеко, а пока все жители заовражной стороны Уятинки радовались: не надо топать несколько лишних кварталов, чтобы добраться до большого моста. Дамба выводила прямо к подъему на Кленовую улицу, а там два шага до трамвайной линии...

На кобыле мы вдвоем
Гарцевать не устаем.
Я ковбой, а ты ковбойша,
И про это мы поем...

Генчик прогарцевал через дамбу, но по Кленовой улице не пошел. Свернул в Кошачий переулочек, что тянулся вдоль оврага. Кроме поездки в «Юный техник» было у Генчика еще одно важное дело.

Он собирался расчистить посадочную площадку.

Генчик любил летать. Этому научился в мае, когда впервые прогулялся по Кошачьему переулочку. До той поры как-то не приходилось здесь бывать: дамбы-то не было, и Генчик в эти места не заглядывал.

В Кошачьем переулочке Генчику понравилось. Вокруг были дома с затейливыми надстройками и крыльчками. Немощеная дорога петляла среди палисадников. Вела она под горку. Ездили здесь только легковушки да мотоциклы местных жителей. И, конечно, ездить им приходилось осторожно, потому что на самом краю оврага дорога делала поворот. Если не свернешь вовремя — сразу под откос. И не помогут врытые над откосом столбики.

Разумеется, машины и мотоциклы сворачивали. А Генчик — нет!

Он выходил в этот пустынный переулочек, говорил себе «внимание, старт!» и мчался под уклон. Встречный воздух отбрасывал у него похожие на желтые стружки (как у Буратино) волосы. Холодом обдувал ноги. Рвал подол и рукава рубашки! Нарастающая скорость подносила Генчика к откосу, а там — вниз. И вот оно сладкое замирание полета! И страх, и радость!..

Впрочем, страха с каждым разом становилось меньше. Склон — крутой, но ровный, с мягкой смесью песка и сухой глины — после нескольких метров свободного падения принимал на себя резвого мальчишку. Слово добродушный великан ловил на ладонь кузнечика.

Правда, «кузнечнику» после этого приходилось из штанов, рубашки и волос вытряхивать песок и крошки, ну да это совсем пустяковая плата за счастье открытости...

Но на этот раз Генчик не стал разбегаться. Он подошел к столбикам, присмотрелся и съехал по осыпи осторожно. К зарослям травы-двухвостки.

Это такой сорняк, похожий на бурьян, но с гроздьями сухих семян. Семена очень похожи на двухвосток. Знаете, есть такое домашнее насекомое, столь же пакостное, как тараканы и мокрицы. У семян, как у этих двухвосток, на конце два коротеньких жальца. Ими семена так цепляются в одежду, что потом отрывать их целый день. В голую кожу они не впиваются, только чуть-чуть покусывают. Сперва поскребешь и забудешь. Но часа через два появляются красные пупырышки и начинается такая чесотка, что никакого терпения. И главное — надолго.

Ночью лежишь и дергаешь ногами, будто едешь во сне на велосипеде...

В прошлый раз Генчик еле увернулся от опасности. Оказалось, что трава-двухвостка разрослась в сплошную чащу и подобралась к нижнему краю осыпи. Еще чуть-чуть, и было бы такое приземление, что ой-ей...

Ну ничего, сейчас он наведет порядок.

Генчик извлек из чехла ржавый, но с отточенным краем клинок. Примерился. Изогнулся, словно лихой казак в седле, и несколько стеблей под самый корень — ж-жик!

... — Эй ты, похожий на чайник! Чего там развоевался!

Чуть в стороне от поворота дороги нависал над оврагом обшитый серыми досками дом. Острый угол дома выдавался в пустоту и его подпирали просмоленные балки. У этого дома, держась за кривой оконный ставень, стояла тощая девчонка. С растрепанными темными косами и торчащими ушами. В пятнистом желто-малиновом платице. Снизу было видно, какие у нее красные в белую полоску трусики и длинные поцарапанные ноги.

И вся она была длинная. Наверно, на голову выше Генчика. Ссориться не имело смысла. И Генчик миролюбиво уточнил:

— Это почему же я «похожий на чайник»?

— А вот так! У нас на самоваре такой чайник есть! Синий с белыми кружочками.

Генчик не придумал, что ответить. Почесал рукояткой ножа подбородок. И все так же мирно спросил:

— Ну и что?

— Да ничего... А траву не трогай!

— Она твоя, что ли?

— Она общая! И моя тоже! Раз под нашим домом растет!

— От вашего дома тут еще десять метров!

— А хоть тыща! Говорят, не трогай!

Генчик и не трогал больше, но девчонка сжала губы и скользнула вниз (цветное платице взлетело до локтей). Съехала по глине на своих босоножках, как на лыжах. И вот она — перед Генчиком. решительно смотрит сверху вниз. Косы торчат, оттопыренные уши грозно розовеют, в темных глазах — зеленые огоньки, как у сердитой кошки.

Конечно, у Генчика клинок, почти что меч, но не грозить же им девчонке. Конечно, она вредная и длинная, но ведь безоружная. Да и кончится это, скорее всего, так: нож она отберет, а Генчику надает по шее. Он в девчоночьих глазах прочитал именно такое намерение.

Генчик сказал рассудительно:

— Чего ты из себя десантника строишь? Прыгаешь человеку на голову! Лучше объясни нор-

мально: почему нельзя вырубать колючки-то?

Она объяснила с ноткой сожаления по поводу мальчишкиной тупости:

— Ну, это же зелень! Она воздух очищает! Зелени на Земле все меньше и меньше, надо каждую травинку беречь!

— Ничего себе «травинка»! — Генчик машинально почесал ножом ногу. — Джунгля ядовитая! Сорняк!

— Сорняк, это если он посевам мешает! А здесь он — просто трава. Растет и никому не вредит. Может, он на тебя смотрит и тоже думает: вот сорняк...

— Трава не умеет смотреть и думать, — привычно сообщил Генчик.

— Откуда ты знаешь? Некоторые ученые говорят, что умеет! А ты — ножом. Вдруг ей больно?

Генчик вспомнил Козимоду, жующую поросль на косогоре.

— Теперь что же? И сено не косить? И скот не кормить?.. И всем помирать?

— Сено — это для пользы! А тут какая польза, если все вырубить?

— А такая! Чтобы можно было прыгать и в колючки не въезжать!

Девчонка поглядела вверх, потом на заросли двухвостки. Все поняла. Подбородком показала на Генчиков бинт:

— По-моему, ты уже допрыгался. — В голосе ее почудилась капелька сочувствия.

— Это чепуха, — мужественно заявил Генчик. — Это даже и не здесь...

— Ну и здесь когда-нибудь голову сломаешь.

Генчик мигом нашел ход для достойного отступления:

— Как же я сломаю, если ты косить не даешь? Значит, и прыгать нельзя... Ты же здесь хозяйка, с хозяевами не спорят... — Это он снисходительно так сказал. Будто взрослый, уступающий ребенку.

Длинная девчонка стала словно поменьше ростом. Глянула виновато.

— Можно ведь, наверно, и другое место найти. Для прыжков-то...

— Может, и найду, — вздохнул Генчик. — А ты... скажи, ты по правде думаешь, что траве больно, когда рубят?

Она свела маленькие пушистые брови.

— Я в этом просто уверена.

Генчик вдруг представил, как его этим вот ножом — по ногам. Это тебе не клюквенное варенье...

Он сумрачно затолкал клинок в ножны. И протянул девчонке.

— Ладно, бери...

— Зачем? — Она вроде бы даже испугалась.

— В хозяйстве пригодится. Мне-то он был нужен

только вот для этого, — Генчик кивнул на заросли. — А теперь чего я буду с ним таскаться...

Девчонка неуверенно взяла «оружие».

— Им можно лучину колоть для самовара, — посоветовал Генчик. — У вас же есть самовар.

— Ага... — она неуверенно улыбнулась. И Генчик вдруг увидел, что один зуб у нее малость кривой. Как у него. И тогда он весело спросил:

— А правда, у вас такой чайник есть? — И оттянул подол рубашки.

— Правда, — она заулыбалась пошире. — А что? Красивый чайник...

«Вот поглядишь на него и меня вспомнишь», — подумал Генчик. И стал глядеть вверх, на откос, потому что вдруг застеснялся.

Девчонка сказала:

— Видишь ли... эта трава полезна еще вот чем. Она может разрастись и тогда укрепит эту осыпь. А то наш дом уже совсем съезжает в овраг. Он старый, еще прадедушкин.

— Не съедет. Подпорки-то вон какие крепкие, — сказал Генчик. Он по-прежнему смотрел вверх.

— А ты... если тебе нравятся всякие прыжки и полеты, приходи к нам, — тихо сказала она. — У нас на дворе качели есть, большущие. Прямо дух захватывает...

— Может, и зайду...

— Сейчас? — откровенно обрадовалась девчонка.

— Сейчас не могу. Надо в магазин... Ну, пока.

И Генчик по тропинке рядом с осыпью стал легко подыматься к Кошачьему переулку. И посвистывал сквозь дырку от зуба:

Ты — ковбойша, я — ковбой,

Пожились мы с тобой...

Ему хотелось оглянуться, но он не решился. И сказал себе, что это было бы несолидно.

3

Когда-то Утятину считалось отдельным поселком. И Окуневка, что на другом берегу Верх-Утятинского озера, была самостоятельным большим селом. Но потом они стали районами Белорыбинска. Их соединили с городом кварталы новых домов. Но не везде соединили. Кое-где между поселками и городской окраиной лежали болота, рощицы и сады с редкими дачами — как в давние времена, когда Белорыбинск был еще Краснорыбинском.

Трамвайная остановка Утятинская располагалась на пригорке, и с нее видно было, как дымит трубами, блестит стеклами многоэтажек и втыкает в небо острие телебашни городской центр. А у самого пригорка темнело камышами Тарелкино болото, где, говорят, развелась в последние годы всякая не-

чисть. Из-за нарушенной экологии... Генчик передернул плечами.

Подъехал дряхлый вагончик дачной линии — он ходил от коллективных садов до кольца в Зеленом квартале. Оттуда разбежались две линии: одна Окуневская, по берегу озера, другая — Городская, в главный район Белорыбинска.

В полупустом вагоне Генчик без приключений доехал до Зеленого квартала. Здесь вокруг площади стояли девятиэтажки салатного цвета. А на самой площади был небольшой рынок. До «Юного техника» оставалось всего два перегона по Окуневской линии. Можно бы и пешком, но не хотелось. Жарко уже было.

Пока не подошел трамвай с нужным номером «семь», Генчик бродил вдоль столиков, за которыми тетушки продавали вперемешку все на свете: помидоры и кружевные лифчики, черешню и домашние туфли, зеленый лук и старинные подсвечники... Любопытно!

Из-за любопытства Генчик и потерял бдительность. Недалеко от пивного киоска его «прихомутили» пятеро.

— Эй ты, покалеченный! Куда торопишься?

— На трамвай, — робко сообщил Генчик. Хотя понимал, что никакое смирение тут не поможет. Выходов два: или «ноги-ноги», или откупайся. И при этом все равно можешь заработать по шее.

Обступили Генчика со всех сторон.

Главным в компании был, видимо, пацан с животиком и пухлой рожей. «Круглый», — мысленно обозвал его Генчик.

Круглый облизал толстые губы и выдохнул:

— Откуда такой? А?

— Из Утятина. Я...

— Здесь тебе не Утятино, а Зеленка. Другое государство. Про таможенные сборы слышал?

Генчик слышал, но ответил наивно:

— Не...

— Бестолковый, — сочувственно вздохнул высокий тонкий парнишка (с виду даже симпатичный, с волнистыми темными волосами до шеи и глазами, как сливы). Он держал в опущенной руке накрытую тряпицей клетку. Интересно, кто в ней? Хотя какое там «интересно»! Смыться бы подобру-поздорову...

Еще двое пацанов — чуть постарше Генчика — в пестрых шароварах и одинаковых черных свитерах (в такую-то жару!) «пасли» пленника со спины. Лица их были без всякого выражения, как деревянные. Такие и не запомнишь...

Еще один — ростом с Генчика — стоял чуть в стороне. Смотрел словно из темных ямок — такие были у него глазницы. Молчаливый и

насупленный. «Бычок», — машинально подумал Генчик.

Тот, что с клеткой, спросил, сделавши улыбку:

— Сам выложишь валюту? Или будешь дрыгать-ся и звать маму?

У Генчика что за валюта? Самая мелочь, чтобы купить три-четыре моточка уцененных проводков...

— Потрясти? — деловито пропыхтел один из тех, что в свитере.

Круглый масляно улыбнулся.

— Обождите... Буся, покажи ему Шкурика.

Симпатичный Буся снял с клетки тряпицу. Генчик обмер.

В клетке, сунув острый нос между проволок, шевелил усами крупный грязно-рыжий крысенок. Он стоял на задних лапах, а передними, похожими на черные обезьяньи ручки, держался за проволочные прутья. И красными глазками смотрел прямо на Генчика! Понимающе и злорадно!..

Это, конечно же, был не просто крысенок! Это был детеныш крыс-мутантов, что развелись недавно в окрестных болотах! Эти существа назывались «шкыдлы». В газетах писали, что они ужасно коварные и умные твари. Правда, один известный профессор доказывал по телевизору, что никаких шкыдл не бывает. Но как же не бывает, когда вот...

Жуть и отвращение тряхнули Генчика крупным ознобом. Он беспомощно округлил рот.

Буся томно улыбался.

— Шкурик, давай мы тебя выпустим, ты поширишь у мальчика за пазухой, нет ли там потайного кармана с денежками... Шкурик любит таких смиренных мальчиков.

Несмотря на ужас, Генчик видел и понимал все четко. Краем глаза он различил, что спасительная «семерка» уже стоит на остановке. Пробыться бы...

Буся открыл клетку... Господи, как он может брать эту тварь в руки?!

— Я... папе скажу. Он здесь... — хныкнул Генчик. И вдруг заорал, будто отец и правда был неподалеку: — Па-па-а!!

На миг они поверили. Генчик рванулся назад, распахнул тех, кто в свитерах, и — к трамваю! Тот уже ехал. Генчик догнал, вскочил на заднюю площадку. Встал. Дышал он со всхлипами.

— Каждодневное у вас хулиганство, — сказал толстый пенсионер с удочками. — Распустили вас родители.

— А родители, они нонче сами такие же, — подержала его тетка, которая со своей корзиной занимала на заднем сиденье два места. — Ребенку ноги обрезает, а им и дела нет до этого...

— Вот взять бы тебя за ухо да в милицию, — увесисто произнес худой усатый дядька со множеством

орденских ленточек на пиджаке. И щелкнул пальцами — будто и правда хотел за ухо.

Генчик сказал со звоном:

— Меня в милицию, да? А их... вон тех! Их куда? Пятеро на одного!

За стеклами сзади видно было, как вся компания рысью спешит за трамваем. В погоню! Буся прижимал Шурика к рубашке. Генчик опять задрожал. Но трамвай набирал ход, враги отставали.

Общественное мнение разом склонилось в пользу Генчика.

— Вот шпана проклятая! — вознегодовала тетка с корзиной. — Загоняли ребенка! — Она поставила корзину на пол. — Ты, мальчик, сядь, а то еле на ногах держишься.

— Да ничего. Я... спасибо...

— Садись, садись, — добродушно велел дядька с орденскими планками. — Вон у тебя и нога пораненная.

Варенье давно уже просочилось через марлю и вполне создавало нужную видимость.

— Спасибо, — опять выдохнул Генчик. И скромно присел. А в трамвае пошел разговор о том, что воспитания нынче нету никакого. Отсюда кошмарный рост безнадзорности и детская преступность.

— Шагу ступить уже нельзя. У моей соседки на прошлой неделе сумку крест-накрест распорол и все акции треста «Купи-Дон» тью-тью...

— Куда катимся? Чем дальше, тем жутче...

— Раньше тоже всякого хватало. Но был порядок...

— А сейчас властям на все наплевать, кроме собственной зарплаты и дачи...

— Горячей воды с апреля нету...

— Вечером на улицу не выйдешь, сплошной страх...

— И жулики, и НЛО эти, — вставил слово пенсионер с удочками. — Позавчера в первом часу ночи этакая плоская штука размером с фонтан плюхнулась прямо на грядки. Полкан зашелся от лая. А она — фр-р — и в небо, и нету ее... Я, граждане, про это безобразие написал статью в «Вечерний Белорыбинск», чтобы навели порядок. А редактор говорит: «Нам про такие явления печатать не рекомендуют, есть устное указание председателя горсовета, чтобы зря не будоражить общественность». Я говорю: «Дак уже и горсовета никакого нету и председателя ихнего, а есть выбранная демократическим путем городская дума». А он: «Председателя нет, а указание осталось». Вот так! Пошел я тогда в эту думу...

Чем кончился разговор в городской думе, Генчик не узнал — «семерка» остановилась у «Юного техника». Генчик всем сказал «до свиданья» и, прихрамывая на всякий случай, сошел в тень тополей на улице Новомосковской.

Магазин был в просторном полуподвале. Там стояла чудесная прохлада, и Генчик под ее влиянием совсем успокоился. Повеселел. Тем более, что колечки монтажных проводов в самом деле оказались на витрине. Они были самых разных цветов! И продавались почти что задаром! Потому что у них была повреждена изоляция. Для электрических приборов это опасно, а для маленьких человечков — безвредно. Ух сколько новых жителей скоро появится в городе Генчика!

Мурлыкая про ковбойшу и ковбоя, Генчик захихал покупку в карман и направился к выходу. И... сквозь дверное стекло увидел, что злодейская компания тут как тут. И Круглый, и Буся, и Бычок. И двое в свитерах. Буся держал на весу клетку, накрытую тряпичей. Клетка рывками качалась.

Они стояли напротив дверей магазина. Шеренгой. Они терпеливо ждали добычу.

Белый свет буквально померк в глазах у Генчика.

Генчика похищают

1

Впрочем, свет померк вообще. Для всех. Из-за крыш показалась грозовая туча. Тополя с шумом пригнули верхушки. Сверкнуло, грохнуло. И тут же грянули об асфальт упругие струи.

Генчик с удовольствием смотрел, как улепетывают его недруги.

Но... они улепетнули только до трамвайной остановки. Там был широкий навес. Под навесом ежились застигнутые грозой прохожие. И вражья компания ежилась. Но, пританцовывая от долетающих брызг, все пятеро неотрывно смотрели на дверь магазина. Это Генчик видел даже сквозь частую завесу ливня.

...Ну, откуда в людях эта гадостная зловредность? Шел человек, никого не трогал, и на тебе! — налетает целая стая! Как шакалы на кролика!.. Ладно, если бы им просто деньги были нужны, а то ведь главная радость: поймать и поиздеваться! И как от них спасешься, чем их проймешь? Сказать, словно кот Леопольд из мультика: «Ребята, давайте жить дружно»? Вот смех-то будет — гогочущий, злорадный! Бандюги паршивые... Да еще Шурик этот пакостный! Как они его не боятся, мерзость такую? Наверно, потому, что сами такие же... Генчик точно помрет, если к нему близко поднесут эту зверюгу...

Гроза гремела, блистала и бурлила за окнами полуподвала. Генчик бродил от прилавка к прилавку и время от времени вздрагивал. Не от грозы, а от мыслей о Шурике... Дождь когда-нибудь кончится. Придется выйти. Не будешь сидеть в «Юном техни-

ке» всю жизнь, как политический беженец в иностранном посольстве. В конце концов наступит обещанный перерыв, и тогда уж точно: «Мальчик, ну-ка брысь!» А те не уйдут. Им такая охота — одно удовольствие.

Вместе с Генчиком бродили по магазину те, кого застала здесь гроза. И среди них — высокая старуха. На старухиной одежде темнели следы капель — она появилась, когда уже начался дождь. Может быть, поэтому длинное лицо старухи было недобрым. Глаза ее за блестящими квадратными очками раздраженно метались. Она что-то хотела купить в отделе канцтоваров, но сразу поругалась с молодой продавщицей, пригрозила «взять жалобную книгу» и отошла, стуча каблуками.

Походка у старухи была, как у Петра Первого. Держалась она прямо, словно к позвоночнику ей привязали палку от швабры. Была у старухи и настоящая палка — узловатая отполированная трость. Коричневая, под цвет костюма. Костюм состоял из широких брюк и просторного жакета, под которым виднелась похожая на тельняшку кофта.

«Ну и атаманша», — подумал Генчик. Сумрачно и завистливо. Такой атаманше, конечно, ничего не стоило бы своей тростью разогнать целую шайку мелкой шпаны...

А ему, Генчику-то, что делать? Может, подойти к продавщице (которая посимпатичнее на вид) и честно сказать: «Тетенька, меня там хулиганы караулят. Есть у вас запасной выход?»

А что? План и правда не плох! Есть в нем что-то от кино про разведчиков... Но сперва надо подождать, когда кончится дождь. А он все шумел за окнами, и гром звучал, как взрывы снарядов, часто и неутомимо.

Генчик в углу магазина присел на край широкой кадки с искусственной пальмой. Достал кольцо синего провода. Зубами оторвал кусок длиной с карандаш и начал мастерить пружинчика.

Пружинчиками назывались его человечки. Потому что ручки, ножки и туловища были у них обмотаны спиральными витками. А головка — круглая петелька. Ступни и ладони — тоже петельки, только узкие. Делать пружинчиков — искусство нехитрое, когда есть навык. Раз-раз — и проволочный человечек вот он. Генчик посадил его на забинтованное колено и принялся мастерить второго... И вдруг почувал *взгляд*.

Сквозь квадратные очки-окошки за Генчиком наблюдала старуха. Они встретились глазами. Старухины глаза были непонятные. Стуча башмаками и палкой, она прошагала к Генчику. Он теперь смотрел на нее снизу вверх, как лягушонок на цаплю.

— Ну-ка покажи... — Голос у нее был густой и строгий.

Генчик робко протянул пружинчиков — готового и недоделанного.

— Да не это, — старуха поморщилась. Взяла чelовечков, толкнула их в нагрудный карман на рубашке Генчика. — Пальцы!

Она крепко ухватила Генчика за кисть руки, потянула ее вверх. Он испуганно встал. Старуха решительно ощупала его пальцы — от большого до мизинца. На правой руке, потом на левой...

— Оч-чень замечательно. То, что нужно... Идем!

— Куда? — пискнул Генчик.

— Есть дело. — Старуха снова прочно ухватила его. И к двери...

— Там же ливень... — только и выговорил он.

— Уже кончается.

В самом деле, грозу будто разом отодвинули. Гром раскатывался уже в отдалении, шумный дождь превратился в чуть заметную морось. В ней заиграли искры солнца.

Старуха решительно вытащила Генчика наружу. Из духоты — в резкие запахи мокрой листвы, в прохладу, которая покусывала кожу крошечными брызгами.

Генчик вдохнул свежесть, а потом протестующе затормозил по мокрому асфальту сандалиями.

— Куда вы...

— Идем, идем!

Генчик беспомощно оглянулся. И... опять за ним с ухмылками следили пятеро. Нет, лучше уж со старухой. От нее он в конце концов сумеет удрать. Лишь бы она увела его подальше от *этих*...

И Генчик засеменил рядом со старухой, как послушный внук.

Свернули за угол. Там стоял у газона серый «Запорожец». Ужасно старой конструкции, но вымытый дождем и потому блестящий, словно только что из автомагазина.

Старуха дернула на себя дверцу.

— Полежай на заднее сиденье.

— Зачем. Я не...

Тут пятеро показались из-за угла. Старуха произнесла с ехидцей:

— Мне казалось, ты не прочь убраться подальше от этих мест.

Вот карга! Все разглядела!

— А куда вы меня повезете?

— Куда надо.

— Мне надо домой, — жалобно уточнил Генчик.

— Оч-чень замечательно. Садись. — И он от легкого толчка оказался в душной, пахнущей бензином кабине.

Старуха втиснулась за баранку («Запорожец» застонал). Мотор закашлял, машина дернулась. Генчик от рывка запрокинулся, задрал колени. Старуха

насмешливо смотрела на него из переднего зеркала. Генчик торопливо сел как положено. Старуха умело вертела рулем. Ее изображение продолжало поглядывать на Генчика. Поверх очков. Очки съехали вниз по носу. Нос был длинный и прямой, а самый кончик его загибался вперед: там словно был приклеен шарик из хлебного мякиша. На этом шарике очки и застряли.

Генчик неловко отводил глаза и думал, что, может быть, старуха и не вредная, а просто со странностями. Кажется, она похожа на тетю Полли из книжки-про Тома Сойера: снаружи суровая, а характер добрый. Увидела, что хулиганы караулят мальчишку, и решила спасти...

«Запорожец» трясло и заносило на скользких ухабах. Седой кукиш на темени старухи отчаянно мотался. Генчик перевел взгляд с кукиша на окно и вдруг понял, что они едут не в ту сторону.

— Ой... Мне ведь в Уятино!

— В самом деле? А мне в Окуевку.

— Но вы же обещали... что домой!

— Я имела в виду: домой к себе, — и коварная «тетя Полли» добавила газу.

Генчик понял, что его похитили.

О похищениях детей Генчик слышал и читал много раз. Похищали с разными целями. Иногда ради выкупа. Иногда, чтобы поиздеваться. Есть такие «любители» (вроде тех гадов со Шкуриком). Замучают до смерти и заркоут где-нибудь... А еще ходили слухи, что украденных людей по частям продают за границу. Для пересадки всяких органов... Ой, мамочка! Вот это называется спасся от врагов!

Старуха движением носа подбросила очки. Они блестели «оч-чень» иронично.

— Кажется, я знаю твои глупые мысли.

— П-почему... г-глуп-пые? — Генчик сделал вид, что заикается просто от тряски.

— Посуди сам... — Старуха крутнула руль, объезжая лужу. — Если бы я хотела тебя украсть, то разве стала бы делать это на глазах столько свидетелей? В том числе и на глазах твоих «друзей» с трамвайной остановки! И толкать тебя в столь примечательную машину с заметным для всех номером! Да и сама я — фигура заметная...

«Машину можно перекрасить, а номер сменить. А «фигура»... Может, она и не старуха, а переодетый бандит! Недаром шагает, как дядька!...» Ох, зачем он, Генчик, отдал девчонке нож! Было бы хоть какое-то оружие...

— Ты просто должен выполнить одну работу...

— Ага... — встряхиваясь, горестно догадался Генчик. — А потом вы меня лик... ик... видируете...

— Вот уж не думала, что у тебя такая дурная го-

лова! Впрочем, тут главное не голова, а твои пальцы...

«Значит, уже и пальцы пересаживают!» — ахнул про себя Генчик. И понял, что самое время выкатываться из машины на ходу. Ручку на себя, дверь — плечом, и марш! Нет, не получается! До дверцы не добраться — сиденье мешает. Да и скорость такая, что едва ли останешься цел. От удара о дорогу можно рассыпаться так, что хоть сразу продавай по деталям.

Есть еще один выход — зареветь. Но стыдно...

«Запорожец» между тем распугал домашних уток в луже на Кольцовской улице, поплутал среди мокрых заборов, пересек по глинистым колеям пустырь и нырнул в туннель под насыпью железной дороги. После туннеля он, царапая дверцы о кусты, проехал еще немного. Фыркнул и встал, словно стукнулся бампером о пень.

Старуха выбралась и придержала дверцу.

— Выходите, сударь. Но прежде, чем дать стрекача, подумайте: стоит ли? Неужели у нынешних мальчигов совсем не осталось вкуса к приключениям?

«Это смотря к каким...» Генчик сумрачно выбрался из кабины. Заподжимал ноги в высокой мокрой траве. Две колеи среди этой травы вели к старинным, с деревянными узорами воротам. Ворота были кривые, узор потрескавшийся.

На левой половине ворот желтел кусок фанеры. На нем чернели крупные буквы:

УВАЖАЕМЫЕ ГРАБИТЕЛИ! В ЭТОМ ДОМЕ НЕТ НИЧЕГО ЦЕННОГО. В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ МОЖЕТЕ ЗАЙТИ И УБЕДИТЬСЯ.

ДОМОВЛАДЕЛИЦА З.И.КОРЯГИНА

Все это было странно. Скорее всего — маскировка. И безлюдье кругом. Мокрая чаща и тишина. Можно согнуть без следа...

— Я открою ворота, загоню машину. Подожди. — И старуха (видимо, З.И.Корягина) прошагала в калитку.

Ну вот самый момент, чтобы «ноги-ноги». Фиг она его догонит со своей клюкой. В кусты — и только его, Генчика, и видели!

Но... Генчик не двигался. Сам не понимал, почему. Только нагнулся и сумрачно поправлял намокший бинт.

Ворота заскрипели и разъехались. Старуха вышла из них, как император из дворца. На Генчика не посмотрела. Села в «Запорожец» и въехала в нем на двор. Там выбралась из машины опять и сказала громко, в пространство:

— Заходи, раз не сбежал!

Конечно, она была притворщица. Баба Яга. Замастит, а там: «Садись-ка, милый, на лопату, я тебя в

печь...» Подумал так Генчик и... пошел. Что-то было тут сильнее страха. Непонятная такая тяга. Да и драпать теперь — это совсем уж стыд...

В обширном дворе (не двор, а скорее запущенный сад) стоял приземистый дом. Весь настолько перекошенный, что одни окна были в метре от земли, а у других нижний край прятался в траве. Большие были окна. С точеными шпиками на карнизах. А одно окно — особенное, восьмиугольное, совсем большущее. С хитрым узором деревянного переплета.

Таким же косым и удивительным, как весь дом, оказалось ступенчатое крыльцо. С козырьком из чугунного узора, с дверными створками, на которых вырезаны были красавцы-павлины (перья их хвостов кое-где пообломались).

Хозяйка поднялась на крыльцо. Оглянулась.

— Проходи.

Генчик покорился судьбе. Старуха пропустила его вперед.

В сенях было полутемно, в широкой прихожей — тоже. Мерцало узкое зеркало. Чуть ощутимо пахло то ли ванилью, то ли корицей (Генчик не разбирался в пряностях).

С неожиданной мягкостью старуха спросила:

— Ты не обидишься, если попрошу снять обувь? Я вчера выскребла полы...

Генчик дрыгнул ногами, стряхнул сандалии. Ступил на вязаный половик.

— Иди за мной. Сюда...

Это была комната с восьмиугольным окном. Снаружи темнели мокрые кусты сирени. Воздух от этого был зеленоватый. Это все, что сначала увидел Генчик. Потому что почти сразу он зажмурился от знакомого ощущения...

Под ногами были прохладные половицы. Не крашенные, а из голого дерева, которое, когда моют, для чистоты скребут еще ножом.

Такой пол был в деревянном доме у бабушки (когда бабушка была еще жива и маленький Генчик ездил к ней в село Загорье). Так замечательно было ступать по этим доскам босыми ногами!

Вот поэтому он и закрыл глаза. От сладкого воспоминанья.

А когда открыл — увидел корабль.

2

Корабль был длиной около метра. А если считать с наклонной торчащей впереди мачтой (кажется, называется «бушприт»), то еще больше.

Хотя не было парусов и между мачтами торчала пароходная труба, Генчик сразу понял: это парусник. Вроде «Дункана» из кино про детей капитана Гранта. Две откиннутые назад мачты были

высокие, стройные, в окружении натянутых снастей. А корпус — узкий, остроносый. Быстроходное судно.

Была в паруснике та особая красота, которая манит в дальние края.

Генчик тихонько засопел от восхищения.

Модель стояла слева от окна, на столике с витыми ножками.

Старуха, сменившая твердые башмаки на войлочные туфли, подошла к модели.

— Ну-с, вот это и есть работа.

— А что тут делать-то? — почтительным шепотом удивился Генчик. Он уже ни капельки не боялся. Босыми ступнями он впитал из деревянных половиц ласковость и успокоение. — Это ведь совсем уже готовый... корабль.

— Не совсем. Здесь еще немало возни с такелажем. Со снастями. А я... смотри! — Старуха размахисто повернулась к Генчику (он даже вздрогнул). Протянула руки.

Старухины пальцы, которыми она недавно так крепко хватала Генчика, были корявые и узловатые. И пятнистые, словно в разросшихся веснушках.

— Вот, юноша... Лет через шестьдесят, возможно, и ты узнаешь, что такое артрит, полиартрит, ревматизм, остеохондроз и высокое артериальное давление. Все прелести, от которых старые руки дрожат и не слушаются... А твои пальцы — я в магазине на них просто залюбовалась: как ты делаешь тонкую работу! Здесь такая же...

— Но я же не знаю... не умею... — Генчик робко вскинул на хозяйку модели глаза. — А тот, кто строил этот корабль, он где? Он разве больше не может?

Старуха сделалась еще прямее и строже, чем обычно. И объявила с высоты роста:

— Довожу до вашего сведения, что это судно строила я, Зоя Ипполитовна Корягина. Вот этими самыми руками. — И зашевелила «клевнями».

— Ой... — не сдержал недоверия Генчик.

— Что «ой»?

— Правда — вы?

Зоя Ипполитовна Корягина поджала губы. Потом хмыкнула.

— А вам, молодой человек, казалось, что такие модели мастерят обязательно отставные капитаны в тужурках с якорями и закопченными трубками в зубах?

Генчику, по правде говоря, казалось именно так. И он не стал отпираться, кивнул.

В голосе старухи появилась горькая нотка.

— Нет, голубчик. Эту бригантину строила я. Несколькими лет. Должна признаться, что это было радостью и смыслом жизни... Но я не рассчитала.

Пальцы стали отказывать раньше срока. И я не могу уже вязать ни одной выбленки.

— Чего... вязать?

— Видишь тросы по бокам у мачт? Они называются ванты. На них полагаются ступеньки...

— Ага! Чтобы на мачты лазить! Я видел в кино!

— Вот-вот! Они-то и называются «выбленки». Их надо делать из суровых ниток, привязывать особыми узлами.

— Я ведь не знаю никаких морских узлов...

— А тут и нужны-то всего два! На крайних вантах — «задвигной штык», а на средних — «выбленочный». Это элементарно! Ты освоишь мигом! Садись... — Твердыми (вот тебе и большие!) пальцами она ухватила Генчика за плечо. Почти силой посадила на фигурный, с протертым плюшевым сиденьем стул. И... охнула: — Я старая невежа! Опять хватаю ребенка, будто заложника. Срам... И даже не спросила, как тебя зовут... А?

— Генчик... Гена Бубенцов.

— Гена-Генчик... — Зоя Ипполитовна открыла в улыбке крупные зубы — все желтые, как у курильщика, а один золотой. — Генчик-Бубенчик... Тебя никто так раньше не звал?

Он даже испугался. Сказал шепотом:

— Звали... Давно. Бабушка...

— Наверно, ты очень звонко смеешься, когда тебе весело. Да?

— Не знаю. Обыкновенно...

— По-моему, мы найдем общий язык, — сообщила Зоя Ипполитовна. — Ох, а что у тебя с ногой? Кровоточит!

Клюквенный сок на бинте от сырости распустился алой гвоздикой.

Генчик сказал в упор:

— Маскировка. Варенье. Чтобы всяким вредным теткам не уступать место в трамвае. — Откровенность эта была в отместку за недавние страхи.

— Гм... Я вижу, голова у тебя хитроумная.

Генчика опять потянуло за язык:

— Вам же главное не голова, а пальцы.

— Да! Ты не прост... Впрочем, поделом мне... Ну а как все же насчет работы? Согласен?

— Ага. Только... — Генчик провел глазами по снастям и мачтам.

— Что?

— Тут ведь работы этой, небось, на целое лето...

— Ну-ну! Глаза бояться, руки делают. Сколько сможешь и захочешь. А потом буду искать кого-нибудь еще... Да ты не бойся, я ведь расплачусь.

— Разве в этом дело... — вздохнул Генчик.

— А в чем?

— Не напортить бы...

— У тебя получится отлично!

Ну, может, не отлично, а на «четверку» получалось. Вязать задвигной штык и выбленочный узел Генчик научился в два счета. Минут через двадцать он, посапывая от старания, уже ловко привязывал к вантам поперечные нитки-ступеньки.

— Зоя Ипполитовна, а ничего, что не сильно натянуты?

— Все правильно, они и должны слегка провисать. Ты молодчина!

Пальцы у Генчика и правда были ловкие. Скоро корабельная работа стала казаться ему привычной. Только у мачтовых площадок (они назывались «марсовые») приходилось трудновато: ванты сходились вплотную друг к другу...

Зоя Ипполитовна с книгой на коленях сидела неподалеку. Сидела так же прямо, как и ходила. «Как она скоблит полы с такой негнучей спиной?» — подумал Генчик. Он почему-то сразу решил, что хозяйка живет в доме одна. Время от времени Генчик поглядывал на нее. Иногда они встречались глазами. Зоя Ипполитовна в улыбке открывала золотой зуб (он светил, как маяк).

— Ты умница, Генчик-Бубенчик. Ты мой спаситель.

Она была теперь без кофты, в блузке, похожей на тельняшку.

— Зоя Ипполитовна, можно я положу на палубу пружинчика?

— Кого?

— Вот этого человечка. Пусть поживет на корабле.

— А! Конечно, конечно... Какой славный. Наверно, у тебя много таких?

— Ага. Целое... население. — Генчик усадил синего пружинчика у корабельной трубы. — Они у меня для всяких игр...

Эх, если бы у Генчика был такой корабль! Он подобрал бы для него самых ловких и красивых пружинчиков. И поплыли бы они вокруг света...

Но он не очень завидовал. Ведь парусник был сейчас немного и его. Потому что Генчик помогал налаживать оснастку!.. А пружинчик (которого будут звать Мичман) потом поселится у Генчика в городе и будет рассказывать местным ребятишкам, как служил на бригантине. И про шторма, и про всякие приключения... Генчик от удовольствия водил по губам кончиком языка.

— Зоя Ипполитовна... А вы раньше на флоте служили, да?

— Что ты, голубчик! Я совершенно сухопутная особа, всю жизнь была бухгалтером. Сперва простым, потом главным...

— У-у... — не сдержался Генчик.

— Что значит «у»? Бухгалтерская должность тоже требует умения и смелости. В ней, должна тебе сказать, немало подводных рифов и мелей...

— Да нет, я ничего... — Генчик от смущения закачал босыми ногами.

— Ну, а кроме того... я служила бухгалтером в речном порту. Одно дело, когда за окнами пыльная улица, а другое, когда пароходные трубы и мачты. Не морская гавань, конечно, но все-таки...

— Но все-таки, — охотно согласился Генчик, работая пальцами.

— Одно время я даже носила форму. В пятидесятых годах у всех работников портовой конторы были, как у капитанов, кителя и погоны с якорями и штурвалами... Вот так-с...

— А где вы научились такие модели строить? На реке-то на нашей таких парусников не бывает...

— О! Это у меня еще с детства, дорогой мой! Я с дошкольных лет обмирала о парусах и путешествиях. Читала Жюль Верна и Стивенсона... А ты какие-нибудь морские книжки читал?

— Конечно! «Приключения капитана Врунгеля». И «Остров сокровищ»... И про капитана Немо... — Генчик зачесал ногу о ногу, стараясь вспомнить еще. Не вспомнил. — Но я же не только про море люблю. Еще про космос, про индейцев... А еще «Повести Белкина», которые Пушкин написал. Знаете?

— Представь себе, да! Значит, тебя потянуло к классике?

— К чему? А!.. Это Ленка принесла из библиотеки. Она на первом курсе тогда училась, ей надо было сдавать экзамен про Пушкина.

— И как тебе сочинения Александра Сергеевича?

— Здорово! Лучше всех — «Выстрел»!

— Да? Почему же?

— Ну... потому что конец такой... Этот Сильвио не стал стрелять, хотя мог ведь убить того графа за просто. А он не захотел... и все сделалось хорошо...

— Все сделалось хорошо, — повторила Зоя Ипполитовна. И почему-то вздохнула.

— Мне там только одно не понравилось...

— Что же?

— Когда Сильвио по мухам стрелял. Ради забавы...

— Тебе что же, стало жаль мух?

— Ну, не знаю.. вообще...

Зоя Ипполитовна встала у Генчика за спиной.

— Ты, значит, из тех, кто и муху не обидит? Наверно, и не дерешься никогда?

Генчик пошевелил под рубашкой лопатками.

— Почему? Я могу! Если полезут, я... Вот у нас в летнем лагере, в том году, был Мишка Жираф, такой приставала, дак мы с ним два раза...

Зоя Ипполитовна похожей на краба растопыренной пятерней осторожно взлохматила его волосы-стружки. Молча.

Генчик сказал насупленно:

— Может, вы думаете, что я тех, на остановке, бо-
ялся?.. Ну да... Когда врагов пятеро, а ты один... Зоя
Ипполитовна, а почему так: идешь, ни к кому не лез-
ешь, а они на тебя... — И тут у Генчика не ко вре-
мени защекотало в горле.

Зоя Ипполитовна опять взъерошила ему макушку.

— Это, Бубенчик, давняя философская задача.
Ты ни к кому не лезешь, а они на тебя... Почему?..
Ох! Я старая эгоистка! Ты же наверняка голодный!

— Нет, я... не очень. Я...

— Сейчас! — Она пошлепала туфлями из комна-
ты и вернулась с кружкой и тарелкой. В кружке — мо-
локо, в тарелке — печенье.

— К сожалению, ничего горячего я сегодня не го-
товила...

Молоко было приятно холодное. Печенье пахло
так же, как все в доме — какой-то пряностью. Генчик
хрустел им, прихлебывал из кружки. Потом откинул-
ся на спинку стула. Нижние ванты на задней мачте
были теперь все со ступеньками.

— Зоя Ипполитовна, мне домой пора. Белье раз-
вешивать... — На старинных часах (деревянный
орел, держащий блюдо с циферблатом) была уже
половина второго. — Я, наверно, даже опоздаю!

— Не опоздаешь! Я тебя довезу мигом!.. Ох как
славно ты поработал... Сейчас, Генчик-Бубенчик,
скажи честно и без лишней скромности: сколько я
должна тебе за этот труд?

Он сказал честно:

— Ну что вы такое говорите! Просто даже слу-
шать не хочется!

— Ты... это серьезно?

Генчик сердито повел плечом: какие тут шутки?

— Ты, видимо, несовременный ребенок... — Зоя
Ипполитовна опять почему-то вздохнула. Генчик
слегка обиделся:

— Почему несовременный, если я в современное
время живу?

— Я не в том смысле...

— Да знаю я, в каком! Ленка тоже так про меня го-
ворит иногда... Зато сама вся такая современная!
«Мисс Утятину»...

— Ты, наверно, часто с ней ссоришься?

— Не так уж... Не каждый день... А современный,
это тот, кто жвачку с пузырями все время жует? Я
тоже ее жевал, аж челюсти болели. И вкладыши
собирал, чтобы в Турцию послать. Говорили, что,
если пошлешь, от турецкой фирмы будет премия:
компьютер или заграничная путевка...

— Ну и что же?

— А ничего. Шиш на кукурузном масле... С тех пор
и не жую.

— Ну вот. Значит, ты вообще-то не против награ-
ды? Почему же у меня отказываешься?

— Потому что... мне и так тут интересно. Я буд-
то играю. И вообще...

— Что, Генчик, «вообще»?

— Ну... так... — Не будешь ведь говорить про лас-
ковое дерево половиц.

— А еще-то придешь? — тихо спросила Зоя Ип-
политовна. И стала будто пониже ростом, как обыч-
ная бабушка.

— А можно?

— Ты еще спрашиваешь!

— Я хоть завтра...

— Правда?

Генчик заулыбался:

— Я вам пружинчика оставлю. Заложником.

— Не заложником, а почетным гостем...

Старший спасатель Кубриков

1

На дворе ждала неприятность. Не пожелал заво-
диться «Запорожец». Ну, никак!

Зоя Ипполитовна била себя по бокам длинными
руками.

— Негодная керосинка! Конечно же, опять сел ак-
кумулятор... Как же я тебя повезу?

— Да вы не расстраивайтесь, — мужественно
сказал Генчик (хотя кошки скребли на душе).
— Только скажите, как добраться до трамвая...

— Но тебе же очень далеко ехать!

— Вообще-то, да.. Вот если бы зимой, то можно
прямоком через озеро, по льду: С этого берега нашу
улицу видать...

— Не ждать же зимы!.. А! Идем! Пошли... — И она
опять крепко ухватила Генчика за руку. Видимо, по
привычке.

Вышли со двора, поплутали среди тесных забо-
ров и могучего чертополоха. По досчатым лесен-
кам — вверх и вниз — перебрались через насыпь
железной дороги. И оказались на пологом озерном
берегу.

Зоя Ипполитовна широко шагала по тропинке и
все держала Генчика за руку. Он семенил рядом,
путаясь сандалиями в жесткой траве «пастушья
сумка».

— Да отпустите уж вы меня. Теперь-то я не сбегу.

— Ох! Извини, пожалуйста. Это называется «инер-
ция поведения». На почве старческого возраста...

— Ну, не такой уж он у вас и старческий...

— Генчик Бубенцов! Ты истинный джентльмен...
Ого! Нам сопутствует удача! Смотри...

У мостков, с которых обычно полощут белье, при-
ткнулась широкая моторка. Точнее, катерок с отки-
нутым брезентовым верхом. На корме возился с

подвесным мотором парень в тельняшке и фуражке-мичманке. Он хлопнул мотор по кожуху, выпрямился и с удовольствием потянулся.

— Любезный капитан! — зычно окликнула его Зоя Ипполитовна. — Позволено ли мне будет обратиться к вам с просьбою?

Моторист секунды две изумленно молчал. Потом одернул тельняшку.

— Сударыня! Я весь внимание!

Светский тон моториста не вязался с его внешностью. Парень был коренаст и широкоплеч. Лицо круглое, но не пухлое, а с крепкими скулами. Нос — как сапожок. Под «сапожком» топорщились светлые усики. Под стать усикам были брови — как две белые зубные щетки. И такие же щетинистые светлые волосы торчали из-под мичманки. В общем, Ваня-тракторист из комедии «Комаровские женихи», которую недавно показывали в передаче «Старые киноленты».

Зоя Ипполитовна, однако, отдала должное манерам «капитана».

— Благодарю вас. Не могли бы вы доставить на тот берег мальчика? Он очень спешит! Выражаясь по-флотски, у него форс-мажор. Чрезвычайные обстоятельства!

Хозяин моторки жизнерадостно глянул на Генчика и галантно заверил собеседницу:

— Нет ничего проще, мадам. Как говорят в Европе, «но проблем».

— Еще раз благодарю. А... сколько я должна вам заплатить за этот незапланированный вояж?

— Сударыня! О чем вы говорите! Вы же только что сообщили, что у мальчика форс-мажор! Помогать людям в экстремальных ситуациях — моя обязанность!

— Мне везет сегодня на встречи с благородными людьми, — тоном пожилой графини сообщила Зоя Ипполитовна. — Надеюсь, капитан, я могу без опаски доверить вам юного пассажира?

— Мадам! — возгласил «капитан» в порванной на боку тельняшке. — Я старший спасатель водной станции номер два! Обратитесь к начальству, и оно со всей ответственностью подтвердит вам, что Петр Кубриков (то есть я) не похитил и не утопил ни одного ребенка! Как, впрочем, и взрослого!.. Через пять минут мальчик будет в полной сохранности на том берегу. Слово чести!.. Если, конечно, не скиснет двигатель. Но и в этом случае я доставлю вашего внука на сушу. Хотя бы как дрессированный дельфин!..

Зоя Ипполитовна не стала объяснять, что Генчик

— не внук. Патетическая речь старшего спасателя Кубрикова явно понравилась ей.

— Ну что, Бубенчик? Пойдешь в плавание?

— Ага!

Петр Кубриков сделал под козырек — это для Зои Ипполитовны. А для Генчика — приглашающий жест:

— Прошу вас, сэр!

В тот же миг катерок закачался от Генчикова прыжка.

— Эй! Ты пятками днище пробьешь!

— Не-е! Я легонький! — Генчик, согнувшись, ухватился за низкий поручень, а другой рукой помахал Зое Ипполитовне. Она отсалютовала ему тростью — как маршалским жезлом.

Петр Кубриков оттолкнул моторку от хлипкой пристани. Сел за баранку, похожую на самолетный штурвал.

— Устраивайся рядом!..

Генчик уселся на горячее от солнца клеенчатое сиденье со спинкой. Кубриков щелкнул тумблером, и мотор кашлянул. Потом взревел. Кубриков надавил ручку газа. Катерок так взял с места, что Генчика вдавило в спинку.

— Ух ты!..

Кубриков заложил широкий вираж. Генчика прижало к борту. Он восторженно взвизгнул. Потом оглянулся. За кормой громадным веером стояла вздыбленная вода — с пенным гребнем и тучей брызг. В брызгах горели радуги. Вода медленно опала, но радуги еще какое-то время держались в воздухе. Так, по крайней мере, запомнилось Генчику.

Генчик радостно глянул на Кубрикова.

— Как в самолете!

— А тебе часто приходилось летать?

— Не... Ни разу. Но мне так кажется!..

— Значит, у тебя хорошее воображение, — одобрил Кубриков. И сбавил газ. Катерок пошел теперь потише. И ровно, по прямой.

Кубриков протянул широкую, в пятнах смазки ладонь.

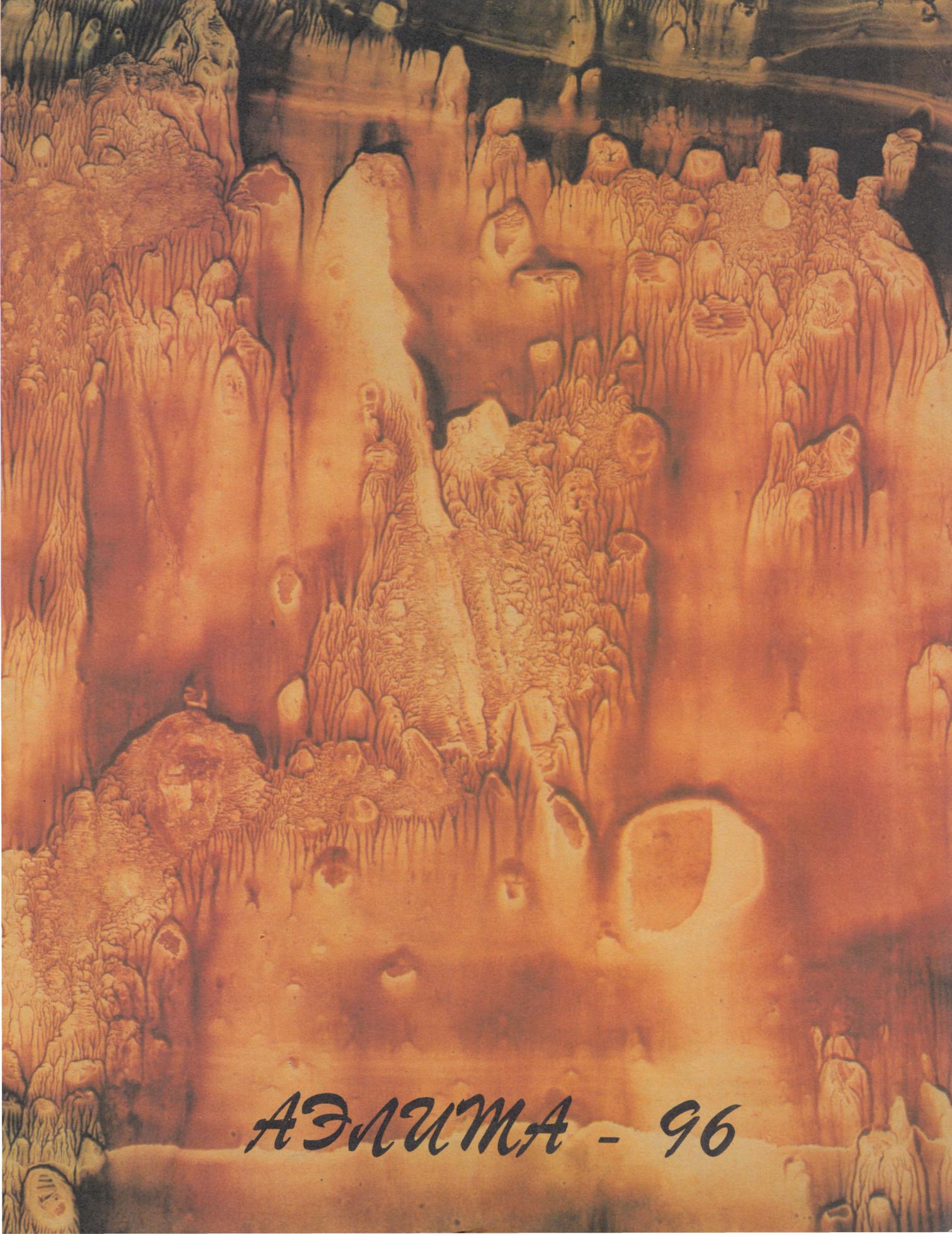
— Будем знакомы. Петр. Можно Петя. Кубиков!..

— Геннадий. То есть Генчик!.. А вы разве не Кубриков? Мне слышалось там, на берегу!..

— Правильно слышалось. Иногда бывает, что и Кубриков. Это, так сказать, псевдоним. Для большей приобщенности к морской тематике!..

Ресницы у Пети — в отличие от остальной белобрисой растительности — были рыжеватые. На них горели желтые солнечные точки. А глаза — очень голубые. Ну прямо как матросский воротник.

— Вы на флоте служили, да?

АЭЛУМА - 96

Ведущий рубрики
Сергей КАЗАНЦЕВ

Игорь ХАЛЫМБАДЖА

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ: год 1996-й

1 января — 110 лет со дня рождения Фатиха Зарифовича Амирхана (Амерханова) (1886-1929), татарского писателя и публициста, автора первых фантастических повестей («Преосвященный Фатхулла») и рассказов в татарской литературе;

— 65 лет Адлеру Камилевичу Тимергалину (1931), автору 9-ти НФ книг («Роберт, проснись!», «На далекой планете», «Вечное воспоминание» и др.).

5 января — 75 лет со дня рождения Фридриха Дюрренматта (1921-1990), швейцарского прозаика и драматурга, автора фантастических повестей («Зимняя война в Тибете» и др.) и пьес («Операция «Вега» и др.)

9 января — 65 лет со дня рождения Элджаса Юнаса Бадриса (Будриса) (1931), американского писателя, критика и литературоведа, автора романов «Ложная ночь», «Михайлов день» и др.

12 января — 120 лет со дня рождения Джека Лондона (1876-1916), американского писателя, автора фантастических романов («Железная пята»), повестей («Алая чума», «До Адама»), рассказов («Враг всего мира», «Голиаф», «Красное божество», «Тень и блеск» и др.). 22 ноября — 80 лет со дня его смерти.

14 января — 75 лет со дня рождения Кеннета Генри Балмера (1921), английского писателя, автора более 150 фантастических романов («Мир демонов», «Длинная тень Земли», «Секрет Зет Ай» и мн. др.)

15 января — 70 лет со дня рождения Глеба Николаевича Голубева (1926), автора НФ книг «Гость из моря», «Голос в ночи», «Огненный пояс» и ряда др. НФ повестей, рассказов и сценариев;

— 105 лет со дня рождения Ильи Григорьевича Эренбурга (1891-1967), автора фантастического романа «Трест Д.Е.» и сборника рассказов «Неправдоподобные истории».

18 января — 185 лет со дня рождения Эдуарда-Рене Ле Февра де Лабуле (1811-1883), французского писателя, ученого и общественного деятеля, автора фантастического романа «Париж в Америке», сказочного памфлета «Принц-пудель» и множества сказок.

19 января — 55 лет со дня рождения Александра Николаевича Житинского (1941), автора фантастических повестей «Эффект Брумма», «Часы с вариантами», «Хранитель планеты», «Параллельный мальчик», «Арсик», «Голоса» и мн. др.

22 января — 435 лет со дня рож-

дения Фрэнсиса Бэкона (1561-1626), английского философа, ученого, писателя и политического деятеля, автора провидческой утопии «Новая Атлантида». 9 апреля — 370 лет со дня его смерти;

— 90 лет со дня рождения Роберта Эрвина Говарда (1906-1936), американского писателя, автора многих фантастических произведений, в частности — создателя цикла повестей и рассказов о Конане («Голуби ада», «Люди Черного Круга», «Час дракона», «Сокровище Гвалура» и мн. др.) 11 июля — 60 лет со дня его смерти.

30 января — 215 лет со дня рождения Адальберта Шамиссо (1781-1838), немецкого писателя, создателя классической «Необыкновенной истории Петера Шгемия» (1814): о человеке, потерявшем свою тень.

6 февраля — 90 лет со дня рождения Георгия Павловича Тушкана (1906-1965), автора фантастических романов «Черный смерч» и «Разведчики зеленой страны».

17 февраля — 140 лет со дня рождения Жозефа Анри Рони (1856-1940), французского писателя, автора романов «Борьба за огонь», «Взморз», «Ксипехузы», «Гибель Земли», «Сокровище снегов», «Таинственная сила», «Звездоплаватели», «Удивительное путешествие Гертона Айронкестля», «Нимфея» и др.

20 февраля — 70 лет Ричарду Бартону Матесону (1926), американскому фантасту, автору романов «Путь вниз», «Я — легенда», «Последний» и др., а также большого числа рассказов.

7 марта — 80 лет со дня рождения уральского сказочника Владимира Ивановича Воробьева (1916), автора сказочных повестей «Капризка вождь ничевоков», «О том, как кот Васья в третий класс перешел» и др.

13 марта — 85 лет со дня рождения Рона Лафайетта Хаббарда (Хуб-

барда) (1911-1984), американского писателя (романы «Страх», «Поле боя — Земля» и др.), создателя теории дианетики, или индивидуально-психоанализа.

28 марта — 85 лет со дня рождения Бертрана Артура Чандлера (1911-1984), австралийского писателя, автора фантастических романов «Долгий путь», «Наемники космоса», «В альтернативную Вселенную» и др.

1 апреля — 70 лет со дня рождения Энн Инес Мак-Кеффри (1926), американской писательницы, автора сериала книг о Перне («Странствия Дракона», «Белый Дракон», «Песни Перна», «Барабаны Перна», «Древний Перн» и др.).

9 апреля — 90 лет со дня рождения Ивана Антоновича Ефремова (1906-1972), ученого и писателя, автора романов «Лезвие бритвы», «Таис Афинская», повестей «Звездные корабли», «Сердце Змеи», «Тень минувшего», «Путешествие Баурджеда», «На краю Ойкумены» и многих рассказов.

27 апреля — 120 лет со дня рождения Клода Фарера (Фредерика Шарля Эдуарда Баргона) (1876-1957), французского писателя, автора фантастических романов («Обреченные», «Дом людей живых», повестей («Где?», «Остров Большого колодца»), рассказов («Идол», «Конец Фауста» и др.).

2 мая — 95 лет со дня рождения Льва Натановича Лунца (1901-1924), рано умершего прозаика, драматурга, идеолога группы «Серапионовы братья», автора фантастических пьес «Обезьяны идут», «Вне закона», «Город Правды», повести «Родина», рассказов.

3 мая — 105 лет со дня рождения Михаила Афанасьевича Булгакова (1891-1940), замечательного русского прозаика и драматурга, автора фантастического романа «Мастер и Маргарита», повестей «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Дьяволиада», «Луч жизни», пьес «Адам и Ева», «Блаженство», «Иван Васильевич», «Багровый остров», рассказов и сценариев, организатора первого в России «Кружка фантастов».

6 мая — 110 лет со дня рождения Григория Борисовича Адамова (Гибса) (1886-1945), автора популярных фантастических романов и повестей «Тайна двух океанов», «Изгнание Владыки», «Победители недр» и рассказов.

8 мая — 105 лет со дня рождения Льва Вениаминовича Никулина

(Ольконицкого), прозаика и сценариста, автора фантастического романа «Тайна сейфа», повестей и рассказов («Долг», «Лучи доктора Симова», «Бацилла искренности», «Угадыватель мыслей» и др.).

16 мая — 75 лет со дня рождения Николая Александровича Дашкиева (1921-1976), украинского писателя-фантаста, автора романов «Властелин мира», «Торжество жизни», «Зубы дракона», «Хрустальные дороги» и др.

23 мая — 75 лет со дня рождения Джеймса Бенджамин Блума (1921-1975), американского писателя, автора более 35 книг, в том числе романов «Засеянные звезды», «Звезды в их руках», «Жизнь среди звезд», «Триумф времени», «Землянин, вернись домой!» и мн. др.

4 июня — 85 лет со дня рождения Виктора Платоновича Некрасова (1911-1987), прозаика, автора фантастических повестей («Саперлипопет, или Если б да кабы да во рту выросли грибы», «Случай на Мамаевом кургане»).

5 июня — 80 лет со дня рождения Михаила Николаевича Грешнова (1916), автора нескольких НФ сборников («Волшебный колодец», «Сны над Байкалом», «О чем говорят тюльпаны», «Продавец снов», «Лицо фараона», «Эхо», «Одно апельсиновое зернышко», «Обратная связь» и др.).

10 июня — 100 лет со дня рождения Николая Николаевича Шпанова (1896-1961), прозаика и журналиста, автора фантастических романов «Земля недоступности», «Первый удар», «Тайна профессора Бурого», «Война невидимок», «Ураган».

15 июня — 100 лет со дня рождения Лейнстра Мюррея (1896-1975), американского фантаста, лауреата многих премий (Хьюго, Небьюла и пр.), автора романов «Корабль призраков», «Ночь волка», «Серебряные яйцеглавы», «Скиталец», «Мрак, сомкнись!», «Веселый город Ланхмар» и др.

19 июня — 70 лет со дня рождения Йозефа Несвадбы (1926), чешского писателя, автора повестей «Голем 2000», «Грустные дети», «Язык младенцев», романов «Секретное сообщение из Праги», «Минегава появляется вновь», рассказов.

22 июня — 140 лет со дня рождения Райдера Генри Хаггарда (1856-1925), английского писателя, автора приключенческих и фантастических романов («Она», «Азша», «Ледяные боги», «Люди тумана», «Дитя из слоно-

вой кости», «Сердце мира», «Среди фараонов» и др.).

26 июня — 65 лет со дня рождения Колина Генри Уилсона (1931), английского философа и писателя, автора романов «Паразиты мозга», «Космические вампиры», «Мир пауков» и др.

2 июля — 105 лет со дня рождения Александра Мелентьевича Волкова (1891-1977), ученого, прозаика, драматурга и переводчика, автора фантастических повестей и рассказов («Приключения двух друзей в стране прошлого», «След за кормой» и пр.). Популярностью пользовались его пересказ повести Ф. Баума «Волшебник Изумрудного города» и оригинальные продолжения этой повести («Урфин Джюс и его деревянные солдаты», «Желтый туман», «Огненный бог марранов», «Тайна заброшенного замка», «Семь подземных королей»).

12 июля — 80 лет со дня рождения Петрония Гая Амаути (1916-1982), летчика и писателя-фантаста, автора романа «Гаяна», повестей «Волшебная штатулка», «Чао», «Космическая горошина», «Требуется король!» и мн. др.

17 июля — 95 лет со дня рождения Бруно Ясенского (Виктора Яковлевича Зискинда) (1901-1941), прозаика, драматурга, автора романа «Я жгу Париж», повести «Нос», пьесы «Бал манекенов». 20 октября — 55 лет со дня его гибели.

18 июля — 100 лет со дня рождения Отто Вилли Гайля (1896-1956), немецкого писателя, автора романов «Лунный перелет», «Камень с Луны» и др., в которых пропагандировал идеи покорения космоса с помощью реактивных аппаратов.

21 июля — 85 лет со дня рождения Кэтрин Люсиль Мур (1911-1985), американской писательницы, жены и соавтора Г. Каттнера (под общими псевдонимами Л. Пэдджет, Кельвин Кент, С. Х. Лидделл и др.). Автор ряда и самостоятельно написанных книг («Шамбло», «Ночь страшного суда» и др.).

25 июля — 80 лет со дня рождения Виталия Григорьевича Мелентьева (1916-1984), автора фантастических повестей «33 марта», «Черный свет», «Голубые люди Розовой Земли» и др.

26 июля — 140 лет со дня рождения Бернарда Джорджа Шоу (1856-1950), англо-ирландского драматурга и прозаика. Среди пьес Шоу — немало написанных на фантастические сюжеты («Тележка с яблоками», «Женева», «Простак с Нежданных

Островов», «Назад к Мафусаилу», «Человек и сверхчеловек», «Притча о далеком будущем» и др.). Перу Б. Шоу принадлежит ряд фантастических новелл («Тайна костюмерной», «Новая игра — воздушный футбол» и др.).

30 июля — 75 лет со дня рождения Бориса Валериановича Ляпунова (1921-1972), писателя и популяризатора, автора многих научно-популярных книг, НФ очерков («Мы — на Марсе», «По следам Жюль Верна»), киносценариев («Лунный рейс», «Дорога к звездам»).

2 августа — 85 лет со дня рождения Энтони Бучера (Уильяма Энтони Паркера Уайта) (1911-1983), американского фантаста, автора романов и рассказов (на русский язык переведены рассказы: «Звездная невеста», «Валаам», «Нэллту», «Клоподав», «Они кусаются» и др.).

6 августа — 250 лет со дня рождения Василия Алексеевича Левшина (1746-1826), автора одной из первых российских фантазий — «Новейшего путешествия, сочиненного в городе Белеве». 29 июля — 170 лет со дня смерти писателя.

15 августа — 60 лет со дня рождения Владислава Анатольевича Бахревского (1936), прозаика и поэта, автора многочисленных сказочных повестей («В Стране Шаха», «Владыки Черных и Белых Полей», «Глаза ночи», «Златоборье», «Кипрей-полыхань», и мн. др.).

16 августа — 110 лет со дня рождения Пьера Бенуа (1886-1962), французского писателя, автора романа «Атлантида».

17 августа — 410 лет со дня рождения Иоганна Вильгельма Андреэ (1586-1656), автора одной из первых литературных утопий «Христианополис». 27 июня — 340 лет со дня его смерти.

20 августа — 90 лет со дня рождения Александра Петровича Казанцева (1906), автора фантастических романов «Пылающий остров», «Арктический мост», «Планета бурь», «Мол Северный», «Лунная дорога», «Льды возвращаются», «Сильнее времени», «Дар Каиссы», «Купол надежды», «Острее шпаги» и мн. др.; лауреата «Аэлиты»;

— 45 лет Грегори Дейлу Бирю (1951), американскому фантасту, лауреату премии Хьюго, Небьюла и др., автору романов «Бессмертие», «Музыка, звучащая в крови» и др.

Окончание на стр. 55

АЭЛИТА-95

Егор БЕЛОГЛАЗОВ

ФОРМУЛА ГОРИЗОНТА

Фантастическая повесть

Рисунки Натальи ЕРМОЛАЕВОЙ

Часть I

АРКТУР

Пролог

Еще нигде ничего не объявляли, но информация, казалось, просачивается сквозь стены — шумок пошел в лекционных залах и информаториях. Вскоре Артура стали узнавать в коридорах. Он старался меньше ходить в обеденное время, но все равно находились люди, хлопали по плечу, завидовали.

Наконец, когда невозможно уже было делать вид, что не веришь, профессор, ведущий медицину на пятом курсе, влетел в кабинет, где временно разместились комиссия по отбору.

— Это правда, что летит Третьякович? — спросил он с порога, забыв поздороваться.

— Вы присядьте, — предложил дружелюбно Майдановский. — Что вас, собственно, не устраивает? Простите...

— Акимов Сергей Павлович. Значит, правда?

— Правда, — кивнул Майдановский, — мы еще не успели сообщить по общей сети: времени, знаете, не было...

— Вот-вот, а тем временем институт ходит ходунком. Какие-то тайные пересуды... Почему вы не посоветовались с советом профессоров, не расспросили преподавателей?

— Простите, — прервал его Майдановский, — вы недовольны кандидатурой? Или, может, работой нашей комиссии?

Акимов поднял на него обиженные глаза.

— В том числе, — сказал он, — совет профессоров и еще многие недоумевают, почему на такую серьезную э-э... роль избирают человека из среды курсантов, людей неподготовленных? Почему вы работаете без связи с медико-центром? Ну и, конечно, многие не одобряют кандидатуру Третьяковича.

— Сергей Павлович, наша комиссия работает вне связи с вашим институтом, мы уполномочены отделом компоновки Управления Дальних Исследований. Как видите, разные ведомства, и, смею вас заверить, свой медико-центр у нас имеется. Я не стану сейчас объяснять подробно, почему мы выбрали ваш институт. Одна из причин делает вам честь — это качество подготовки курсантов. А насчет кандидата... Что вы можете привести против участия Артура?

— Ну... — Акимов помялся, — у него, к примеру, не все гладко с социологией... Он несколько вспыльчив.

— Это плюс, дорогой Сергей Павлович, плюс, а не минус. В тех условиях...

— Ладно, а его травма? Вы хотите обмануть инспекторов охраны здоровья?

— Все инспекторы хором дают «добро». Артур освидетельствован в нашем центре и признан как нельзя более годным. Третьякович единственный из всего курса, кто проходил тренировку на активную среду. Навыки вождения у него отменные. Да вы подождите немного, сейчас мои коллеги придут, и я вам покажу заключения. Или вам нечего возразить? —

2) Герман Сергеевич Майдановский встал, поднял на окнах жалюзи и обернулся к Акимову.

— Ладно, — махнул рукой тот, — сдаюсь. Но объявите хоть по общей сети!

— Это пожалуйста, — Герман Сергеевич широко улыбнулся и снял микрофон с подставки.

— Вниманию всех, — разнесся его четкий голос по коридорам института, — объявляю решение комиссии по подбору. Наше окончательное слово — единственным кандидатом на участие в экспедиции к седьмой планете альфы Волопаса является курсант Третьего Института Космонавтики Артур Васильевич Третьякович!..

Глава первая

Марк обещал, что принесет гитару, и — не принес. Зато Генрих Вильке, добродушный круглолицый парень по прозвищу Пух, достал где-то потрепанный сборник полузабытых дискоальбомов, и музыка на вечер была обеспечена. Ожидали, что придет куча народу, но нет — были только самые близкие и знакомые. «Завидуют, что ли? — думал Артур. — А чему?» Он без улыбки сидел рядом с проигрывателем и смотрел в пол.

— Ну, что задумался, герой? — это подошла Элка, распустившая в честь праздника волосы по плечам, наряженная, словно на бал. Она нагнулась, схватила Артура за руки и потянула в центр комнаты, к столу. — Ребята! — крикнула она. — Да помогите же, чего он грустный! — Элла обернулась, ища поддержки.

Эдик Прохоров, «спец» по наземному оборудованию, которого уже со второго курса стали приглашать на участие в серьезных проектах, махнул рукой, где-то в углу разговаривая с Ральфом.

— А я говорю — правильно, что Ферзя послали! — громко объявил он. — Слышишь, Ферзь? Я вот говорю сразу — я тебе доверяю. Ясно, люди?

— Браво! — Света Липатова хлопнула в ладоши. (Ферзь — это прозвище ходило за Артуром давно. «Да почему Ферзь?» — допытывался Майдановский, проводя тесты. «Ну... — Артур пожимал плечами, — я-то откуда знаю». Наконец Майдановскому объяснили. Степка Макшеев, пойманный в лектории, знавший Артура со школы, сказал, сделав загадочное лицо: «Ферзь? Ну как же! Главная фигура, главнее короля!» Больше Герман Сергеевич не спрашивал, но что-то отметил в блокноте.)

Артуру сунули в руку бокал коктейля.

— Ну, — сказал кто-то, — речь! — И его окружили плотным кольцом. — Ферзь, несколько слов на прощание!

Артур, держа бокал и автоматически улыбаясь, думал, насколько глупо он выглядит. Он один из всех забыл переодеться к вечеру — вечеру его имени! — и теперь на нем был изрядно поднадоевший костюм, перешитый из полетной формы. Мысли были вовсе не праздничными. Речь? О чем? Куда он летит, он один знает хорошо — им же этого пока и не представить.

— Ребята... — Все затихли и обратили на него взоры. — За вас, а я... вернусь! Всё! — Ферзь выпил, остальные тоже.

— Эх, жалко, коктейль безалкогольный! — сочувственно крикнул Эдик. — А сейчас — танцы, танцы!

Кто-то врубил музыку. Артур долго бы еще разглядывал пустой бокал, но к нему подошла Липатова.

— Ты не хочешь меня пригласить? — спросила она. Ферзь удивленно посмотрел в ее серые глаза.

Света перешла в их институт недавно — и тотчас ей придумали прозвище — Лепесток. Однокурсники и преподаватели ломали голову, зачем ей понадобился Космофлот — ей пророчили будущее танцовщицы или ведьмы. На ее шаги вечно поворачивались головы в коридорах, и генеральный директор института Джеймс Хэмфри уже не удивлялся графикам падения сосредоточенности курсантов на занятиях.

Теперь она ждала ответа. Артур повертел бокал и виновато улыбнулся:

— Не умею. Извини, конечно... У меня голова сейчас... не на том. На Арктуре. Ты прости... скажешь ребятам — я ушел. Надо на инструктаж. Там ждут. Завтра увидимся. — Он вручил погрузневшей Свете бокал и прошел к дверям. Кажется, никто особо и не заметил.

На улицах Артура встретили порыжевшие листья каштанов — ими были усажены многие тротуары, и теперь ветер растаскивал по городу пятипалые отпечатки. Он вскинул глаза на шпиль метеостанции, всегда нависающий над институтской площадью. Там полоскался синий с черным вымпел — «слабый ветер». Артур помнил, как однажды летом, года четыре назад, налетел с моря циклон. В город случайно забрел смерч; тогда сорвало сам шпиль, а вымпел со знаком «ураган» занесло в кабинет Джеймса Хэмфри. Генеральный директор счел это дурным знаком.

Теперь приморский город был тих. Артур спокойно шагал по каменным мощеным улицам. Только-только начинало темнеть, загорались площадки флип-такси, но Ферзь всю жизнь предпочитал ходить пешком, если была такая возможность. Кому-то это покажется странным — человек, которого учат водить звездные лайнеры, любит ходить пешком. Но, не страдая лишней скромностью, Артур тайно чувствовал себя выше тех, кто летит в вечернем небе на двухместном флиппере: они рады, что им послушна эта машина, он же, получивший неизменное «отлично» за невесомые старты грузовых тысячетонников, невозмутимо шел по улице.

Майдановский встретил улыбкой.

— Почему ты всегда в одном костюме?

— Забываю, Герман Сергеевич.

Сразу ловко подскочили двое лаборантов, нацепили на шею и локтевые сгибы датчики. Старый знакомый Артура, пожилой врач Луис Неро восхищенно глянул из-за дисплея.

— Ну, Артур, ты сегодня на высоте! Развожу руками — здоров, как бизон. Раздевайся.

Они вошли в белостенный, устланный резиной спортзал. Артур скинул комбинезон, рубашку и в плачках предстал перед Луисом. Старик поцыкал, критически глядя.

Внешне — Артур знал — он выглядит чересчур стройным. Не хватало жировой прослойки, мышцы были пропорциональны, но без приятной глазу накаченности. Так думали непосвященные.

Врач тронул Артура за левую руку. Эта рука была до локтя одета в тонкую черную перчатку.

— Как, — спросил Луис, — не барахлит?

Ферзь покачал головой.

— Тогда начинаем. «Солнце» — пятнадцать раз.

Артур привычно прыгнул на перекладину...

После разминки на турниках врач хлопнул в ладоши.

— Хорошо, Артур. Теперь отдохни, и — спарринг.

Инструктор по рукопашным — сегодня это был Куинберг, вечно хмурый парень — вывел из тренерской робота-партнера. Пластиковый манекен молча двинулся на Артура.

— Веди, веди! Следи за дистанцией! — крикнул Куинберг, когда Третьякович провел два сближения без особого результата.

Робот, настроенный на смесь каратэ и бокса, неслышно скользил по полу. Артуру стало смешно смотреть в его телеглаза, он зазевался и пропустил тяжелый свинг справа. На скуле покраснела кожа. Артур стиснул зубы, пригнулся, шутя ушел от взора телеглаз, невесомо вынырнул за спиной манекена. Его рука в черной перчатке рубанула наискось. Пластик хрустнул, робот с изувеченной шеей рухнул и задрогался на полу. Куинберг сунул руки в карманы и отвернулся.

— Ну? — Луис Неро взял Артура за локоть. — В чем дело? Что с тобой? Ты, ненароком, не заболел?

Артур тронул скулу.

— Нет. Наверное, волнуюсь немного.

— Я говорил, — вмешался Куинберг, — рассчитывай силы. Не давай волю левой. Где я сейчас возьму новый спарринг-манекен?

Артур сморщился, его рука в перчатке непроизвольно зашевелила пальцами. Ферзь сжал ее правой.

Луис покачал головой.

— Идем, посмотрим. Ох, Артур...

В лаборатории, полуодетого, его усадили за стол.

— Снимай перчатку, — велел Неро. Артур осторожно взялся за кончики пальцев, потянул. Разомкнул шов. Черная металлическая ткань сползла, открыв защитный каркас из титановой сетки, словно вырастающий из локтевого сгиба...

Руку Ферзь потерял три года назад на тренировке. Глупо напоролся на кибертренажер с программой, предусматривающей оружие. Осталось загадкой, кто забыл предупредить Артура о смене программы. И Ферзь оказался без оружия против железного дурака с пластиковым тренировочным мечом. Артур тогда уже проходил тренировки сопротивления активной среде и успел довести тело до уровня, когда мышцы обретают крепость стали. И когда взяла злость, он выхватил у робота меч и ударил со всей силы. Как и теперь, не рассчитал. Кибертренажер взорвался, вспышкой охватило пол-руки. Артур удивленно разглядывал обгорелую культю, кто-то подскочил, влепил оплеуху, потащили в медпункт... Потом Луис Неро посоветовал: «Хочешь остаться в институте — сделай биопротез и докажи медико-центру, что это живая рука...» Без космоса Артур жизни не мыслил. Калек в институте не держали. Пока он валялся в стационаре, прошло несколько недель. И тогда вызванный Луисом протезист пожевал губами: «Второй Мересев? Польку-бабочку танцевать и на велосипеде ездить — пустяк. Ты у меня этой рукой микросхемы паять будешь». Артур улыбнулся — протезист, видно, не представлял, что значит управлять космическим кораблем. Биопротез был готов за десять дней. Еще двадцать Артур учился им управлять. Когда вышел из стационара, услышал, что уже исключен из списков. В этот день были зачетные выступления на перекладине. Артур проник в спортзал через запасный ход и, когда вызвали следующе-

го, вышел к турникам. Сначала его не узнали — черную перчатку он еще не носил, а титан несильно отличался по цвету от бледной кожи. Артур прокрутил комплекс упражнений, подошел к столу комиссии и на глазах ошарашенных экспертов написал на листе левой рукой: «Завтра приду на лекции». Потом ушел. Записку прочитали лишь через полчаса — она была написана китайским иероглифическим письмом. Назавтра в институте никто слова не проронил. Артур понял, что победил. Биопротез был чудом. Два десятка мощных микромоторов реагировали на малейшие нервные импульсы. Мастер превзошел себя — механическая рука была влита в систему организма, энергия подводилась кровью по пластиковым трубкам, стальные стержни вращены в костную ткань. Электронные и пьезо-датчики были точнее осязательных окончаний. Титановая броня выглядела экстравагантно, и чтобы не шокировать людей, Артур приспособил черную перчатку. С тех пор перестал различать, где у него кончаются ощущения тела и начинаются ощущения кибернетического протеза...

— Ты же сказал — не барахлит! — Луис смотрел, как Артур аккуратно снял титановый корпус. Внутри ветвились световоды, мигал, отмечая пульс, индикатор.

— Она и не барахлит, — сказал Третьякович, осматривая контакты моторов. — Просто, когда волнуешься, импульсы плохо контролируются — тогда протез немного... это... живет своей жизнью. Пальцами двигает. Но я легко справляюсь.

— Ой, Артур... Ты относись серьезней. Тебе двадцать восьмого лететь. Чтоб до этого научился контролировать... эти... импульсы. Там механизм должен работать, как часы. Запомни!

Ферзь в раздражении натянул перчатку.

— Вы тоже — запомните. Это не механизм и не часы. Это моя рука. Живая. И в ней — моя кровь. И пусть она может ломать кирпичи, но она не менее жива, чем ваша!

— Хорошо, — согласился Неро, — ты просто помни, что там тебе не кабина флиппера, не кирпичный завод, и не рубка «Пустельги». Там — зона «зеро».

Глава вторая

— Итак, зона «зеро», — Майдановский кивнул на полукольцо пульта, похожего на кафедру.

Артур встал за пульт, оглянулся на огромный, в полстены, экран. Двинул рукой, и там засветился причудливый знак — две переплетенные буквы «зет».

— Это — эмблема тех, кто работает в секторе пространства, где жизнь и здоровье людей невозможно контролировать извне — так называемых зонах «зеро». Например, зоной «зеро» считается система альфы Щита — пять пустынных планет, где находится орбитальная станция с персоналом в восемь человек. Их жизнедеятельность не контролируется, связь с транзитной станцией на второй звезде Щита поддерживается раз в два года. Зон «зеро» в исследованной человеком части Вселенной около пятидесяти. Ну и, разумеется, вся неисследованная нами Вселенная — тоже бесконечная зона «зеро»... — Артур взглянул на небольшой зал, где сидели Майдановский, Неро, Хэмфри и еще десятка два специалистов. Майдановский вновь кивнул.

— Хорошо, теперь ближе к теме.

Артур тронул пульт, осветив на экране какие-то данные. Обвел глазами зал.

— Человечеству в данный момент известно девять внеземных цивилизаций. С пятью из них Земля поддерживает дружественный контакт. Это меллы, каурмы, иреняне, кольцеры и аары. Я привожу названия, сообщенные ими самими. Две цивилизации находятся в слаборазвитом состоянии — это цивилизации дельты Ориона-4 и гаммы Скорпиона-3. С этими двумя мы поддерживаем избирательные контакты. Восьмая цивилизация отнеслась к предложенному сотрудничеству враждебно, и с тех пор у Земли с нею нейтральные отношения. Но нас интересует последняя, девятая цивилизация, существующая на седьмой планете альфы Волопаса — оранжевой звезды, известной под названием Арктур. Уровень развития людей седьмой планеты — простите, я не сказал, что аборигены принадлежат к физическому типу человека — уровень развития сейчас довольно низок и находится на ступени рабовладельческого строя. Из-за своей удаленности от космических трасс и транзитных станций цивилизация эта почти абсолютно не исследована и объявлена зоной «зеро». На седьмой планете находится бомбовая станция на пять человек. В настоящее время там живет лишь один. Это абориген дельты Ориона, представитель цивилизации наэлов, также человеческого типа. Его имя — Ким Лессо Лорме Онн. На станции находится около двух земных лет.

Артур перевел дух и сменил картинку. На экране появилось трехмерное изображение — пейзаж с серебристо-зеленым лесом и полями.

— Теперь — немного о планете. Гравитация на поверхности — около 0,9 «g». Сутки равны тридцати трем часам. Средняя освещенность примерно равна освещенности на земном экваторе, доза излучения и состав воздуха равны земным. Орбита максимально близка к окружности, наклон оси сравнительно мал — это приводит к тому, что времен года там практически нет. Вокруг планеты вращаются пять крупных спутников. Это Ларри, лунного типа и размера; Санта-Анна, тип тот же, но несколько меньше; Малыш — спутник неправильной формы, размером в полтора километра; Крокет, пятисотметровый, круглой формы; и Фавн, диаметром в треть Луны, неправильный шар. Спутники абсолютно неисследованы.

— Ладно, ладно, — Майдановский махнул рукой, — ближе.

— Теперь — о цели полета. Три месяца назад на аварийном боте был подобран Ларри Клейн — второй сотрудник станции на седьмой планете. С ним приключился несчастный случай — что-то с сердцем, — и он, оставив станцию на Лессо Лорме, стартовал на ближайшую транзитную. Там он успел сделать сообщение, а затем скончался от сердечного приступа. В сообщении, которое я приводить полностью, экономю время, не буду, говорится о нащупанных Клейном следах некой высокоразвитой цивилизации, останки которой сохранились на планете. Ларри сообщает о совершенных машинах, по рассказам аборигенов, скрытых в горных пещерах, о городах и многом другом. Разумеется, Управление Дальних Космических Исследований заинтересовалось этим...

— Достаточно! — Герман Сергеевич поднял руку.

— Садись, Артур, ты все изложил предельно точно. Я теперь продолжу. Дело в том, что ситуация создалась из щекотливых. Исследовательский флот Земли давно пора расширять, и подготовка новой экспедиции уперлась в транспорт. Как упоминал Третьякович, Арктур находится далеко от баз и станций. Все сколько-нибудь мощные исследовательские и грузовые, а уж тем паче — пассажирские корабли заняты в рейсах, а на малом флоте Арктура не достичь. Нужно выделять спецрейс. Огромные затраты, при неизвестном результате. Я не лезу в космоархеологи, и тем более — в экономисты, но всякому ясно, что шанс на обнаружение чего-либо ценного на планете невелик. Тогда создали план, по которому следует сперва забросить на Арктур разведчика, который бы подтвердил сведения Ларри Клейна. Ким Лессо Лорме Онн исключался, как представитель слаборазвитой цивилизации. На станции он находился в качестве инструктора по социологии, так как общественный строй его планеты слабо отличается от строя аборигенов Седьмой планеты. Тут нам неожиданно помогло военное ведомство. У них намечались какие-то маневры в том районе. И вблизи системы Арктура должен будет пройти суперкрейсер «Мицар». По дороге он сбросит модуль, на котором нашего разведчика доставят на планету. Потом модуль отыщет его и вернет на крейсер. Все на первый взгляд просто.

Майдановский вздохнул.

— Если бы в самом деле просто! Мне с комиссией поручили самое мутное и тяжелое дело: подбор человека, которого можно без зазрения совести забросить в зону «зеро». Ну работенка, скажу я вам! Но в конце концов мы нашли Артура Третьяковича и посчитали это подарком судьбы. Мы руководствовались такими характеристиками: Третьякович великолепно физически тренирован, молод, имеет опыт работы с самыми различными системами, обладает десятками специальностей — от пилота до монтажника. У него нет родных... — тут Майдановский смутился. — Прости, Артур, я...

— Ничего, — подал голос Артур, — это правда, мои родители погибли в катастрофе, так что плакать будет некому. Я подхожу по всем параметрам, не так ли?

— Так. У тебя есть претензии, Артур? Сегодня ты тут последний день, завтра тобой займутся уже на космодроме. Смелее, ругай меня. — Майдановский сошел с трибуны и положил руку ему на плечо. Люди в зале встали, заговорили, обступили их.

— Претензий нет, — сказал Артур. — Один вопрос — кто будет пилотировать модуль?

Майдановский развел руками.

— Мне сказали только имя — некий Андриан Михай, смотритель ближайшей транзитной станции.

— Тогда еще, — Артур чуть помедлил, потому что левая рука вдруг самопроизвольно шевельнулась. — Я уже попрощался с ребятами... Не хотелось бы возвращаться в общежитие. С собой я вещи не беру, так что заходить домой не надо. Где бы я мог до завтра переночевать?

Четверо или пятеро уже раскрыли рты, но Герман Сергеевич широким жестом остановил их.

— Ни слова! — объявил он. — Сегодня Артур ночует у меня!

Майдановский жил почти у моря — в старой деся-

тиэтажке. С восьмого этажа отлично виднелись вспыхивающие на воде барашки — «слабый ветер», выйдя на простор моря, жестчал. Волны бежали наискось, где-то на сером горизонте болтался заблудившийся парус.

Квартира была невелика, и по всему видать, женщина сюда не заглядывала давненько. Три кресла скучали вокруг низкого стола. Светила хрустальная люстра. Герман Сергеевич сунул ноги в шлепанцы, нажал кнопку за портьерой — на окна упали жалюзи.

— Все равно скоро стемнеет, — объяснил он, словно извиняясь. — Ты проходи, располагайся. Чай, кофе?

— Чай. — Артур бесшумно, по толстому персидскому ковру, прошел и сел в одно из кресел. Огляделся, блаженно откинулся на спинку.

Подошел хозяин, сел рядом. Из центра стола появились кружки чая и сахарница.

— Минут через пять ужин будет готов, — пообещал Герман Сергеевич.

— Спасибо, нет. Не голодный.

— Ничего, поешь. На космодроме только сок дают. Нравится у меня?

— Да. Вы один живете?

— Сам видишь, — Майдановский засмеялся. — Старый холостяк. Соседи и сослуживцы ругают почему зря.

Артур улыбнулся. Тряхнул темной шевелюрой.

— Да, кстати, — Майдановский поставил чашку на стол и чуть помялся, — давно хотел спросить... Тот же вопрос — о родственниках.

— Вы же знаете — мне было двенадцать тогда, они были в числе пассажиров «Лемура». И мать, и отец. А других родственников — вообще нет. Один, как перст, — Артуру усмехнулся.

— Я несколько про другое, — сказал Герман Сергеевич. Он взял было кружку, вдруг отставил, взял вновь. — Видишь ли, зона «зеро», и черт знает что... Я хотел спросить — неужели у тебя нет девушки?

Артур качнул головой.

— Как-то получилось, что... нет.

— Удивительно, — Майдановский откинулся в кресле, — такой парень, вроде...

— Удивительно, — согласился Артур и стал пить чай.

Глава третья

Космогородок Дельта Стар жужжал и суетился. Позже Артур понял, что все заштатные космодромы с громкими названиями обязаны суетиться, чтобы казаться если уж не большими, то хотя бы важными. Дельта Стар казался важным до чрезвычайности. Отсюда обычно стартовали почтовые колеоптеры до ближайших станций, теперь же городку выпала честь проводить человека в пятый пояс дальности.

Вокруг лежали песчаные степи — это Артур заметил еще из машины, когда они подлетели. Флиппер сунул шасси в рыжий песок, что намело на стоянке. Артур и сопровождающие пошли к зданию администрации. Вот еще картинка: на краю посадочных квадратов, расстелив на бетоне покрывало, сидит серьезная девочка лет пяти, в цветастом платьишке и с косой. Артур, проходя, кивнул ей, поглядел, чем она играет — это были блестящие детали. И в километре начинаются полусферические домики Дельта Стар. Пус-

тошь. Три пирамидки колеоптеров на бетоне и коробка административного здания. Причал, откуда начнется дорога к звездам...

— Вот что, Артур Васильевич, — начальник космодрома потер пухлые ладони, — мы все обеспечим по высшему разряду. Сейчас сначала переправим на колеоптер ваши вещи. Что вы берете с собой?

— Ничего, — Артур снял с плеча легкую сумку. — Только вот тут пара вещей, но это не в счет. Мне сказали, что экипировка и все необходимое уже на орбите.

— Ну, это упрощает. Тогда сейчас вы отдыхаете, в одиннадцать — последняя экспертиза, и в час ваш колеоптер стартует. Обедать будете на «Мицаре». Устраивает?

— Безусловно. Вам случайно не известен примерный маршрут?

— О, у этих военных такие секретности! Но сначала вы, конечно, заглянете на транзитную станцию «Лимб», заберете пилота модуля.

— Что за человек, кстати говоря?

— Андриан? Ну, Андриан Михай — пилот экстра-класса. Ему сорок девять лет, я с ним плохо знаком. Говорят, человек прекрасный... Ну, добро вам отдохнуть!

Артур взбил носком кроссовки песок. Как они с ним не борются? Скоро все взлетно-посадочные площадки занесет. Шут с ним. Он пошел по шершавой бетонной дороге в городок. Наугад нашел полусферу с полустертым транспарантом «Гостиница». Взял у сонной дежурной ключ, забрался на кровать и набрал на видеофоне номер.

— Алло!

Ответил Эдик Прохоров.

— Вы там простите, что ушел, — сказал Артур, — не люблю прощаний.

Эдик молча глядел с непонятной задумчивостью.

— Ладно, — сказал он наконец, — это ладно. Знаешь, как тут Лепесток изводится? Ты слепой или дурак? Девчонка плачет.

— Да, но...

— Что — но? — тихо спросил Спец с экрана. — Ты ей совсем голову скрутил, ясно? Вот и все «но». Или ты... — Эдик помешкал. — Или она тебе не нравится?! Но...

— Что — но? — улыбнулся грустно Артур. — Да, пусть институт спокойно сходит по Светке с ума. Она свободна, и была свободна. Я улетаю. Позаботься, чтобы она там перестала плакать. Я тебе доверяю, Спец.

Эдик хлопнул кулаком о ладонь.

— Ну, Ферзь... Ты правда?.. Спасибо, Ферзь. Удачи тебе. Я не забуду. Пока.

— Привет всем. Пока.

Экран погас. Артур закинул ногу на ногу. Поза его выражала непонятное умиротворение. Его легко можно было признать теперь одновременно и благородным, и бессердечным.

Впрочем, в институте так все и считали. И везде, в любом общении. Люди, случайно знавшие Артура, поражались его холоду. Люди, знавшие близко, были просто шокированы. Кто-то пытался дать ему прозвище «Робот», но «Ферзь» победило. В любой компании он был вежлив и открыт ровно настолько, насколько требовалось. Он был благороден — до полного отрица-

ния себя, и свободен. От любви, от дружбы, от привязанности. Откуда в нем было это? Да если б знать! От редкой в описываемый момент ситуации, когда человек воспитывается без родителей? От природы? От вышших сил? Но до сих пор речь велась лишь о внешних проявлениях. А внутренние... О! Сознание Артура Третьяковича казалось ему самому системой с перепутанными логическими связями. Прекрасный творческий сумбур с одной стороны, и навыки профессии, жесткие штабеля знаний — с другой. Он мог, не повернув головы, высчитывать курс, когда рядом плачет женщина. Но те, кто в этот момент готов убить его за бессердечие, не догадываются, что через мгновение он отодвинет клавиатуру и достанет с неба звезды — только чтобы унять этот плач. И, бывало, поза его источает равнодушие, а в глазах гуляет лень — но тронет тенью далекий горизонт, или ненароком ветер бросит по плечам кольца волос у прошедшей мимо девушки — Артура пронзало холодом. Совершенство! — он не произносил это вслух, но жил этим, — прекрасно, великолепно, я успел увидеть; спасибо, Вселенная!..

А теперь он прикрыл глаза в гостиничном номере, и мысли метались в замкнутом пространстве. Только что он сотворил очень странную вещь — отказался от любви красивейшей девушки из всех встреченных ранее. Через час с небольшим его понесет по неизвестным горизонтам. Эти два факта были непреложны. Ферзь угрюмо глядел в потолок, а его рука в черной перчатке сонно шевелила пальцами...

В двенадцать пятьдесят Артур взмог на борт безымянного колеоптера. В тринадцать ноль-ноль полоса дрожащего воздуха пересекла небо над Дельта Стар. В четырнадцать корабль уже стыковался с орбитальной станцией «Терра-15». В пятнадцать десять Артур был на военном суперкрейсере «Мицар».

Ровно в восемнадцать часов ноль минут по корабельному и земному времени километровая игла крейсера выпустила шлейф синего пламени, сорвалась с орбиты, и через минуту сиреневая молния хлестнула в том месте, где «Мицар» ушел в подпространство.

Глава четвертая

— ...Приготовиться! — сказал невидимый динамик. — Приготовиться!.. Приготовиться!.. — повторил он в других отсеках и каютах. — Торможение. Стыковка с транзит-станцией.

Артур открыл глаза, зевнул. Выспаться не пришлось. Неужели уже «Лимб»? В кубрик вошел офицер и учтиво отдал честь, как своему. Артур кивнул, вскочив с топчана.

— Прошу вас не беспокоиться. Через пятнадцать минут будет «Лимб». Мы возьмем пилота. Вы не возражаете, если он эти три дня до Артура поживет здесь, с вами?

— Как же я могу возражать! — засмеялся Артур. — Буду очень рад. Спасибо.

Офицер вышел. Артура подсел к иллюминатору. На «Мицаре» были отличные пилоты: крейсер четко выполнил разворот, аккуратно затормозил, и блестящее колесо станции уже вползло в поле зрения.

Космический крейсер замигал вспышками — можно было подумать, что на его боках взрываются вра-

жеские снаряды — это давали импульсы корректировочные двигатели.

Станция приветственно раскрыла стыковочный узел, две металлические горы сблизилась и без толчка слились.

Артур встал, привел кубрик в относительный порядок. Через некоторое время распахнулась дверь.

— Здравствуйте, — сказал невысокий, плотный мужчина. — Андриан Михай, пилот.

— Артур Третьякович, — Артур пожал крепкую руку, — ваш пассажир.

Михай вошел, огляделся. Потом они с Артуром немного порассматривали друг друга, составляя мнение.

Андриан был одет в свободный синий костюм с нашивками зоны «зеро». Правильное и спокойное лицо, косой шрам поперек лба, чуть седины в волосах. Двигался он не спеша, но ловко и точно, а взгляд, казалось, отмечал все.

— Что ж, будем знакомы. — Артур указал на соседнюю койку. — Располагайтесь.

— Спасибо. — Андриан скинул с плеча сумку, глянул в иллюминатор.

«Мицар» уже отошел от станции и набирал скорость. Михай сел к полукруглому столику.

— Вы надолго на Арктур? — спросил он.

— Как придется.

— Да, это конечно... А то мне дали минимум информации. Ну, и... А вы кто по профессии?

— Широкий профиль. Разведчик, пилот, исследователь...

Артура удивила манера Андриана строить фразы. Он словно постоянно что-то недоговаривал, намекал, обрывал на полфразе.

— Ага... А я вот тоже пилот... Ну и, значит, до фотоорбиты. Ведь до фотоорбиты?

— Что?

— Вас довести до фотоорбиты? Задание было...

Определенно, беседовать с Михаем было неприятно.

— Значит... Я должен буду найти вас через полтора месяца... Так-так. Ну, что ж... — он говорил не то сам с собой, не то со стенами.

Артур качнул головой.

— Через полтора месяца — по плану. А как выйдет, я не знаю.

— А зачем? — неожиданно спросил Андриан.

Артур слегка растерялся.

— Что?

— Зачем знать? Вам выпала возможность проверить свои силы, взглянуть на мир с новой стороны. Я бы на вашем месте задержался еще на полтора месяца. Вы же представьте — чужие зори, риск, небо, которое до тебя никто не видел... — Андриан осекся. — Извините, — сказал он. — Что это я, право...

— Это вы извините, — Третьякович подошел и протянул ему руку, — простите, я не рассчитывал встретить в вас романтика, столь похожего на меня. Спасибо.

Михай улыбнулся. У него великолепно получались такие тихие, спокойные улыбки.

— Спасибо и тебе, Артур, — тепло сказал он. — Я думаю, мы станем друзьями.

На следующий день они уже чувствовали себя так,

будто знакомы еще до рождения. Артур не предполагал, что человек может быть до такой степени интересен. Часы уходили у них с Андрианом на беседы. За обедом Михай тронул тему жизни и смерти.

— Жизнь есть жизнь. Смерть есть смерть. И им не сойтись никогда. Никогда, Артур. Понимаешь? Сама тема смерти противна и отвратна жизни. Жизнь бежит от опасности.

— Разве? — удивился Ферзь. — А что же тогда жизнь, как не непрерывное преодоление опасностей? Они слитны и нераздельны — жизнь и смерть.

Андриан любопытно посмотрел на Артура.

— Ты смерть видел? — спросил он участливо. — Как увидишь, скажешь. Это страшно для человека, потому что человек есть жизнь.

— Но секунда жизни для одного — секунда гибели для другого. Они переплетены.

— Сапоги всмятку, — пояснил Михай, — чушь и все остальное. Переплетены бывают разные формы смерти. А жизнь — одна, ее стиль и ее форма — всегда бегут от разрушения.

— Что-то запутано, — Артур покачал головой. — То есть?

— Цель, — сказал Андриан Михай. — У жизни, какой бы она ни была, всегда одна цель: сохранить жизнь. Свою или чью угодно — роли не играет. У смерти цель так же одна, но противоположная. Ну, и...

Артур задумался.

— Интересно... Ну, а риск? Допустим, ближайший пример — ты пилот, рискуешь жизнью ежеминутно. И тебе это нравится? — Андриан взглянул на Артура в упор. Тот кивнул.

— Нравится, что бы там ни говорили. В риске есть смысл. «Дергать смерть за усы», по-киплинговски, жить в напряжении — это, пусть небольшой, но все же шанс ощутить себя человеком. Создателем. Царем. Богом.

— Игрушкой, — поправил Андриан, — бумажным солдатиком, гуляющим по краю очага и кричащим: «Я несгораем!» Это ближе.

— Нет! — Артур сжал кулаки. — Нет, богом! Мудрым, всевидящим, спокойным...

— ...Беспомощным, — вставил Андриан. — Бесильным, калекой, опирающимся на протезы с реактивными двигателями.

— Эти протезы преодолевают пространство.

— Да. И время — являясь прочнее и долговечнее тех, кто их создал.

— Но человек — всемогущ!

— Человек? — Михай задумался, прикрыв глаза. — Человек, друг мой, просто нахален. И это не дает ему взглянуть на вещи беспристрастно. Конечно, если закрыться в камере своих представлений, представить, что ты вознесен ввысь, — тут крик: «Я выше всех!» оправдан. Но люди-то снаружи, за камерой, знают правду.

— Вы думаете, я создал себе свой горизонт? — медленно спросил Артур.

Андриан Михай усмехнулся.

— Горизонт? Горизонт... Горизонт... Понимаешь... Тот, кто сидит в яме — он видит мир в узком секторе ее краев, рваные края ямы — это его горизонт. Человек, вылезший на равнину, поразится — какой же там кругозор! И его горизонт станет велик — аж до края земли. Но стоит подняться на гору, границы неба раз-

двинутся еще. Горизонт стоящего на горном пике просто огромен. Но только тот, кто оторвется от всех плоскостей и планет, кто вышибет к чертям дверь своих представлений — тот увидит, что горизонтов и границ во Вселенной не существует...

Артур молчал. Михай поднялся из-за стола, пошел к двери. Обернулся.

— Не обижайся, пожалуйста, — попросил он. — Просто... Помни — я ничего не возводил в константу. Ищи истину в тех границах, что доступны. Ищи свою формулу горизонта. Ищи, — он вышел и захлопнул дверь.

В пустом кубрике Артур сжал голову руками. Андриан свалил на него невероятный груз. Третьякович испугался, что не выдержат нервы. То, что сказал Михай, было направлено точно в сердце. Но как же вылезать из ямы, думал Артур, где дверь из камеры собственных представлений, и как ее открыть? О, господи... Артур клял Михая, клял себя, что вступил с ним в разговор, но слово было сказано, семя брошено, и весь хаос, что в голове Ферзя просто занимал место, пришел в движение.

Глава пятая

На следующие корабельные сутки Артур встал с головной болью, но ясным взглядом. С твердой уверенностью, что впереди — планета, напряжение, риск, работа, — а значит, что-то из двух: или он найдет выход, или все забудется.

Пока Артур хладнокровно и методично разбирал все заготовленное для него оборудование. Специалисты Земли, спору нет, постарались. Сложнейшая экипировка была компактно распределена по одежде. Третьякович примерил куртку из серебристо-зеленой металлической ткани, такие же брюки, черные пластиковые кроссовки. Пульт размещался во внутреннем кармане куртки, его дубли выводились на левый рукав и правую штанину. Артур коснулся рукава, и с мягким щелчком вокруг головы сомкнулся прозрачный «фонарь» шлема, что в свернутом виде покоился в полом воротнике. Там же, в воротнике, размещался микрокомпьютер — он, в случае надобности, мог выполнять функции калькулятора или записной книжки. Видеозапись могла вестись плоской камерой, вшитой в ткань на правом плече. Аптечка с набором шприц-тюбиков, пластинкой градусника и еще парой необходимых вещей удобно висела на боку. Комплект контактных линз ночного видения, моток клейкой ленты, что светится в темноте. В рюкзаке за спиной — вода, рация, НЗ. Аккумуляторы на поясе. Нож.

Ферзь оглядел себя в зеркале душевого отсека (других зеркал на военном корабле не было). Покусал губы... Неплохо. Ведь неплохо, черт возьми! Таким можно и с Лепестком роман заводить...

Зеркало не врало. Человек, отраженный в нем, был действительно красив. Артур принял стойку стрельбы боком, вытянул руку к своему отражению. Если теперь до предела сжать кулак и согнуть кисть руки, спрятанный в манжете правого рукава лазер разнесет зеркало вдребезги. Это было уже перестраховкой, ведь у Артура был нормальный боевой пистолет. Но конструкторы решили так — и костюм пополнился импульсным излучателем...

Анриан Михай мирно дремал на своей койке. Артур мрачно брякнулся на соседнюю. Делать было нечего, мысли потекли неспешно, Третьякович теперь будто со стороны рассматривал себя, жизнь свою и дела свои.

Дюзы «Мицара» вспарывали и рвали пространство совершенно бесшумно. А на чем предстоит идти на орбиту? Ах да, посадочный модуль, «маневровка». Артур представил себе неуклюжий аппарат размером с шагающий экскаватор и поморщился. С «маневровками» у него были свои счеты. Был случай, он крепко помял направляющие стыковочного устройства. Не по небрежности, нет. Неповоротливая туша модуля явно уходила со стыковочной кривой, и эту инертную массу уже не удавалось вернуть на «путь истинный». Модуль просто не хотел подчиняться. И тогда — как уже случилось — в Артуре что-то вскипело, какой-то царственный неудержимый гнев на наглую железку, что осмелилась ему перечить. Он дал тягу маршевым, и на экранах у всех наблюдателей модуль стрелой пролетел, перечеркнув все расчетные кривые, крепко смял направляющие, но стыковку произвел. Артур частенько замечал в себе эту черту — он не любил неподчинения от тех, кому оно не определено. С механизмами и машинами его общение было очень простым: он требовал беспрекословной покорности и платил доверием и аккуратностью. Машина, посмевавшаяся сделать что-то не так, либо подчинялась, либо уничтожалась. Так было с модулем, так было с кибертренажерами. Третьякович иногда радовался, что легко подавляет выходки биопротеза. Иначе пришлось бы заказать новый. «Ты — человек пещерного века, Ферзь, — говорили приятели. — Весь мир служит тебе — и точка!» А как еще можно, размышлял Артур, если это закон? Мир — тебе, ты — миру. Пусть каждый ищет свое — для себя, и полезное — для других. Прав был Михай — искать формулу своего горизонта. Где? Как? Что ж, начнем на Арктуре...

В эту ночь светились окна на восьмом этаже, в квартире Майдановского. Трудно было уснуть Герману Сергеевичу, он глядел на море, освещенное огнями портов. Мальчишка, посланный в зону «зеро», перевернул все мысли. Майдановский не первый год работал в комиссии, доводилось отправлять людей и на задания похуже. Например, на станцию «Радон-S-30», что затеряна в радиоактивных болотах альфы Микроскопа-3. Люди там жили по несколько недель. Больше организм не выдерживал, а уж роботы выходили из строя пачками. Но... легко давать «добро» какому-нибудь громиле из Космической Защиты, который сам так и рвется что-нибудь покровосать своим лучеметом. Или фанатикам-ученым, что готовы лететь в грузовом отсеке, чтобы что-то там увидеть, изучить, зафиксировать. Но Артур Третьякович... Майдановский испытывал неодолимую досаду, что так мало поговорил с ним; казалось, еще пара реплик, и можно будет раскрыть причины власти Ферзя над остальными фигурами. Но... не успели. На рассвете они сдержанно попрощались.

Герман Сергеевич вышел на балкон, вынесенный далеко за плоскость стены. Угрюмо глянул вниз. Вспомнил ледяной артуров взгляд, железную волю, титановую руку. Робот, подумал Майдановский. Вот так.

И еще один человек не спал в эту странную ночь.

Можно догадаться — это была женщина. Да, это была Светлана Липатова, Лепесток.

Ох, насколько все было серьезно! Никто и подозревать не мог. Кто же знал, что и в институт космонавтики Света перешла ради Артура? Зачем? Чтоб стать похожей на него и достройной его. С каких пор она знала его? Четыре года, со второго курса. Как это началось? Не думаю, чтобы Лепесток сама могла это сказать. Это началось после случайного взгляда глаза в глаза, когда она долго не могла шевельнуться, смотря ему вслед в узком коридоре студенческой столовой, а он, уже забыв о мимолетном взгляде, шагал дальше.

«Да возможна ли в наше время любовь с первого взгляда?» — ошарашенно спросят рассудочные и умные люди. Не берусь решать. Скорее, нет. Не знаю. Знаю только, что этой осенней ночью Лепесток не спала, и что лицо Ферзя плавало перед ее глазами.

Вокруг девушки, лежащей на тахте, ползали по стенам кольца теней от нагретой лампочки; гибкое и красивое ее тело, так молниеносно собирающееся, с такой энергией работающее на тренировках, было безвольно расслаблено. Глаза широко распахнуты. Обычно в любовной лирике таким глазам приписывают вопросы: «...В глазах ее светился немой вопрос...» Или нечто в этом роде. Что ж, вопрос был, пожалуй, и здесь. Но — тогда не в одних глазах, а в позе, в мыслях, в невысказанной ауре вокруг звенящей девичьей души: за что?! Она шла к Артуру четыре года. Он отстранил ее, не закусив губ. Простая и банальная история? Да, если бы участвовали в ней другие натуры, другие характеры. Сколько таких историй? Каждая вторая — фарс, каждая пятая — трагедия. Но... мы о другом в эту ночь. В эту дивную ночь на пороге осени, где все так тихо и прекрасно — и даже кажется, несчастье закрыто лунной позолотой. Ну-ну...

Девушка свернула на тахте маленьким клубочком; на мгновение пришла мучительная мысль — свернуться бы так в его руках, — Светлана всхлинула, но через секунду вновь лежала спокойно и, что вполне вероятно, спала.

Глава шестая

Маневровый посадочный модуль был точно таким, каким его и представил Артур. Та же серия и марка. Пилоты, разумеется, знали ее наизусть, и Артур, едва скользнув взглядом по угловатым плоскостям, процедур пренебрежительно:

— «Спэйсбокс»-140... Действительно, «космическая коробка»...

Андриан усмехнулся, провел ладонью по полировке солнечных батарей.

— Лошадка надежна. Что еще ждать? — сказал он примирительно. — Или ты не доверяешь мне? Веди сам, если хочешь.

Артур взглянул на Михая с интересом. Пилот экстра-класса понимающе покачал головой.

— Эх, Артур... Было, и я рвался на суперскоростные катера. Потом оказалось, что ценности не обязательно в современной отделке.

— Спасибо, — Третьякович решил не обижаться на первый раз, — но я никогда не рвался на что-то более

современное или модное. А кому вести... Я по сравнению с вами — стажер. Ведите вы.

Да, кто-то мог этого не заметить, а кто-то — не придать значения. Но Михай заметил и оценил. Слово кого-то другого могло мало значить или не значить. Признание Артура Третьяковича означало многое.

Андриан Михай исподлобья, как тореадор на быка, бросил взгляд на модуль, потом залез в люк. Артур швырнул туда рюкзак, сумку и залез следом.

В модуле была темень; потом Андриан включил освещение, и все озарилось. Артур привычно потянулся к пилотскому ложементу, потом улыбнулся, устроился в пассажирском. Михай, сев в пилотский, запустил разговор реакторов. Под полом сзади что-то надсадно загудело.

Работа с маленькими кораблями была похожа на управление каким-нибудь электроавтобусом: все на слуху, все ясно и понятно. Двигатели — гудят, дюзы — воют, пилоты — управляют. Не так, как на огромных лайнерах или танкерах, когда неизвестно, кого послушается корабль — тебя, радиоприказа с планеты или могущественного кибермозга.

Динамик на пульте проиграл несколько нот — это сигнал «двигатель разогрет». Артур на эту мелодию всегда напевал мысленно: «Вперед и с песней!». Ирония пилота...

Модуль заурчал, как голодный барс, продувая каналы дюз, из сопел выплкнув струи пара.

— Капитан, — сказал Андриан, напялив шлемофон, — мы готовы. Когда расчетное время?

— У вас семь минут. Я дам «десяtku».

— Хорошо, капитан.

Артур удивился, почему Михай не прибавил «сэр». В Андриане царила старая закалка, закалка тех еще времен, когда говорили «будьте добры», «сэр», «кэп». Это иногда звучало обезоруживающе, особенно в нынешние развязные времена. Ферзь даже решил завести и себе такую привычку.

Но тут время кончилось.

— Внимание, — сказал капитан «Мицара», — даю десятисекундный отсчет... Десять. Девять...

Артур поерзал в ложементе, вминаясь плотнее в пластик. Бог знает, какие манеры у Михая-пилота, и как он стартует.

— ...Четыре. Три. Два. Один. Пуск. Счастливо!..

Андриан вдавил гашетки обеих рукояток, заставив реактор спеть сопрано. Ну, что же не стартуем, чуть не закричал Артур, спишь ты, что ли?! Но мгновенно Третьякович осекся, увидев за бортом звезды. Модуль стартовал и вышел из шлюза так бесшумно и мягко, что этого не отметили даже чуткие датчики перегрузок. Специалист способен оценить работу специалиста, и у Артура волосы чуть было не шевельнулись на голове. Таких нежных стартов он еще не видел. Андриан Михай был пилотом такого класса, о котором в институте говорили шепотом.

Тихо что-то насвистывая, Артур глядел на пульт, наблюдая за стилем работы Михая. Третьякович не мог понять, чем достигнута эта плавность каждого движения: то ли гашетки поперечных тяг, не дожидаясь касания, двигались сами, то ли модуль и сам Андриан составляли одно целое, и приказы пилота неслись прямо из мозга в дюзы. Андриан был не то чтобы очень спокоен — он просто, кажется, выполнял какую-то

мимоходную работу. Модуль шел сам, и маяковый сигнал крейсера на пульте — мигающий зеленый огонек — был одновременно и сигналом оторванности от мира, и сигналом, показывающим, что эта оторванность мнимая.

— Как вы стали пилотом, Андриан?

Голос Артура затонул в пластиковых стенах, но Михай расслышал. Он ткнул кнопку киберпилота, отбросил рукоятки, обернулся к Артуру и рассмеялся.

— Видишь ли... — он бросил взгляд на пустой космос впереди, — я никогда не хотел быть пилотом.

— Ясно, — сказал Артур.

— Да нет, ты не понял... Я хотел быть всю жизнь... знаешь, кем?

— Сортировщиком цветов, — угрюмо сказал Артур. — Неправильно?

— Не совсем. Ты смотрел, как я веду модуль... Видишь ли, я хотел быть машиной. С детства.

Если Андриан ставил себе цель удивить Артура, то своего он добился.

— Машиной? — Третьякович развернулся в ложементе и немного отстранился — неожиданно представилось, что рядом с ним в самом деле сидит робот. — Интересная мечта.

— Интересная, — согласился Михай. — Потом я понял свою ошибку, остался человеком, но отношение мое к механизмам осталось тем же. Я разговариваю с ним, — Михай кивнул на пульт «спэйсбокса», — знаю, что он чувствует, понимаю. Ну, и он меня понимает. Мы с ним на равных.

Теперь Артур понял. Если машина слушает его, господина, как же она должна слушать Андриана, что держится с ней наравне! Третьякович поймал себя на том, что размышляет об этих переживаниях машины всерьез. Как же серьезно успел на него подействовать этот человек!

Михай тем временем протянул руку и коснулся панели. Это получилось для Артура неожиданно — в рубке погасло все, кроме сигнала «Мицара». Через несколько секунд, когда привыкли тренированные глаза, мягко «включились» звезды. Заднего экрана на модуле не было, но конструкторы восполнили это широтой переднего и боковых обзорных секторов. Люди оказались перед полусферой пространства, перечеркнутой тремя приборными панелями.

Везде были лишь звезды, им не было ни конца, ни дна, ни счета. Они царили безраздельно, вдавливаясь, вливаясь со всех сторон в темную рубку.

— Арктур сзади нас, — сказал Андриан. — Пойдем поперек изогравов, выйдем точно на орбиту седьмой.

Артур кивнул. Схему маневра он понял давно, и сейчас просто, откинувшись назад, наслаждался Вселенной.

— Отключаю гравитацию, — сказал Михай. — Надоела.

Артур кивнул. Андриан коснулся пульта, и тяжесть спала, расслабилось тело. Они отстегнули основную массу ремней, и словно воспарили над креслами.

Модуль невесомо и незаметно для глаза парил, затерявшись в кутерьме звезд. Небольшой корабль, связанный с внешним миром лишь тонким лучом радиомаяка. «Космическая коробка», что ворочается, переползая с грани на грань пространства, урча и застывая, очарованная.

Артур мотнул головой. Космос навевал тоску. Видимо, Михай протянул во тьме руку к рычагам, модуль получил какое-то вращение и стал разворачиваться. Все звуки затихли. На грани обзор, прямо посреди панелей, бесшумно заиграл желтоватый лучик. Корабль поворачивался, и луч наливался огнем. Потом на экран вылез огненно-рыжий шар, этакое яблоко, сплетенное из оранжевых молний. Артур улыбнулся и отогнал с глаз слепящий зайчик.

— Знакомься — Арктур, — Андриан опустил на экран фильтр, превратив звезду в желто-красный мяч. — Хочешь увеличенное?

Не дожидаясь ответа, он нагнулся над ожившими приборами.

Внезапно на экран надвинулось чуть выпуклое море огня. Рубка осветилась, как вспыхнула — перед Артуром разверзлись вихри желто-красного месива, густого звездного киселя. От сознания титанического процесса стало чуть мутно.

— М-да... кашка... Варись, кипи, кто тебя только попробует?

Андриан Михай понял состояние Артура. На плечо Третьяковича легла тяжелая рука.

— Ничего, Артур. Пройдем через все, выживем, вернемся домой... Да и расскажем кому. Варись, кашка...

Артур кивнул.

— Хотя из-за этого стоит пойти в пилоты, — продолжал Михай. — Правда, это блюдо на любителя. А теперь...

Андриан убрал с экрана звездное варево. В поле зрения медленно вошел нетолстый голубоватый серп. Артур бросил на пилота вопросительный взгляд.

— Седьмая, — сказал Михай, — твой объект. До фотоорбиты минут двадцать.

Минут пять планета росла, наплывала на модуль. Артур взялся за подлокотники — идти в посадочный флиппер.

— Стой, — мягко попросил Андриан, — подожди, сядь.

Артур сел.

— Полагается так, — объяснил Андриан. — Если в космосе расходятся и... ну, могут больше не встретиться... Давай расскажем о себе. Побольше.

Артур задумался. Что рассказывать? Вспомнил вопросы Майдановского, усмехнулся грустно.

— Ну... девушки у меня нет, родных тоже. Пятый курс. Родился в Космогороде. Живу... сейчас нигде, жил при институте. И... все.

Андриан коротко кивнул. За эти дни он успел узнать Артура достаточно, и теперь только один вопрос был у него.

— Что с левой рукой?

— Биопротез.

— Угу, — Михай ожидал и этого. Облик и характер этого курсанта были точны и совершенны. — А я — просто пилот. Живу с дочерью на транзит-станции, тихо живем, она у меня цветы научилась на звездном свете выращивать. А жена умерла. Давно, от болезни.

Третьякович опустил глаза. Грусть — всегда грусть, и смерть — всегда смерть. Артур ясно представил себе зал транзит-станции, затерянной в пространстве, маленькую девочку, растящую на окнах цветы...

— Ну, живы будем — встретимся, — сказал Андриан, не глядя на Артура. — Топай во флипп...

...Из маленькой кабины флиппера было видно, что планета заняла уже полнеба. Артур покачал рукоятки тяг. Пристегнулся.

— Хэлло, — раздалось в шлемофоне, — как слышишь, Артур?

— Нормально, кэп, — Артур улыбнулся. — Даю зажигание. Отсчет будет?

— Зачем? Мы же неофициально. Хотя, на пленку, конечно, идет... Теперь слушай и запоминай. Ты мне понравился, Артур. Ясно? Так. А я привык делать тем, кто мне понравился, добро. Так... Поэтому... Прошу, Артур, — вернись! Обязательно. Вернись живым. Я отплачу добром. А теперь — рассвета тебе.

Артур не успел сказать ни слова. Мощная катапульта швырнула флиппер вперед. Планета наискось понеслась в глаза, и Артур, закусив губу, вывел легкую машину на горизонталь.

Угловатый модуль уходил назад и вверх. Артур включил шлемофон на полную мощность.

— До встречи, Андриан!!! — крикнул он, но эфир уже закрывался клетотом перегрузочных помех. Флиппер входил в атмосферу.

Глава седьмая

Радиоэфир перекрыло, как отрезало. В наушниках наступила звонкая глухота, тогда Артур, мотнув головой, сбросил ненужный шлем. Остроносый маленький флиппер косо входил в облака. Ферзь «занулил» плоскости, прижав поворотные крылья, и почти вертикально бросил машину вниз. Нужно было пробить слой облаков, стараясь экономить горючее.

Навстречу рванулась туманная чаша с пятнами и блестками. Выйдя из облачности, флиппер пикировал на извивы реки. Артур спокойно перешел в кабрирование (так, что скрипнули стабилизаторы), выдвинул плоскости до отказа и отключил все двигатели.

За пластиковыми стенками поток ветра ревел, здесь же, в кабине, царил покой. Флиппер перешел в свободный полет, и теперь стабильно планировал на высоте пяти километров.

Артур вновь нацепил шлемофон. Пальцы набрали на клавиатуре давно заученный код.

— Внимание, внимание! Здесь посадочный флиппер. Вызываю станцию «Колор»! Внимание! Вызываю станцию «Колор»!

Радиопросторы седьмой планеты молчали. Флиппер скользил, чуть покачиваясь, над огромной, покрытой лесом равниной.

— Здесь посадочный флиппер, — повторил Артур, — говорит Артур Третьякович. Вызываю станцию «Колор». Дайте пеленг!

Артур поводил радаром, чуть тронул настройку. Станция затаилась.

— Здесь поса... — начал было Третьякович, но неожиданно по ушам бухнуло таким сплетением помех, что вздрогнул флиппер. Что-то зашипело, затрещало. Потом все стихло так же неожиданно, как и возникло.

— Здравствуй, — произнес в наушниках отчетливый мужской голос. — Это ты вызывал?

— Черт вас дери, — не выдержал Артур, — вы чего ж не даете пеленг? Все частоты молчат! Кто это?

— Это Ким.

— Ким Лессо Лорме Онн?

— Ты меня знаешь? — удивился Лессо. — Ты где сейчас?

Артур передохнул. Интересный вопрос — где. Пришло ощущение, что вот ситуация — один на один с человеком бронзового века, и с ним надо провести точную посадку.

— Так... Слушай, Ким, — Артур без промедления перешел на «ты», — горючего у меня мало. Пеленг ты давать умеешь?

— Пеленг?

— Определить с помощью радара мое положение и дать остронаправленный луч, по нему я до тебя доберусь.

— Нет, столько сложностей с приборами... Вот если ты скажешь, какие клавиши нажимать!

— Какой у тебя там пульт? Прочитай в правом нижнем углу марку, — Артур еще не злился, но состояние его ползло к красной линии со скоростью, отличной от нуля.

— «Джесс», — сказал Лессо Лорме. — А что это означает?

— Да так... Теперь слушай. — Ферзь припомнил классификацию пультов. «Джесс» они проходили. Стандартное расположение клавиш... — Сделаем так: найди третью слева клавишу в нижнем ряду, в крайней слева секции пульта. Там буквы «КМ». Ну?

— Есть такая.

— Нажимай. — Видимо, Ким нажал, и Артур услышал стандартную формулу готовности, произнесенную глухим голосом кибермозга станции: «К работе готов». — Не удивляйся, Лорме, это кибермозг. Скажи ему вот что: кибермозг, пеленг на летательный аппарат, радиоизлучающий в атмосфере планеты на частоте, на которую настроена станция. Запомнил?

— Нет. Еще раз.

Артур повторил. Потом услышал, как Ким Лессо обращается к мозгу. Раздалось глухое «приказ понял, выполняю». Через десять секунд на панели флиппера вспыхнула зеленая полоска пеленга, и по экрану побежали данные. Артур откинулся в кресле.

— Молодец, Ким. Я скоро буду у тебя. Жди.

— Хорошо.

Станция была не так уж далеко. Артур, не включая двигатели, вынырнул из-под тучи, заложил два виража для осмотра и только тут, взяв курс, вдавил обе тяги. Флиппер завыл и ринулся вперед.

...Станция блеснула на солнце железным куполом. Сбросив скорость, Артур зашел на глissаду. Легкая машина вихрем пронеслась по посадочной полосе, затормозила, встала, и двигатели затихли. Артур несколько секунд посидел, привыкая к твердой земле. Затем сдвинул блистер и выпрыгнул на бетонные плиты.

Ким Лессо Лорме Онн стоял в двадцати шагах и широко улыбался. Хорошо сложенный ровесник Артура, светловолосый, светлоглазый, — на нем неплохо сидела штормовка земного производства, перепопсанная широким кожаным поясом. Лессо подошел и неловко протянул руку:

— Здравствуй.

— Здравствуй. Меня зовут Артур. Или, если хочешь, Ферзь.

— Хорошо. Ты издалека? С какой планеты? Пой-

дем на станцию, отдохнешь с дороги, угощу. Я рад, что ты прилетел.

Артур благодарно взглянул на Лессо, и они пошли к серебристой полусфере. По дороге Артур начал объяснять, кто он и откуда. Ким Лессо все сразу понял. Вообще, он вовсе не был таким дремучим, его прекрасно подготовили и обучили. Просто ни разу в жизни ему не приходилось давать пеленг.

В станции была приятная прохлада, в отличие от солнечного жаркого дня снаружи. Лессо усадил гостя к столу и вынул из холодильника богатую снедь.

— О! — Артур вскинул глаза на Кима. — Мясо, свежее!

— Я охотник, — сказал Ким, — а тут, на этой планете, охота неплохая. Угощайся. Или консервы?

— Что ты, какой нормальный космонавт предпочтет свежатине консервы?! Обижает!

Через минуту они уже, весело болтая, уплетали жаркое.

— Ну, как ты тут жил? — Артур блаженно откинулся в кресле, с улыбкой изучая лицо Лессо Лорме. Приятное, неплохое, надо сказать, лицо. Открытое, с прямыми мужественными чертами, обрамленное светлыми волосами до плеч. То, что Ким не человек, а назл, на первый взгляд невозможно было сказать. Только сейчас Артура поразили глаза инопланетянина — их цвет определить было нельзя, так как при смене угла падения лучей они переливались всем хроматическим рядом. Эти глаза то лучились оранжевым, то отливали синим. Потом Артур заметил еще несколько отличий, но это было первым. — Так как?

— Ну, как жил... Охотился, вот. С той поры, как улетел Клейн, приходили люди здешние. Эти... аборигены.

— Хорошие люди? — спросил Артур, оглядывая внутренность станции. Стандарт!.. Правда, пластиковые, по идее, диваны застелены мохнатыми шкурами. — Что за люди эти аборигены?

— Да ничего вроде, — Лессо по-человечески пожал плечами, и глаза его сверкнули двумя изумрудами. — Тоже охотятся. Ты как отдохнешь, я дам кассету. Ларри Клейн оставил для тех, кто прилетит.

Артур вскинул брови. Что-то новое, в Центре об этой кассете ничего не сообщали.

— Тащи сейчас. Спасибо, что накормил. Теперь посмотрим, что же оставил Клейн.

Ларри Клейн оставил маленькую кассету, на каких пишут обычно дневники наблюдений. Артур сунул ее в гнездо пульта.

— Привет, — сказал из динамика низкий голос, — это Ларри, старина Ларри. Кассета — всем, кто займется этой планеткой. Дрянь, надо сказать, планетка, прижимистая насчет своих тайн. Чтобы легче было гулять и легче возвращаться живым — запоминайте. Итак, больше всего опасайтесь ГАСов — графических активных систем, как я их назвал. Любой рисунок, нацарапанный на камне, может стать в твоей жизни последним зрелищем. Вся информация по ГАСам — в верхнем ящике моего стола. Не влазьте в распри между аборигенами. Чревато скорой гибелью. Флора и фауна относительно мирная. Берегитесь, впрочем, глубоких оврагов. Встречаются разные тенелюбивые сволочи. Ну, остальные справки — у моего напарника, Кима. Вообще, без него выходить в экспедицию не следует. Он уже вжился в планету. Да, если хотите

напасть на интересенькое, доберитесь до гор. Это далеко, но именно там кроется загадка. Впрочем, решайте. Астрономам: вы не заметили, орбита второго спутника, Крокета, пульсирующая?.. Ну ладно, пока больше сказать нечего. Конец записи...

Артур, положив подбородок на кулаки, глубоко задумался. Ларри Клейн прибавил забот. Что еще за ГАСы? (Не забыть посмотреть верхний ящик). Пульсирующая орбита Крокета — это ладно, но как быть с советом насчет Кима Лессо Лорме?

Третьякович с самого начала планировал свою экспедицию по планете как одиночную. Одному надежней — ни за кого не отвечаешь, ни перед кем не стыдно, если в чем ошибешься. Сплошная выгода.

Но... Разве плохо идти с таким напарником, как Ким Лессо Лорме Онн, с цивилизованным дикарем, охотником с прекрасной реакцией, скорее всего, великолепным бойцом? Пожалуй, в такой ситуации совет Клейна становился необходимостью...

Артур поразмыслил еще немного. Потом отвернулся от пульта и кликнул Лессо.

— Ким! Есть дело. Сядем, поговорим.

— Поговорить всегда приятно, — констатировал Лессо Лорме, и они вновь сели за стол.

Несколько мгновений Ферзь еще оценивал широкие плечи назла, потом без промедления приступил к делу.

— Ты знаешь, зачем я прилетел?

— Нет.

— Так слушай. Мы, на Земле, узнали, что на этой планете есть много интересного. Земля — это...

— Я знаю, где Земля, — спокойно сказал Лессо Лорме. — Ты продолжай, я слушаю.

Артур в сжатой форме рассказал о своей миссии. Ким не переспрашивал. Природное ли это было или развито в общении с людьми, — но Ким все схватывал мгновенно. После рассказа Артура он чуть посидел, постукивая пальцами по столу. Потом поднял на Третьяковича свои радужные глаза.

— Ну, что... вы правы там, на Земле. Тут много интересного. Местные чего только не рассказывают. И... тебя послали проверить? Я не ошибаюсь? Ты хочешь идти до гор или дальше?

— Так далеко, насколько потребуется, чтобы узнать правду. У меня дней тридцать по здешнему счету.

Ким Лессо кивнул, словно речь шла об обычном деле. Затем встал.

— Хорошо, Артур. В таком случае, я готовлю снаряжение. Когда мы выходим?

Артур восхищенно качнул головой.

— Значит, ты согласен идти со мной?

Наэл Ким Лессо Лорме Онн удивленно взглянул на гостя.

— Ты молодец, Артур. Только думать надо. Иногда. Я же охотник. Куда ты пойдешь один?

— Ничего, — Третьякович весело хлопнул напарника по плечу, — ты только чаще меня одергивай, чтоб не забывался. Но учти — сначала ты все расскажешь мне о планете. Да, и еще — надо же законсервировать станцию.

— Значит, выходим...

Артур быстро прикинул в уме и сообщил:

— Послезавтра.

Глава восьмая

Когда Артур принялся за изучение материалов, накопленных Ларри Клейном, голова у него не пошла кругом только из-за хорошей тренированности. Все в архивах станции «Колор» было в диком беспорядке. Правда, сведения, собранные за несколько лет, были значительными. В частности, по тем же ГАСам. Артур сразу вспомнил эпизод из «Фауста», где знак, на чертанный Фаустом, запер Мефистофеля в комнате. Нечто аналогичное являли собой и графические активные системы, только действовали они не в мире духов, а в реальном мире. Аборигены седьмой планеты открыли и использовали несколько очень интересных принципов, позволяющих использовать графические символы для управления различными полями. Например, нарисовав на камне какой-нибудь замысловатый знак, охотник спокойно уходил домой. Гравитационные и магнитные поля, преломляясь в нарисованном символе, создавали вокруг камня, ну, скажем, силовое сферическое поле односторонней проницаемости. Добыча, попав в невидимую энергетическую клетку, спокойно ждала охотника. Или, еще хлеще, боевые ГАСы — когда очередной иероглиф на древесной коре создавал линию сгустков полей, что действуют, как частокол мечей... Или... Да что говорить — сотни применений! Клейну лишь немного удалось вникнуть в механизм действия ГАСов. А вот Ким Лессо знал их на практике, называл «каракулями» и даже кое-какие научился использовать.

Артур старательно загрузил в память своего микрокомпьютера информацию. В дороге пригодится.

Потом они с Лессо занялись составлением примерных карт. Клейн оставил лишь крохи ближайших районов, и Артуру пришлось часа три выуживать данные радарных замеров посланных в разные стороны зондов. Карты, однако, получились слишком схематичные.

Вечером следующего дня Третьякович поинтересовался у Кима насчет оружия на станции. Лессо Лорме пожал плечами и ответил:

— Только у меня.

После чего вытащил из кожаного своего пояса, оказавшегося металлическим и полым, длинный, узкий и гибкий обоюдоострый меч. Неуловимо взмахнув, срезал угол алюминиевого короба для мусора. Артур больше не спрашивал. Потом, уже собрав все, ставили на полуконсервацию станцию. Ферзь работал до изнеможения, до звона в голове. Времени на раздумья не было.

И только в конце длинного, шестнадцатичасового дня они, усталые, вышли на взлетно-посадочный сектор, широкий прямоугольник, выложенный бетоном...

...Уже чья-то щедрая рука россыпью метнула на небо звезды. Звезд тут было великое множество; был и свой Млечный Путь. Артур, конечно, изучал звездные атласы системы Арктика, но был поражен. Алмазные точки пронизывали весь прохладный вечерний воздух.

Уже взошли над горизонтом Фавн и Ларри, спутники, оранжеватый диск и расплывчатое пятно желтого сияния. (Который раз пришло в голову, что спутник Ларри назван в честь Клейна.) От флиппера, стоящего рядом на тонких высоких шасси, потянулись по бетону две разноцветные тени.

(14)

Артур и Ким вышли на залитый лунным светом космодром. От людей тоже легли тени — удивительно похожие. Ферзь покосился на Лессо — наэл, невозмутимый и спокойный, не застегивал штормовку, и теперь в свете спутников белела его рубашка из тонко выделанной замши.

Что они видели и что представляли в этом небе, вдыхая свежий, тянущий хмельными лесными ароматами воздух, — нам неизвестно. Что мог думать полудикарь Ким Лессо, глядя в знакомые созвездия? Уж, наверное, не вычислял расстояния по звездным склонениям. Может, ему хотелось просто оказаться в одном из тех миров, откуда прилетел его гость? Спросите, наконец, у самого Лессо Лорме.

Для Андриана Михая, что апатично качался на дружинной койке «Мицара», звезды стояли уже иначе. Правда, Андриану это было все равно: он на них сейчас и не смотрел. Он лежал, и размышления его катились по кругу, возвращаясь и возвращаясь к его пассажиру. Правда, мысли эти, в основном, не были тревожными. В последних словах, обращенных к Артуру, Михай сказал правду. Артур ему понравился, и за это Андриан будет платить добром. Как? Это-то уж как-нибудь, ты только вернись, Артур, вернись...

...Первый луч, первая светлая вуаль на востоке застала их на крыльце станции, с лежащими у ног рюкзаками.

Ким Лессо сощурился.

— Через полчаса совсем рассветет, — сказал он. Артур кивнул. Присел на холодные ступени.

— Садись, Ким. Еще чуток посидим. На дорожку. Примета такая есть.

— Хорошо, — Лессо, поджав одну ногу, устроился рядом. — Сейчас будут красивые цвета. На небе, где солнце.

Профиль наэла выступал из светлеющего сумрака. Артур вновь разглядывал спутника. У Кима Лессо в чертах было много, может быть, похожего на индейскую нацию, отдельные черточки. А вообще — обычный земной парень сидел на крыльце, устремив взгляд в полосу леса. В темноте неземные переливы его глаз еще не различались.

— Слушай, Лессо... А какая у тебя планета? Где ты родился?

— Моя?.. — Ким, видимо, задумался. — Похожа на эту. Очень похожа. Но... знаешь, Артур... может, я плохо знаю ваш язык, но моя планета как бы... ну, добрее. Нет, даже не так. Спокойнее.

— Как же ты согласился улететь?

— Меня взяли, не спрашивая...

Ах да! Артур вспомнил, как это делается. Ну конечно, ограниченный контакт. Уровень развития низок для прямого общения. Находят младенца-сироту или такого, который в тягость родителям. Сын нищих или родившийся в рабстве. Его переправляют туда, откуда он через несколько лет выходит обремененный грузом цивилизации. Нужным ли, нет ли — в Центре Подготовки не спрашивают.

— Меня взяли в... как же это по-земному... в семнадцать лет. Поэтому я не совсем хорошо всему научился и остался больше охотником, чем... Ну, ты понял, Артур.

— Да, это редко случается, обычно берут совсем маленьких. А как ты?

— Я... Это случилось во время боя. Я и мой отец охраняли дом от воинов соседнего князя. Темное такое дело. Я на охоте убил меркена с тавром этого князя. Случайно, не заметил. А ночью он прислал мстителей. Ну, и... Их было пятеро, а нас с отцом двое. Мы рубились, а потом я попал под меч.

Артур сперва не понял, что Лессо собирается делать. Ким скинул штормовку и расстегнул замшу рубашки, обнажив мускулатуру, куда более рельефную, чем у Артура. Потом Ким повернулся грудью, и Артура прохватило мурашками — наискось через ребра и живот шел шрам, смертельный одним своим видом. Когда-то этот человек был просто чуть не разрублен пополам.

— Помню удар, — сказал Лессо, одеваясь, — потом крик отца. Потом поляну и дом осветило прожектором сверху, но я уже падал. Потом проснулся уже в Центре. Объяснили, стали учить.

— А отец? — спросил Артур.

— Его не успели поднять. Их-то пятеро. Порубили на куски. Дом сожгли.

— Серьезно... — Третьякович покусал губы, взглянул на занимающуюся зарю.

— А что у тебя? — спросил Ким.

— Рука, что ли?

— Рука-то ясно, что. Как, понравилась планета?

Артур заулыбался. Разговаривать с Лессо Лорме было, похоже, все равно, что с самим собой. Ким смотрел насквозь своим радужным охотничьим взглядом.

— Еще точно не знаю. Посмотрю по пути. Кстати, пожалуй, пора.

— Да, пора. Идем.

Артур одернул серебристую куртку, вскинул рюкзак.

— Топаем, — сказал он. Потом коснулся кнопок на панели с наружной стороны шлюза. Броневая плита опустилась, закрыв проем. Станция осталась ждать.

Артур и Ким Лессо Лорме шагнули с бетонки в густую траву и двинулись к лесу. Было уже светло.

Глава девятая

Да, было уже светло. И туман, линзами собравшийся на полянах, подымался уже к верхушкам деревьев. По колено путники утонули в высоких стеблях, а головы их чуть не касались белых прядей тумана. Артур жадно с первых шагов вбирал все окружающее. Все незнакомые травяные ароматы, каждое качание блика на глянцевом листке. Он шел свободно, сразу взяв легкий темп, готовясь не к одному часу пути. Лессо Лорме шагал чуть впереди. Его походка была размеренной, он был устремлен вперед, а глаза методично обводили взором всю полусферу пространства впереди.

Вступили в настоящий лес — густой, немного сумрачный, полный звона мошек и прелого запаха. Сомкнулись сзади кроны. Ферзь скользком, почти автоматически, коснулся левой стороны груди, проверяя — там, за отверстием, во внутреннем кармане лежал его ангел-хранитель. Строгий, изящный и опаснейший «нидлрэй». Артуру впервые досталось оружие такого класса, и теперь он, успокоившись, опустил руку и даже засвистел что-то, углубляясь в чашу, — пистолет был на месте.

Ким обернулся на ходу.

— Сейчас выйдем на тропу аборигенов. Они тут скот

гоняют, тропа широкая. Можно не бояться каракулей.

— А если встретим кого?

— Ну и что, поговорим.

— Надо спросить насчет гор. Насчет «умных людей».

— Будь спокоен.

Лес расступился, широкая просека прорезала его, пересекая солнечные полянки.

Артур улыбнулся.

— Подожди, — и нагнул голову к воротнику. — Система, контакт! Запомнить азимут движения по местному магнитному потоку.

Микрокомпьютер молчал, но Третьякович знал, что задание принято...

...Просека оказалась длиннющей. Она тянулась частоколом ровных светло-коричневых стволов, и конца ей не видно было. Артур поглядывал на левый рукав — они шагали уже около двух часов и прошли никак не меньше двенадцати километров. За сплошными кронами терялся горизонт. Поднималась жара. Ощутимо выступал пот на лбу, а биопротез под черной перчаткой нагрелся, как работающий электромоторчик.

— Не устаешь? — бросил Ким. Он за все время ни разу не сменил темп.

— А ты?

Они рассмеялись. Они отлично друг друга понимали на этой планете — Робинзон и Пятница.

— Ким, эта просека идет кольцом вокруг планеты? Или есть какой-то конец?

— Уже скоро выходим к холмам. Деревня остается слева. Мы перейдем овраги и на берегу речки отдохнем. Там точно кого-нибудь встретим. Рыбаков или ныряльщиков.

Артуру нечего было возразить. Только упоминание об оврагах напомнило о кассете Ларри Клейна.

— Помнишь, Ким, Ларри на кассете говорил, что в оврагах могут быть опасные существа?

Лессо Лорме пожал плечами.

— Не знаю, может, он ошибся. Я был во многих оврагах — и ничего.

— Ладно, просто будем осторожны. — Как только Артур это сказал, впереди заблестала небесная синь, и лес кончился.

Они стояли на краю огромной долины, по дну которой, в километре впереди, бежала быстрая речушка. Каменистые расщелины скрывали ее почти полностью, но далеко было слышно эхо водопадов. Почти вся долина змеилась сетью глубоких каменных ущелий — это их тут, видимо, называли оврагами.

Третьякович с любопытством оглядел распахнувшийся перед ними каменный коридор. Десятиметровая полоска, усыпанная обломками скал, с двух сторон зажималась неровными серо-зелеными скальными отвесами. В этих нишах, за валунами и уступами, мог спрятаться полк. А уж кто-нибудь из здешних тварей — наверняка, просто свободно.

Артур задержался лишь на секунду: оценил предложенные данные — и, не дожидаясь Лессо, шагнул в густую тень каньона. Теперь они шли плечо к плечу. Каждый шаг здесь уршал коротким эхом, все отдавало гулкой четкой тишиной.

— Направо, — бросил Лессо, когда ущелье разделилось.

16) Свернули направо. Скалы, вернее, их гребни, вверху начали смыкаться и образовывать короткие арки-туннели. Артура забавляли переходы тени к полумраку, извилистой небесной полосы к серому своду.

Потом фон речного шума перебил рожущим гулом.

— Обвал? — Можно было и не спрашивать. Где-то впереди сорвалась груда камней. Артур шагнул, но неожиданно обнаружил, что Ким Лессо остановился и застыл. Лицо наела заострилось, раздулись ноздри; он вслушивался в пространство. Потом медленно сдвинул пояс с мечом рукоятью поближе к пальцам.

— В чем дело, Ким?

— Обвалы сами не происходят.

Третьякович пытливо посмотрел на скалы впереди.

— Интересно, — сказал он. — А может, аборигены?

— Может, — согласился Лессо. — Хотя...

— Будем стоять?

— Нет. — Ким двинулся вперед.

— Кто бы ни был, все решает время, — объяснил Артур. — Знаешь, Ким, время — это главный судья в космосе.

— Знаешь, Ферзь, — тихо парировал Лессо, — мы не в космосе. И попробуем пока без разговоров. По-тише.

Аборигена они увидели одновременно. Скрюченная в три погибели серая фигурка прилепилась к отвесной скале на высоте метров десяти. Заметив путников, человек что-то крикнул. Артур обратил к Лессо вопросительный взор.

— Кричит, — коротко объяснил Лессо. — А сейчас говорит, что упал, и под ним камни обвалились. Надо снять, Артур.

Артур скинул рюкзак на гальку. Подумал секунд пять.

— Ладно. Давай так: я лезу, ты внизу страхуешь.

Ким Лессо кивнул. Человек сверху смотрел на них с надеждой. Артур наклонился к своим кроссовкам. Они делали его выше на полтора сантиметра, так как в подошве скрывалась система выдвигаемых стальных шипов. В камень они вонзились, как в масло.

Артур без особого труда вскарабкался на высоту третьего этажа. Ухватил аборигена за серую мешковидную одежду, спустил на пять метров и благополучно сплавил в руки Лессо. Потом прыгнул сам. Убрал шипы, отряхнулся и улыбнулся стоящему перед ним. А стоял перед ним сутулый мужчина с коричневой от загара кожей, с водянистым взглядом и рыжеватыми патлами. Он что-то пробормотал, Ким ответил ему успокаивающе.

— Говорит, если б не мы — сорвался бы. Благодарит. Спросить про «умных людей»?

Артур кивнул, а про себя решил сегодня же попросить Кима дать микрокомпьютеру урок языка. Не на лингвистике же ему общаться, если не будет Кима.

Мужчина что-то оживленно забормотал, зажестив кулировал быстро. Указал в сторону реки, потом на небо. Изобразил нечто похожее на вой сирены. Артур вздохнул. Видимо (даже по непроницаемой физиономии наела), абориген рассказывал сказки — нечто вроде зелененьких пришельцев, что воруют детей. Лессо повернулся к Третьяковичу.

— Чушь гордит, — уверенно сказал он. — Будто

бы недавно здесь, возле реки, в скалы упала колесница «умных людей». Если это не явный бред, то метеорит или молния. Впрочем... — он обратился к мужчине вновь. Тот яростно начал объяснять.

— Было похоже на молнию, — сказал Лессо Лорме.

Артур усмехнулся уголками губ — это означало, что он выше оценок. Но, как бы то ни было, сообщение надо проверить. Ценна любая информация.

— Давай посмотрим, если близко, — предложил он. Лессо молча сдвинул пояс с мечом обратно в походное положение, хлопнул аборигена по плечу и передал слова Артура.

Абориген, важно поманив их за собой, зашагал вглубь каньона.

Они вышли на неширокий галечный пляж посреди отвесных стен. Поток прозрачной пенной воды прорезал скалы, бурля и катя камни. На этом берегу реки, вокруг костра в висающим над ним глиняным котлом, расположились четверо в залатанных одеждах.

— Рыбаки, — сказал Ким.

Рыбаки — усатые крепыши с грубыми лицами крестьян — оказались ребятами дельными. Сперва гостей хотели усадить за трапезу. Артур и Ким отказались. Потом спасенный коротко поговорил с компанией. Вмешался Ким Лессо, и пока они разбирались, Артур подошел к реке.

Вода казалась зеленоватой, и пены в ней было не так уж много, как показалось сначала. Артур заглянул в глубину и поразился — дно не различалось. Глубина была, судя по прозрачности воды, не меньше семи-восьми метров. Это в скальном-то потоке! (Позже Третьякович разобрался, что реки здесь образуют свои подводные каньоны — на Земле их назовут потом субруслами — глубиной до сорока метров. Теперь же Артур просто не мог глаз оторвать от серо-зеленой глубины.)

Лессо Лорме осторожно тронул его за локоть.

— Пошли, Артур, — сказал он. — Все пятеро сходятся в описании. Это недалеко, тут пещера.

— Пещера — это уже интересно, — Артур вновь качнул уголки губ — он казался последние часы задумчивым и замкнутым. Но свои мысли держал при себе, и Лессо просто решил, что его спутник предельно сосредоточен на своей миссии.

Артур думал об Андриане Михае, о разговорах с ним, примерял седьмую планету к этим мыслям, но все это не выходило за пределы его спокойных глаз. А Ким Лессо Лорме по глазам землян читать не умел, а если и умел — то так же молчал об этом умении...

В сопровождении всех пятерых добровольных проводников они вышли на крутую излучину. В уступе танцевали многометровые каскады водопадов, но их рев чем-то глушился, наверное, самими уступами. Зато в воздухе тут висела устойчивая пелена водяной пыли.

Пещеру увидеть было нетрудно — ее провал зиял в скале, как туннель пневмопоезда. Аборигены, как один, застыли метрах в двадцати, один сделал неуверенный жест.

— Говорит — идите, — Ким Лессо вновь переставил пояс в боевое положение. — Ну, идем? Они — видишь — боятся.

Артур не ответил, взгляд его, когда он одним прыжком влетел на уступ, был таким же отсутствующим. Правда, тренер по активной среде, «ас», что обучал

Артура, Марко Владков, сказал бы: «Этап основной. Внешнее отсутствие готовности».

Они стояли уже в тени пещеры. Шагнув чуть вперед, Артур мягко снял и поставил рюкзак на плоский валун, рядом с рюкзаком Кима. Затем вновь шагнул в сумрак и негромко приказал:

— Система, контакт. Свет. Запись.

Глава десятая

Он мог, конечно, воспользоваться линзами ночного видения, но их было мало. Из правого плеча куртки ударил яркий рассеянный луч, беззвучно заработала пластинка видеокамеры.

Пещера была огромна. Просто огромна. Слова подбирать было незачем. Потолок и стены еще различались, а вот конец уходил неизвестно куда.

— Самое место для небесных колесниц, — мрачно сказал Третьякович. — Будем осматривать, или я сначала пригону флиппер? Тут, наверное, космокатер надо.

Артур недооценил охотничье искусство ранних веков. Ким Лессо Лорме спокойно указал куда-то вбок.

— Там блестит металл. Подойдем.

Третьякович качнул головой с немим уважением. Он не различал пока в этих серых тенях ничего, кроме серых теней.

— Неужели не видишь? — удивился Лессо. — Вон, в углу...

В этот момент Артур увидел.

За камнями притаилось нечто вроде металлической черепахи — ясно различался блик на метровом выпуклом куполе. Остальное скрывал мрак.

— Что же это такое... — словно сам себе проговорил Лессо Лорме и шагнул туда, к этому предмету.

В следующий миг Ким уже падал навзничь, в сумасшедшем этом падении доставая меч. Сиреневая, как показалось им, струя пара, опрокинув Лессо, рикошетом хлестнула в Артура. Ферзь ушел от нее одним скользящим движением. Теперь, если кто не знает, что такое тренировка на активную среду, можно объяснить: это то, что через три десятых секунды Артур был в статической позе стрельбы с колена, и «нидлрэй» в его руке находился в режиме огня. Но то, что стояло в голографической рамке прицела, было слишком удивительно, и чтобы стрелять, и чтобы опускать оружие.

Стальной купол поднялся из-за камней — теперь в четком свете плечевого фонаря торчал трехметровый металлический исполин. Невероятная машина, выглядевшая, как бред наркомана. Колесница, чтоб вас, думал Артур, разглядывая блестящий каркас из пятиугольных пластин. Тупо глядели квадратные пустые глазницы на круглой голове. Стрелять, думал Артур, или эта болванка что-то соображает?

Так они стояли друг против друга не более трех секунд. Потом по-кошачьи мягко вскочил Ким Лессо с отведенным для удара мечом. Удар был неминуем, в Лессо сейчас властвовал житель бронзового века. Артур видел, как Ким входит в прыжок, гибко становится на одну точку и направляет удар. Но стальной мамонт не хотел, скорее всего, быть разрезанным — он, наполнив пещеру гулом, вознесся под потолок. Дальше был ослепительный конус выхлопа, Артур зажмурил-

ся и потому не видел, как машина вылетает из пещеры и устремляется в небо.

...Ким ошеломленно сидел на полу, нащупывая выпавший меч. Нашел, сунул в пояс; они вышли на свет. Третьякович, мечтательно глядя в небеса, воткнул пистолет на место.

— Отныне буду называть их «глупые люди», — угрюмо сказал Ким. — Так и испугать можно. Жестянка паршивая.

Артур усмехнулся.

— Система, контакт. Конец функций. — Потом он взглянул на пятерых, что распластались на речной гальке. Над ними клубилась пыль водопада.

Один из рыбаков поднял голову, огляделся, крикнул что-то, и они вскочили.

— Кричат, что мы разозлили демона «умных людей». Он улетел, Артур.

— Это точно, — сказал Третьякович. — Сейчас вспоминай, Ким. Вспоминай все — как он выглядел, как двигался. Потому что это создание — действительно машина достаточно умной цивилизации. Вспоминай, и будем анализировать.

Они сели на валун, положив рядом рюкзаки. Аборигены шумно толкались у входа в пещеру, то ли боясь заглянуть, то ли споря.

— Чем он тебя свалил? — спросил Артур. — Что ты чувствовал?

— Удар, — угрюмо сказал Ким. — Он плюнул дымом, и я упал. Меня толкнуло в грудь.

— Сиреневая струя... — Артур внимательно осмотрел штормовку на груди наэла. — Ничего, следов нет. Судя по действию, это просто пневматика. Меня интересует взлет и вспышка. Что ты видел?

— Свет, — сказал Лессо Лорме.

— Какой?

— Яркий.

— А по цвету? Я успел заметить лишь светло-зеленый.

— Я зажмурился. Думал — конец, — просто сказал наэл. — Так кто это был?

— Наиболее вероятно — робот, — Артур пожал плечами. — Машина неизвестных целей. Сейчас я дам информацию компьютеру.

— А, вот ты с кем разговариваешь... Ладно, я пойду поговорю с ребятами... — Лессо отошел к аборигенам.

Артур включил звукозапись.

— Даю анализ и комментарии к относящемуся эпизоду. Объект, несомненно, сделан из металла, имеет высоту до трех метров. Имеет датчики пространства — что-то телеметрическое, так как среагировал на угрозу нападения. Явно имеет средства защиты динамического действия. Обладает реактивными двигателями. Единственный вывод — на планете, без сомнения, действует развитая цивилизация. Конец записи.

Артур слегка задумался. И так, ясно точно — он прилетел не на пустую загадку. Собственно говоря, сейчас можно было просто идти назад на станцию и посылать на ближайший транзит сигнал окончания миссии. И улетать. Хотя — на чем? Стало чуть обидно, что все так быстро закончилось. Информация Ларри Клейна блестяще подтвердилась; если сейчас обо всем узнают на Земле, Артура отзовут, а сюда пошлют хорошо подготовленную экспедицию. Пока месяц мож-

18

но плевать в потолок на станции «Колор», ожидая Андриана...

У Артура стукнуло в голове. А...

А ведь Андриан Михай спросит все. Что видел Артур, как зафиксировал эти горизонты. А что он, Артур, ответит? Ой, смеху будет... Артур вспомнил лицо Михая, его лоб со шрамом, ловкие движения. Да, подумал он, влип.

Да еще нахлынула беда — Ферзя вдруг необычайно сильно потянуло домой, на Землю. До головокружения, до чертиков. Захотелось вновь в морской воздух и каштановый вихрь. Как далеко было то море, черт возьми!

— Артур!

Это был Ким Лессо. Он спускался от пещеры, на лице его сияла улыбка.

— Артур! Если б ты видел, как они боятся! В пещеру зайти не хотят. Поставили перед входом каракули, чтобы никого не впускало. Ты закончил?

— Да.

Артур чуть скривил губы, потому что левая рука вдруг отказалась подчиняться. Она крупно задрожала, и Артуру пришлось сунуть ее в карман. Там биопротез мало-помалу успокоился. Ферзь стиснул зубы. Барран... Идиот. И все. Это был отличный приступ гнева, и — Артуру трудно было признаться — гнева не на что-то постороннее. На себя.

Третьякович поднял на Кима глаза. Взгляд наэла лучился золотыми искрами. В следующее мгновение эти искры стали малиновыми.

— Давай так, — сказал Лессо, вскидывая рюкзак на плечо, — перекусим с рыбаками. Часик посидим, отдохнем да пойдем дальше. К темноте будем у холмов.

«У каких холмов? Все, пришли!» — это пронеслось, но Артур решил отложить объяснение. После еды. Так удобнее. (Артур не объяснял себе, почему, но было ясно — просто хотел протянуть время.)

Они дошли до костра, прилегли рядом, пока кипела на огне похлебка.

— Послушай, Ким, — лениво сказал Артур, пробуя густое варево и дуя на пальцы: миска была горяча, — ты бы хотел вернуться домой, на свою планету?

Лессо Лорме замер. Прикрыл веки.

— Нет, — сказал он равнодушно, — не хотел бы.

— Почему?

— Мне не дадут с собой ваше оружие. А что мне там делать с мечом? Так не отомстишь...

Артур вспомнил, где он слышал похожую интонацию и похожий стиль речи. Давно, еще в последних классах школы был у него знакомый. Его звали Петро. В результате долгой болезни у него были трудности с дыханием, и он не мог не только кричать, но и быстро разговаривать. Его речь была похожа на рассуждение вслух — неторопливо и абсолютно спокойно. Мыслил он, наверное, тоже медленно, но это восполнялось нерушимой логикой. Кстати, где он сейчас, интересно?

— Куда мы дальше? — Ким блаженно растянулся на спине, закрыл глаза, наполовину отключаясь.

— Да тут такое дело, Ким... Скорее всего, никуда. Обратно на станцию, вот куда.

Ким медленно сел. Открыл глаза, в упор глянул на Артура.

— Сейчас еще раз, — попросил он, — но попомяней.

— Все понятно. Факт, что на планете пребывает развитая цивилизация, мы установили абсолютно точно. На Земле посмотрят кадры, что я снял в пещере, и поглядят нас по головке. Что еще делать?

— Трус, — негромко сказал Лессо Лорме.

— Лессо, еще слово, и...

— Трус, боишься риска. Или потянуло домой?

Артур вскочил в бешенстве. Ким тоже. Рыбаки шарахнулись в стороны, наблюдая.

— Ну, — презрительно сказал Ким, — и сейчас трусишь?

Они сошлись и коротко схватились на краю реки. Драки не получилось, потому что после первой подсечки оба упали в воду. Ледяную и мощную.

Третьякович, стуча зубами — вода была ошеломляюще холодной, вылез на берег, вытянул за край штормовки бултыхающегося наэла. Оба были без сил.

— Локван, — ласково сказал Артур, толкая напарника локтем, — я же тебя, дурака, проверял...

Ким выплюнул воду, перекатился на спину и захотел так, что эхо пошло.

— ...Проверка... тебя этому специально учили — людей топить? — донеслось до Артура сквозь смех. — А штормовку сушить кто будет? Ну, Ферзь...

— Штормовка — ладно. А вот карты — они у тебя в рюкзаке или в кармане? Нам по ним еще месяц ходить, между прочим.

— В рюкзаке, — сказал Ким. — Ладно, вставай, экзаменатор, пошли сохнуть...

Глава одиннадцатая

— ...Итак, дальше, — Ким Лессо повел пальцем по карте. — Семь километров к югу по магнитному потоку. «И.к.» — избушка колдуна.

— Сократил, — хмыкнул Артур. — Подожди-ка — что за колдун?

— Я говорю, как аборигены объяснили. Колдун — человек, который больше всех каракулей знает.

— Ученый, одним словом. В совершенстве знающий ГАСы, обладающий какой-то неординарной информацией, — это Артур сказал для компьютера. — Тогда это и есть первый пункт маршрута. Зайдем к колдуну, побеседуем о смысле жизни... Заодно узнаем политическую обстановку и новейшие сплетни из жизни «умных людей».

Лессо засмеялся. Потом повел линию дальше.

— Это что?

— По замерам зондов — равнина, — сказал Артур, — луг, лес, море или пустыня. Известно только, что плоскость. За ней начинаются отроги. Горы не очень высокие — до двух тысяч метров. Порода я не определил. Но, судя по здешним — такой же базальт.

— В каком месте выходим к горам?

— Лучше, наверное, по прямой. Сэкономим время.

— А если равнина труднопроходимая, и ее придется огигать, то пойдем справа. Там попадаются речушки и деревни.

— Отлично. А сейчас, — Артур сложил карты и сунул в рюкзак, — сейчас выходим из этих треклятых каньонов и топаем к колдуну. Это на границе холмов; у него же попробуем и заночевать. А в случае чего — палатка есть.

— Да, и насчет продовольствия... Не думаешь же

ты питаться одними консервами и концентратами?

— Не думаю. А...

— Вот то-то и оно. Поэтому по пути займемся еще одним дельцем.

Ким Лессо ослепительно улыбнулся и вынул из своего рюкзака хитроумную систему из отшлифованных планок темного дерева. Он что-то соединил, составил, раздвинул... Артур поднял большой палец: Ким держал в руках мощный четырехплечевой арбалет с магазином на пять гарпунов.

— Система вашей планеты? — спросил Артур, любясь оружием. Арбалет был пиком великолепия.

— Да. Серьезная штука. Со стальной насадкой бьет бронестекло — в Центре проверял.

— Ну, чувствую, охота будет дай боже! — сказал Третьякович. — Ну, пошли, что ли...

На выходе из ущелий встретились поля невысокого кустарника. Тут Артуру довелось убедиться, что охотничьи традиции назлов почти не отличаются от земных.

Они вступили по пояс в жесткие кусты с мятым запахом. Впереди что-то зашуршало и стихло.

— Заходи справа, — шепнул Лессо одними губами, — гони на меня.

— А кто это? — шепотом же поинтересовался Артур.

— Сейчас увидишь...

Артур, донельзя заинтригованный, осторожно пошел в обход. В кустах мог таиться кто угодно.

На пятом шаге веером разлетелись листья, раздалось басовитое гудение крыльев, и впереди взлетело в воздух нечто бесформенно-прозрачное. Лессо не упустил ни доли секунды — гарпун зашипел, что-то грузно бухнулось, придавив кустарник.

— Эге, — Артур покачал головой, — и это едят?

На траве лежала птица с прозрачными, как у стрекозы, крыльями. Стрела пробила ее насквозь.

— Еще как! — присвистнул Ким. — Язык проглотить! Испечем на ночлеге, — он отсек крылья мечом и прицепил птицу к поясу. — Пока хватит или еще?

— По дороге. А кто тут еще водится?

— Дичь разная. Вараны лесные, древоеды...

— Это кто?

— Здоровые, с нас ростом. В лесу живут.

— М-да... хорошо живете.

Артур не забывал следить за направлением пути. Было непривычно жить по тридцатидвухчасовому дню, но усталости в ближайшие часы пока не ожидалось. Вверху уже перевалил через полдневную черту Артур, звенели здешние коллеги земных цикад. Жара еще держалась, горизонт плыл, размываемый маревом, высокое белесое небо, казалось, гудело, как колокол. Наши путешественники шли, точками мелькали в залитых горячими запахами лощинах, скрывались за ветвями одиноких деревьев и шли, шли, приближались к еле видной на горизонте грядке пологих холмов...

...Уже начинало темнеть, когда они вошли в тень густой рощи. Почва ощутимо уходила вверх. Артур ступил в мягкий лесной дерн и опустился на одно колено. Ким присел на корточки. Посидели, отдыхая, вытерли лбы. Мокрая челка сползла Артуру на глаза.

— Ух, — выдохнул Лессо Лорме, — не будь я из рода Онн, если мы не добрались до холмов.

— Хор-рошая пробежка, черт подери, — Артур, переведа дух, начал оглядываться.

В тенистой чаще был уже полусумрак, шуршали ветви. Становилось чуть холоднее.

— Ну, — Третьякович встал, оперся о толстый сук, — километров так сорок мы сегодня оттопали, — сказал он. — Поищем же место преклонить главу свою...

Ким, напрягая глаза, вглядывался в просветы леса.

— Избушка колдуна, по рассказам аборигенов, где-то здесь. Через полчаса стемнеет окончательно, тогда вообще ничего не найдешь. — Лессо рывком встал. — Пошли, будем искать. А то — ставить палатку. — Он проворчал что-то еще по адресу аборигенов и зашагал вверх по склону.

Темнело, действительно, просто необычайно быстро по сравнению с огромным днем. Не прошло и сорока минут, как стволы впереди уже расплывались и терялись во мраке. Артур спотыкался каждые десять секунд, несмотря на линзы ночного видения; ноги уже не хотели идти, они молили о пощаде. Ким впереди усиленно чертыхался, налетая на корни.

— ...Так, — донесся вскоре его глухой голос, — если через минуту не доберемся до избушки — стоянка.

— Согласен.

Ким хотел прибавить что-то еще, но тут из-за полянки блеснул в глаза желтоватый лучик. Тусклое квадратное окошко вырисовывалось из темноты.

Всякий нормальный человек рванул бы скорей к этому очагу уюта, даже Ким Лессо ускорил шаг. Но мозги функционеров Космоса работают как-то по-другому.

— Сперва — безопасность, Ким, — Артур придержал товарища за рукав. — Обойдем со всех сторон. Читал я в сказках, что у колдунов хорошая система обороны.

— Ты про ГАСы? Одна беда, все равно ночью не разглядишь, — Ким жадно поглядывал на близкую избушку. — Пошли, он увидит и откроет.

— Подожди, не рвись. Возьми, — Артур снял с пояса фонарик, включил, дал Киму. — Свети вниз, высоко не поднимай, не демаскируй раньше времени. Свети себе — у меня контактные линзы, гляди под ноги.

Лессо направил луч в траву и тотчас наткнулся на плоский камень. На гладкой поверхности был красной краской начертан замысловатый знак.

— Система, контакт, — сказал Третьякович. — Определить назначение по каталогу Ларри Клейна.

— В каталоге нет, — прошелестел микродинамик.

— Что думаешь, Ким?

Лессо почесал шевелюру, которая сквозь контактные линзы ночного видения казалась Артуру серо-голубой.

— Да кто его знает... Может, крикнуть?

— Попробуем.

Лессо Лорме расправил плечи под рюкзаками, переступил с ноги на ногу, набрал воздуха, шагнул вперед...

Артур мгновенно понял, что он зря шагнул вперед. Но графический активный символ уже сработал.

Раздался звук, словно вой снаряда; Артура и Кима толкнуло в спину, подняло, швырнуло вперед, к дверям избушки, потом ударило и распростерло по земле...

... На мгновение Третьяковичу привиделось море — каким оно бывает в ветреный осенний день, когда по свинцовой глади гонит барашки, срывает с гребней

20
пену. Ну да, в такой день он и поступал в институт... Да, первым его встретил Луис Неро — Артур моментально вспомнил его спокойную добродушную усмешку. «Третьякович? Ах, здравствуй, Артур. Рад, рад видеть. Что, как ты?» Они были знакомы года полтора. Все удивлялись их знакомству — Неро входил в двенадцать лучших врачей Земли, составлявших Всемирный консилиум, и дел у него обычно было невпроворот. Что ж, сравнялись, подумал Артур, знаменитый медик и знаменитый космобродяга...

На этой мысли Артура толкнули в плечо.

— Алло, — сказал рядом голос Кима, — просыпайся давай. Ну, очнулся? Я тоже.

Артур ощутил себя лежащим на чем-то деревянном. Он сел и открыл глаза. Снял линзы.

Они находились в небольшой комнатке, освещенной десятком свечей. На полках по стенам стояла глиняная и деревянная посуда; шумел за окошком из полупрозрачной пленки лес. Кости еще немного гудели после карусели ГАСа — их здорово хватало о землю. Артур окончательно протер глаза и посмотрел на хозяина, что сидел у стены на лавке — колдуна.

Веселый белобородый старикан в белой рубашке, кожаных штанах и кожаных ботах на босу ногу. Этаким дед Мазай из русской сказки. «Жили-были»... Колдун что-то сказал, Артур взглянул на Лессо.

— Приветствую гостей со звезд, — перевел тот, — я ждал семь лет... — Ким споткнулся, и у него запыхали бликами глаза от удивления.

— Как вы узнали? — спросил Артур.

Лессо, переводя его слова, в ответ сказал:

— Ваши братья сами просили ждать. А узнать вас нетрудно — только люди со звезд ходят в одежде из неизвестной ткани, не знают... каракулей, носят непонятные вещи...

— Так вы уже встречались с... такими, как мы?

— О, — колдун погрузился в воспоминания, — это было счастье для меня. Ваши братья редко разговаривают с нами. А эти попались в мои ловушки для зверя, я освободил их. И они отблагодарили меня. Сказали, что если они или их братья зайдут, я должен передать им один предмет, что они оставили. И с тех пор я ждал. Семь лет ждал.

— Ким, — проговорил Артур, — о'кей, он принимает нас за «умных людей». Отлично. Выведем все, что возможно. Этот старик общался с ними лично.

Лессо кивнул. Колдун поднялся и, шаркая ботами, вышел в соседнюю комнату.

Глава двенадцатая

Предмет, что он вынес, осторожно держа на вытянутых руках, блеснул в пламени свечей. Предмет был необычен — впрочем, Артур и не ожидал встретить на чужой планете электромясорубку. Это была металлическая граненая полусфера — размером с хороший арбуз, зеленоватого оттенка. Старик поставил ее на стол, зажег еще две свечи, поставил рядом. отошел к стене.

Артур жестом остановил Лессо. Назл понял его, застыл на месте, наблюдая за Третьяковичем. В мгновение Артур сменил образ — сжал губы, размял пальцы биопротеза, брови Ферзя резко очертились, и неустальный путник, а купой в движениях исследователь Все-

ленной шагнул к изделию неизвестной цивилизации. Артур вынул из кармана куртки полугибкий штырек-щуп.

— Система, контакт, — скомандовал Ферзь, — замер радиации... Так... биолокация? Хорошо. Химическое действие, поля. Ну, слава богу. Вроде, безопасна. На первый взгляд...

Артур коснулся полусферы щупом. Чуть постучал. Тронул ладонью. Пожал плечами и, взяв в руки, поднял.

— Килограмма три, не больше. Как ты думаешь, Ким — что за штукавина?

Лессо Лорме пожал плечами.

— Не реагирует?

— Ни ответа, ни привета, — сказал Артур. — Может, они используют радиокоды. Но эта штука, похоже, цельнолитая.

— А назначение?

— Сувенир далеким братьям, — мрачно сказал Ферзь. — Ладно, отойди-ка, я с ней поговорю по душам...

Ким отошел, оттащил к стене рюкзаки и сел, с любопытством наблюдая.

Артур нажатием кнопки на рукаве поднял вокруг головы шлем. Потом взялся за граненую полусферу всерьез.

Поверхность металла была гладкой и отшлифованной; ни швов, ни стыков, ни отверстий. Ферзь тщательно ощупал грани, но не нашел ни зацепки. Тогда он слегка разозлился.

— Так... ладно, поговорили. Теперь тебя послушаем.

Артур присоединил щуп к рации, протянув провод из рюкзака. Начал с микрочастот, но полусфера не реагировала ни на какие радиоволны вообще. Третьякович отбросил щуп.

— Выйдите из комнаты!

Голос Артура был так полон решимости, что Ким Лессо подчинился немедля; он схватил за руку колдуна, и они исчезли за дверью. Там, за дверью, Ким прислушался. Старик что-то бормотал — не иначе, молитвы. Они емугодились. За дверью хлестнул взрыв, из щелей метнулся ослепляющий свет. Лессо успел оттащить старика, дверь рухнула с петель. Ким ворвался в комнату.

Артур, сняв шлем, стоял у стола и широко улыбался.

— Это пульт управления, — сказал он, — я нашел способ открыть крышку. Вот, смотри.

Верхняя граненая оболочка лежала отдельно. Артур, видимо, снял ее не тем способом, как полагалось у изготовителей — в воздухе висел запах озона. Предметы в комнате валялись по углам. Но в руках у Третьяковича был толстый диск с кольцевыми рядами сенсорных клавиш. Это действительно напоминало пульт.

— Тебя не зацепило взрывом? — Ким внимательно оглядел товарища. — Ты это... осторожнее. Старик вон тоже перепугался.

— Скажи ему, чтобы приготовил твою птицу. А мы пока разберемся с клавиатурой.

Колдун, ворча под нос, унес добычу Лессо. Артур и Ким склонились над механизмом.

Клавиши, размером с ноготь, имели метки. Очень простые символы-комбинации точек и прямых линий. (При свечах они плохо различались — Артур чертыхнулся и подвесил к потолку включенный фонарик.) Выделялись три клавиши: пепельно-серая с краю,

рядом с ней — сине-зеленая и в центре диска — ярко-голубая. На всех трех был черной краской нарисован продолговатый ромб. Остальные клавиши были белыми с синим рисунком.

— Если работать по методу научного тыка, — сказал Артур, — сначала следует ткнуть голубую. Не взорвется — дальше. Но есть риск, что все-таки взорвется. Поэтому сперва подумаем, что же это может быть. Рация?

— Мина, — пошутил Ким. — Бомба, атомный заряд.

— Чтобы взорваться, достаточно одной кнопки. А тут их... э-э... сорок три. Еще гипотезы: машина времени, компьютер, банк информации, оружие, видеокамера... Система, контакт. Просчитать вероятности.

Через двадцать секунд микродинамик прошепелявил:

— Рация — 47%, бомба — 12%, машина времени — 0,9%, компьютер — 64%, банк информации — 70%, оружие — 51%, видеокамера — 27%.

— Значит, банк информации? — Артур чуть задумался. — И что же может тут храниться?

— Это лишь гипотеза, — напомнил Ким.

— Но нам, черт подери, надо или разобраться с этой штукой, или выкинуть ее!

— Ну так напусти на нее свой компьютер! — о микросистеме в воротнике куртки Лессо Лорме отзывался уважительно — ведь тот умел разговаривать.

Третьякович вдруг хлопнул в ладоши.

— Точно! Ну, Ким, башка у тебя! Это идея. Я голодный, как черт, ты тоже. Пока мы ужинаем — пусть система с этой штукой сама разбирается. На то и компьютер.

— Я пойду посмотрю, что с ужином, — сказал Ким облегченно.

— Ага, пошли. Система, контакт, — Артур расстегнул и снял куртку, переложил пистолет в карман брюк. Куртку положил так, чтобы фотодатчики компьютера видели диск. — Дешифровать назначение и схему использования пульта. Ну, Ким, пошли. Часа три-четыре он повозится...

...Старик вынес плоский деревянный поднос с чем-то ароматным до чрезвычайности. Артур подозрительно взглянул на Лессо.

— Это та самая птица?

— Она самая. Вот попробуй. Колдун, видно, знает толк в готовке.

Артур попробовал и обалдел. Это была пицца богов. Колдун довольно улыбался — ему удалось угодить людям со звезд.

У Кима со стариком завязалась дружеская беседа. Но информации не было; колдун не знал, ни где находятся базы «братьев», ни где их можно найти. Насчет гор он выразился очень определенно:

— Там плохо.

— Как это?

— Очень плохо. Опасно. Там демоны.

— Это новость, — сказал Ким. — Ферзь, ты как с демонами, в ладах?

— На дружеской ноге, — проговорил Артур задумчиво. — Демоны — вероятно, что-то вроде той жестянки в пещере. А может, хуже. Знаю одно, — Ферзь поднял на друга ясный взгляд, — мы до них доберемся и выясним это лично.

— Ну разумеется, — улыбнулся Лессо Лорме.

После ужина пошли проверить работу микрокомпьютера. Упрямая машина в воротнике куртки старалась, но Артур знал, что она вряд ли справится с задачей. Нередко, чтобы узнать назначение некоторых иноземных штуквин, создавались институты, и то ничего не выходило. А, например, чтобы расшифровать язык колецеров, понадобилось двадцать семь лет и десяток мощных суперкомпьютеров. А тут — с ходу, на чужую клавишную символику...

Но, видимо, произошла какая-то случайность, и что-то помогло машине. Повезло, одним словом. Артур уже скорбно покачал головой, но куртка на столе неожиданно дала сигнал таймера. Артур надел ее и позвал Лессо.

— Задание выполнено, — сказал микрокомпьютер своим шелестящим шепотом. — Назначение клавиатуры установлено. Также дешифрована символьная система, речевой язык и составлен словарь.

Вот так, думал Третьякович, на твоих глазах происходит обыкновенное чудо, а ты только таращишь глаза.

— Ким, ты понял, что он сказал? Это был шанс из миллиона. Он не только понял клавиатуру, он узнал их язык и может теперь быть переводчиком.

— Хороший компьютер, — сказал Лессо. — Так что же это все-таки — бомба?

— Не умеешь ты удивляться, — обиделся Артур. — Ну да ладно, прощаю на радостях. Система, контакт. Назначение объекта?

— Аудиовидеосвязь.

— С кем?

— Переменный набор абонентов.

— Нужен эксперимент, — сказал Артур. — Система, последовательность включения?

— Серая кнопка — надпись «активация», включает энергию. Сине-зеленая — надпись «выход на связь», готовность к связи. Голубая — «терминалы», включение звука и изображения.

— Можно действовать?

— Система функционирует.

Артур помялся. Ах черт, как заманчиво прямо сейчас выйти на связь с инопланетянами, объяснить, начать встречу... Правда, он не контактолог, но правила поведения при встрече с разумными внеземными существами они в институте проходили. Есть ли у него право начинать контакт? Или тащить эту машинку в рюкзаке до Земли?..

— Интересно, — подал голос Ким, — а зачем они оставляли эту штуку тем, кто придет? Как-никак, семь лет, по словам колдуна, прошло.

— Спроси у них самих, — посоветовал Артур, продолжая размышлять о своих правах. Он размышлял так упорно, что, прежде чем успел что-то предотвратить, Лессо уже нажал все три кнопки.

В воздухе над диском связи появилась квадратная голографическая рамка.

— Экран, — сказал Артур. — Ну, Ким... Теперь уж продолжай. Кого будем вызывать? До Космогорода, думаю, с этой станции не дозвониться. А вот... Система, контакт. Как вызвать абонента?

— Набрать его код. Или: с активацией системы связи в эфир идет сигнал, возможно, кто-то вызовет сам.

Артур кивнул Лессо.

(22)

— Ну вот, подождем — может, нам кто звякнет.

— Не думаю, что диск оставили просто так. Кто-то ждет его сигнал.

— Семь лет?

— Не знаю, но...

Он не договорил, полупрозрачный экран полыхнул золотыми искрами.

— Система, контакт, режим перевода! — успел сказать Третьякович, и экран провалился в пустоту. Вместо квадрата в воздухе возникло изображение.

Сначала Артур и Ким не поняли, что же там было такое — серое пятно в окружении зеленоватых радуг, потом глаза присмотрелись. Третьякович понял, что инопланетянин, стоящий на фоне неизвестных приборов, безусловно, имеет отношение к человеческому физическому типу, но отличается серьезно. Глаза треугольного разреза с вертикальными зрачками, серо-сизая блестящая кожа, отсутствие ушей, рот неприятно маленький. Однако взгляд умный и внимательный. Артур вдруг понял, что и существо на экране тоже видит их с Кимом, тоже разглядывает и оценивает.

— Здравствуйте, — сказал он, сохраняя полную неподвижность, пока компьютер переводил — ни одна машина не переведет язык жестов, и лучше спокойно постоять.

Не более пяти секунд инопланетянин смотрел на Артура, не отрываясь. Третьякович знал, что сейчас в мозгу существа проясняется факт, что перед ним не соотечественник, а некто, похожий на жителей седьмой, но не из них, так как одет по-другому и умеет обращаться с механизмами. Следовательно — представитель цивилизации развитой.

В следующую секунду выражение лица инопланетянина очень резко изменилось, он обернулся вбок и что-то крикнул. Экран неожиданно вспыхнул бликами и погас, стал плоским.

— Это не они. Выключить аппарат и послать... — запоздало перевел микрокомпьютер. — Конец фразы оборван.

— Что случилось? — Артур взял диск в руки. — Ты видел его, Ким? Видел?

— Да уж, посмотрел, — сказал Лессо. — Но почему он не захотел с нами разговаривать?

— Может, линия сорвалась? — Артур встряхнул аппарат. — Система, контакт. Как снова соединиться с абонентом?

— Аппарат абонента отключен.

— А можно установить пеленг по этому разговору?

— Нет, пеленг не берется.

Третьякович проклял безвестного инопланетянина.

— Все, — сказал он, — экспериментов хватит. И так много ошибок. Не следовало братья за контакт, раз не контактологи.

Ким Лессо пожал плечами.

— Что ж, тогда...

И в этот момент небо за полупрозрачным окном загудело. Артур и Ким выскочили за порог.

Через ночь, от горизонта до горизонта, протянулась ярко-багровая полоса. Она заискрилась, от нее рассеялись лучи. Потом невидимый кинжальный удар с неба разрубил хижину колдуна пополам, и она разлетелась обрывками горелой древесины...

Глава тринадцатая

— ...Ну, что будем делать?.. — слова Артур ронял глухо и тяжело, как ртутные капли. Вокруг шумели глыбы мрака — ветер гнул верхние ветви леса, там металась листва, но здесь, меж стволов, было спокойно.

Силуэт Кима — темный валун в ночи — шевельнулся.

— А я знаю? — Лессо соединил два края рваной дыры на рюкзаке, заварил синим огоньком горелки. — Думать будем...

Когда атакой сверху избушка была уничтожена, они выжили, лишь упав в густой кустарник. Потом Артур метнулся, выхватил из развалин рюкзаки, и они кинулись в лес — в ночь. Сзади раздалось еще два удара.

Они бежали час или полтора. Потом сели между крутых корней. Думать.

— Целили в нас, — сказал Третьякович. Он не спрашивал, а утверждал. — Целили в нас, запеленговав по связи. Тот инопланетянин сообщил.

— Встреться он с моим мечом, — пробормотал Лорме.

— Дальше, — спокойно рассуждал Артур. — Удар был нанесен с летящего объекта, оставляющего красный инверсионный след. Удар, вероятно, лучевой. Теперь вопрос — за кого же это нас приняли?

— За кого бы не приняли, — глухо сказал Лессо, откладывая рюкзаки, — все равно ошиблись. Глупые. Думают, убили. Колдуна убили. Мы остались.

— Подожди ты с мезью, — отмахнулся Артур, — это всегда успеет. Понимаешь — никакой логики, семь лет аппарат болтался, а как только заработал — лучевая атака. Неясные махинации.

— Ясные, — Лессо мял в пальцах упругую пластину своего меча, поглаживая его осторожно и любовно. — Вполне ясные. Я им объясню доходчиво.

— О, господи. Сейчас-то кто на тебя нападает? Спрячь меч! — это был уже приказ. Ким кинул на Артура быстрый взгляд, хмыкнул, но вложил клинок в пояс.

— Ну? — спросил он.

— Думай. Почему?

— Не тех ждали.

— Мы что — враги?

— А кто знает, кем мы им показались?

— Резонно, — Артур вздохнул, — но неопределенно. Ладно. Включи фонарь, карты достанем, сориентируемся, куда идти.

Артур под четким лучом фонарика развернул на сонной поникшей траве карту.

— Слушай, — сказал он, — теперь мы на самом перевале холмов. Еще час ходу по лесу, и выходим к равнине. Если равнина легкопроходимая, дней за пять мы ее одолеем. Другое дело — стоит ли одолевать? Может, на подходе к горам у них эшелон обороны?

— Плевал я на эшелон обороны! — прорычал Ким Лессо. — Идем к горам и выясняем у них все с глаза на глаз.

— Он на тебя тоже плевал. Поэтому не горячись, а думай спокойно. Если идти к горам, наши шансы слишком разные — у нас с тобой лишь меч, арбалет да мой пистолет с запасом батарей на полтора часа работы. У них — берем то, что видели — летательные системы с лучевым оружием, роботы и черт-те что еще.

— Тогда твое решение? — глаза наэла полыхали,

23) меняясь с каждой секундой; Артур тайком любовался этими гаммами. — Ну?

— Единственный выход, если микрокомпьютер запомнил частоту — выйти на связь еще раз и все объяснить.

— По чему связаться? Ведь система осталась там.

— По моей рации. Думаю, получится.

— Чтобы нас снова нашли и...

— Есть защита от пеленга.

— Тогда что мы ждем? — удивился Ким.

— Ждем, пока ты окончишь вопросы, — улыбнулся мило Артур. — Система, контакт...

Частоту компьютер запомнил. Третьякович быстро вынул и включил плоский терминальчик походной рации. Запустил программу противопеленгации. Автоподстройка частоты помедлила две секунды, и динамик зашумел, забурчал, заговорил наконец.

Артур приказал компьютеру переводить; через минуту лица путешественников окаменели, освещаемые бликами сигналов рации. Потому что — ах, каким интересным оказался чужой разговор!..

«— ...Целор сказал — пятый гравойл уже на орбите... Да, они хотят подтянуть весь Сто шестнадцатый отдел.

— Весь отдел? Да Целор свихнулся — там больше восьми кораблей.

— Если информанты прорвутся в оболочку Атэкса, будет хуже.

— А кто обеспечит защиту наземных баз?

— Там своя система. Как ты думаешь, под кого маскировались те двое? Аборигены?

— Что ты, обычная уловка информантов. Пока мы разбирались бы, они могли перебросить свои матрицы. Хорошо, Кленси успел отключить связь. Теперь приближенно оценивают, что их на планете 30-40 единиц.

— Ясно. Тогда слушай — у гор надо кроме обычной системы рассеять демонов и василисков.

— Думаешь, электронный демон задержит информанта?

— По крайней мере, отвлечет.

— Ладно, где гравойлы?

— На стартовой. Флот в готовности.

— ...Эй, ребята, прекращайте посторонние разговоры. На связи Роц. Из звена разведки передают — те двое информантов могли передать нашу частоту в центр.

— Думаешь, он сейчас у тебя из микрофона вылезет? Матрицы по звуковой не передаются, Роц.

— Я не про то. Могут прослушивать. Меняем частоту. По шифру КС-11. Ясно? Начали...»

...Зеленая надпись на дисплее рации «частота утеряна», погорев минуту, погасла. Артур помассировал пальцами виски — говорят, в мозгах проясняется. Не прояснилось. Они с Лессо подняли глаза друг на друга синхронно. Ким по-человечески присвистнул.

— Теперь разбираем по косточкам, — медленно проговорил Третьякович. — Информанты, Атэкс, электронные демоны, гравойлы и прочее...

Вокруг была чужая ночь — длинная, глухая, шумящая. Двое сидели в этой ночи, как сидят мухи в варенье — увязнув, провалившись сквозь время, затерянные и потерявшие ощущение пространства. Но они жили, голоса, пусть были глухи и негромки, но — ясны. И ясны были глаза, и набирал силу зов горизонта.

— ...Так, — говорил Артур, — в чем особенность моего компьютера как переводчика: те слова, аналоги которых в нашем языке есть, он переводит напрямую. Имена и названия оставляет так, как слышит. А вот те, что аналогов не имеют, переводятся по ближайшим значениям. То есть, понятия, которое у этих инопланетян называется «кинформант», у нас нет.

— Ну, дальше.

— То есть, информант — производное от информации, а гравойл — от гравитации. Судя по употреблению, гравойлы — летательные аппараты, могут ходить до орбиты. Это более-менее. Информанты могут перебрасывать свои матрицы по видеоканалу. У них есть центр, в который они пересылают сведения. Они уничтожимы, опасны, инопланетяне их боятся. Они могут маскироваться. В частности, нас с тобой приняли за замаскированных информантов...

— А эти... электронные демоны и василиски?

— Вероятно, автоматические или управляемые боевые системы. По разговору, их рассеют перед горами, но они малоэффективны в борьбе с информантами.

— Да, похоже, вся карусель из-за этих информантов, — задумчиво сказал Ким. — А началось с нас.

— Надеюсь, охота соваться к горам пропала?

— Не надейся. Усилилась.

— Счастливым, — вздохнул Артур, — у меня только начала появляться... Главное, — поднял он назидательно палец, — употребить это желание верным образом.

— Это каким? — поинтересовался Ким.

— Верным. Сперва все взвесить. Насчет информантов — есть они здесь в самом деле, или мы — единственные? На всякий случай будем думать, что есть. Чью нам сторону принимать, какова наша цель? Мне вообще кажется, что довольно целесообразно вернуться на станцию, где есть локаторы, защита... — Артур прервал гневный вскрик назла. — Это целесообразно. Но интересней и, пожалуй, эффективней посмотреть на все самим.

Лессо заулыбался радужными глазами.

— Нас ждет равнина, — продолжал Артур, — она ждет и просит, чтобы ее одолели.

— Она дождется, — сказал Ким Лессо Лорме Онн и встал. Артур встал рядом с ним.

До контрольного срока было еще далеко.

Глава четырнадцатая

— ...До контрольного срока? — переспросил Эдик. — Да дней сорок пять. Или больше. Крейсер пойдет обратно двадцать третьего декабря. — Спец разговаривал, не отрываясь от внутренностей киберпилота, что стоял перед ним на стенде. — А что?

Света не ответила, подошла к окну. Она чуть приоткрыла жалюзи, хмурый свет серого дня посеребрил Лепестка.

Эдик Прохоров смотрел, руки его работали, но что-то в этой работе сбилось. Что-то хрустнуло под пальцами, он рванулся, порезал ладонь. Ярость — глухая и светлая — вскипела, он толкнул механизм, гулко отозвался звон в пустом цеху.

— Ты что? — когда Света обернулась, Спец был уже рядом.

— Надоело! — швырнул он.

— Что?!

— Все! Это! — он развернулся на каблуках, резко. — Надоело, Света! Понимаешь? Ты разок хотя бы в жизни меня понимала? Света! Лепесток!.. Если уж Артур — так Артур, не мне с ним соперничать. Но он же... Ты ему не нужна, я с ним разговаривал. Пойми. Я люблю тебя. Пойми. Пойми... Пойми... — Эдик повторял это, как кибер, закрыв лицо руками. Такое с ним случилось впервые. Обычно он хорошо себя сдерживал. Теперь Спец медленно двинулся к двери, и, пока он шел эти пятнадцать шагов, Света успела передумать много мыслей.

Успела подумать, что Эдик с Артуром никогда особо не дружили, скорей, больше расходились во мнениях. Что Прохоров после отлета Артура стал абсолютным чемпионом в вождении и навигации. Что он красив в этой матовой коричневой куртке и черных джинсах. Что Ферзь, будь он здесь, усмехнулся бы металлически и вышел, — но воспоминание об Артуре вернуло ее боль. И она покачала головой.

— Нет, Эдик. Я люблю... — Эдик обернулся на пороге, и она не договорила «Ферзь» — пол-лица Эдика было залито кровью — он забыл о порезанной ладони...

...Спец готов был уже выйти, бросив на Свету прощальный яростный взгляд, и девушка очень удивила его, подбежав и схватив за плечи.

— Что с лицом?! Эдик...

— Кровь, — мрачно сказал Спец. Света достала платок и приложила к его лицу.

— Пошли в медико-центр.

— В другой раз, — процедил Эдик, отворачиваясь. Но когда он отворачивался, ее рука, что была на щеке, случайно прижалась к его губам. Она не отдернула ее.

Спец, не совсем сознавая, что делает, схватил ее за плечи. Жадно поцеловал. Потом, сознавая, поцеловал нежно.

«Артур!.. — вспыхнуло в голове Светы, тотчас погаснув. — Почему Артур? Эдик...»

Это уже потом, в коридоре заметили, что блузка в нескольких местах пропитана кровью. И еще заметили, что в Институте стало больше на двоих счастливых людей.

...Домик был не нов и обшарпан годами. Это двухэтажное строение спряталось в тополях на самой окраине.

Луис Неро поднялся на высокое крыльцо и, не стуча, вошел. Сильная пружина захлопнула за ним дверь с транспарантом: «Мастер-биопротезист Михаила Норкин».

Хозяин сперва разлил чай, но Луис Неро поспешил сказать дело.

— Прости, Михаэл, — Луис выговаривал старорусское имя на свой лад, — я сразу насчет протеза Третьяковича.

— Что, забарахлил? — нахмурился протезист. — Да быть не может!

— Нет, не забарахлил, — Луис поднес к губам чашку, обжегся.

— Остуди покуда. Ну, так что же случилось?

— Артур улетел. На альфу Волопаса.

— Слышал, — закивал протезист. — Ничего, бог даст — моя рука не подведет.

— Дело в чем... Условия там сложные. И, хоть ты нам всю схему показывал, раз сто мы все проверяли, но — сам расскажи. Я беспокоюсь. Что может сломаться, что может не выдержать нагрузок?

— Напрасно, напрасно, — засмеялся Михайла, выкладывая на стол листы схем. — Чтобы мой протез не выдержал — это надо его кувалдой со всего размаха полдня колотить. Тогда, может, какой контакт забарахлит.

— Михаэл, как прочен титановый корпус?

— В три с половиной раза прочнее берцовой кости. Машина может переезжать.

— А надежность схем?

— Э, сам проверял, а спрашивает. Схемы на жестких кристаллах. Ну, конечно, не стоит больше часов двадцати в день сидеть ближе метра к работающему компьютеру. А то кристаллы примут много волн, схема может исказиться.

— Ну, — Неро махнул рукой, — это пустяк. Даже на корабле или на станции такого быть не может — ближе метра двадцать часов. Но любопытно. Почему ты этого раньше не говорил?

— Да ну, — старик прихлебнул из блюдца, — ты же сам говоришь — не может быть. Абсурд. Никто же ему не будет вешать на шею кибермозг.

— Да, никто. — Луис вдруг замер, побледнел. — Ты! Почему не сказал раньше?! У Третьяковича же в воротнике компьютер!!

— Тогда дело хуже, — сказал угрюмо Норкин. — Может заклинить суставы. Радируйте ему, чтоб возвращался.

— Откуда? — застонал Неро. — С альфы Волопаса?! — и выскочил за дверь.

Майдановский вошел в зал, когда почти все уже собрались. Он попытался сесть, но Германа Сергеевича вежливо остановили.

— Ваше место за кафедрой. Будете отчитываться. — Это был Акимов, медик.

Вот черт, подумал Майдановский. Ведь снимут. Снимут, сплавят, и правильно сделают. Шляпа!

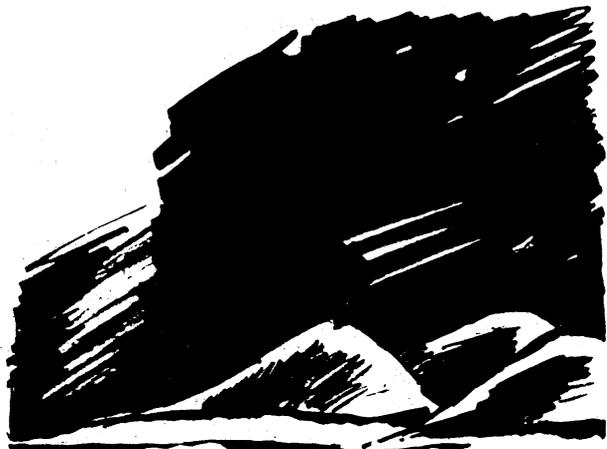
Он взбежал на кафедру. Оглядел зал. Угрюмые, недобрые лица.

— Начнем, — за невысоким барьерчиком президиума поднялся генеральный директор Третьего Института Космонавтики Джеймс Хэмфри. — Герман Сергеевич, теперь вы расскажите нам, чем руководствовались вы, осуществляя подбор кандидата, как им стал Артур Третьякович, и как вышло, что он был отпущен в полет с нарушением двигательных функций. В зале преподаватели Института, курсанты, журналисты, медики — все внимательно слушают.

Майдановский прищурился. Что же им рассказывать? Как Артур очаровал его? Или как расправлялся со спарринг-манекенами? Или про забывчивого старика-протезиста? Итог один — Артур сейчас на Арктуре, и в любой момент его левая рука может отключиться...

Герман Сергеевич грубо и неумело (впервые) стукнул по кафедре кулаком.

— Вы, люди! Друзья. Враги. Равнодушные. Говорить мне нечего. Объяснять тоже. Сейчас с Артуром, возможно, уже беда. Подождите неделю с судом надо мной. Сейчас — я требую рейса к Арктуре. Я шляпа — я полечу искать Третьяковича. Не прошу! Требую. Требую, слышите!

— Прекратите, — оборвал его Хэмфри. — Поисками Третьяковича займется специальная команда. А суд, возможно, в самом деле будет...

— Пока вы набираете команду, Вселенная состарится! — крикнул старческий слабый голос Луиса Неро. — Я лечу с вами, Герман Сергеевич, — врач встал и начал протискиваться к кафедре.

— Вас вызовут после, — сказал Хэмфри, — пока же пусть говорит Герман Сер...

— Мы летим с вами! — это раздалось от дверей. Эдик Прохоров, видно, сильно спешил и успел точно.

— Мы? — удивился кто-то в президиуме.

— Да, мы, — Светлана взошла к кафедре, как королева, ведомая Эдиком.

— Кто вам даст корабль, неспециалистам? — крикнули из зала.

— Неспециалистам?! — разозлился Спец. — У меня сорок шесть взеземных операций и диплом техника! У Светы тоже.

— А вы, Герман Сергеевич? — спросил генеральный директор.

— У меня семьсот летных часов, — сказал Майдановский, и зал зашумел.

— Дать им корабль, — сказал кто-то ясным голосом.

— Ребятство! — закричали многие.

Вполне мог разгореться обыкновенный спор. Люди заговорили все разом. И неожиданно на столе у Джеймса Хэмфри замигал сигнал дальней связи. Чей-то мощный гравитационный луч пробил подпространство, и из динамиков механизированной секции стены хлынул четкий голос:

— Внимание! Космический суперкрейсер «Мицар» вызывает зал собраний Третьего Института Космонавтики.

— Здесь зал собраний. Кто говорит? — спросил Джеймс при гробовом молчании зала.

— Говорит командир крейсера Альфред Битте. Мы слушали вашу трансляцию. Передаю связь Андриану Михаю, смотрителю транзит-станции «Лимб».

— Алло, — сказал Андриан, — здравствуйте. Я на «Мицаре». Все знаю и взволнован. В данный момент я ближе всех к Артуру. Альфред Битте согласен вновь высадить меня у Арктура. Я готов к поиску. Даете ли вы полномочия, или мне действовать без них?

— Даем, — сказали хором Джеймс Хэмфри, Майдановский и еще добрая половина зала.

Глава пятнадцатая

Когда взошли на последний холм, открылась равнина, снежная, молочно-белая, искрящаяся в рассвете.

— Я был прав, — сказал Артур, останавливаясь и шурясь, — это пустыня.

Ким Лессо удивленно оглядел титаническую блистающую плоскость.

— Пустыня? Странная, скажу я, пустыня!

— Соль. Дно высохшего моря. Какая красота!

— Столько соли?

— Сотни квадратных километров.

Равнина была величественна. Воздух и лучи Арктура скользили по ней, кололись бликами, били по глазам.

Через двадцать шагов под ногами захрустели белые кристаллики. Лессо Лорме вначале ступал не-

сколько опасливо. Соль как вещество он знал, но соль как стихию...

— Мы преодолеем ее? — спросил наэл.

— Разумеется, — ответил Артур бесстрастно. — Главное здесь — вода. — Он нащупал на борту рюкзака плоский карман и вынул из него полукруглую металлическую фляжку.

— Это вся вода, что у нас есть? — удивился Ким. — Километров на пятьдесят хватит.

— Это не просто фляжка. Это автоматический синтезатор. Прогоняет воздух и накапливает в час до двух литров. Штука надежная и испытанная, — он сунул синтезатор обратно. — А с концентратами — дней на сто у нас, думаю, хватит.

При упоминании о концентратах Лессо скривился. Равнина поглощала. Просто — поглощала. Из звука остался лишь монотонный скрип шагов, а из цвета — белесый, от которого заболели глаза. Ферзь молча сунул наэлу темные очки.

— А ты?

— У меня тренировка.

...Холмы сзади через час уже не проглядывались.

— Единственный минус, — сказал Артур, — сверху нас на этом белом блюдецке видно, как сусликов. Система, контакт. Каждые десять секунд — круговая локация всех движущихся целей в радиусе пяти километров.

— Думаешь, нас могут искать и здесь?

— Обязательно.

— Внимание, — прошелестел компьютер, — в пятистах метрах справа три цели, летят со скоростью двадцать три километра в час, размер от метра до метра ноль семи.

— Птицы, — сказал Лессо.

Это были три серо-синих крылатых создания. Ферзь рассмотрел их в прозрачный прямоугольник плоского бинокля.

— Поохотимся? — предложил Лессо Лорме.

— Не стоит тащить лишнюю тяжесть. Нам еще далеко идти.

Равнина, покачиваясь, плыла под ними. Потом появились эффекты солнечных пространств. Миражи, одним словом. Красочные и туманные здания вставали на горизонте. Чужие, непонятные пейзажи появлялись и рушились. Двое путников с рюкзаками на плечах спокойно переставляли ноги. На губах все отчетливой был вкус соли.

Прошло часа три. Артур остановился и нащупал синтезатор воды. Протянул Киму, напился сам.

— Привал, — прохрипел Лессо и снял очки.

Они присели на шуршащую поверхность.

В глазах у Артура, несмотря на тренировку, мелькали темные «зайцы».

— Х-хорошенькая равнина, — Ким мотнул головой. Под градом лучей Арктура его глаза запылали фиолетом. — Слушай, есть предложение. Здесь для ходьбы нет никаких препятствий, ни кустов, ни своротов. Будем спать по очереди. День ты, день я.

— То есть? — не понял Третьякович. — Это как?

— Что — как? Ах черт!.. — Лессо хлопнул себя по лбу. — Я забыл, у вас же нет активного сна!

— Что еще за штука — активный сон?

— Я же наэл. Мы можем двигаться во сне, скажем, идти по прямой, грести, делать что-нибудь. Есть такие,

кто стреляет во сне на звук. У нас другая энергетика.

— Да, полезная штука. Опасный ты человек.

— Наэл, — поправил наэл.

— Ну, топаем, что ли?

Они встали. Ким надел очки.

И мгновенно впереди встал столб вскинутых кристалликов. Что-то стремительное вырвалось из-под слоя соли. Пыль унесло, и на ее месте осталась чешуйчатая семиметровая дрянь с мордой бультерьера и зубами тиранозавра. Эти зубы клацнули, узкие глазки уткнулись в бродяг.

— Во какой дурак, — уважительно сказал Артур. Сказал не как ругательство, а как бы оценивая. — Личико, как у гибрида кошки с экскаватором. Кис-кис-кис, крошка.

Лессо спокойно целился из арбалета. Стрела глухо тукнула о черепную пластину. Брызнули искры, стрела отскочила.

И тотчас чудовище преобразилось. Вскинулись когтистые лапы, и на них заблестела сталь танковых гусениц. Часть лба отскочила, выпустив противно черное дуло диаметром в дециметр. Лессо Лорме разинул было от удивления рот, но Ферзь, заорав, внезапно швырнул его лицом в соль. Где-то совсем рядом полыхнуло, у Артура завернуло жаром ресницы. Тугой пунцовый шнур огня, загудев басовито, выжег воронку у их ног.

Ферзь извернулся, словно схваченный в тиски поллоз, встал на колени, из его «нидлрэя» потянулась еле различимая желтая струна, луч огромной концентрации. Заревели гусеницы, машина ехала, уже рассеченная надвое. В пяти метрах от них она распалась и затихла.

— Елы-палы, — проговорил Артур, поднимаясь. Ким выплевывал соль с отчаянными гримасами. — Это что... Стой! Слышишь?!!

Небо наливалось далеким пока гулом.

— Летят, — сказал Лессо, — летят, морды...

— Мой пистолет достанет на тысячу шестьсот. Прицельно — на тысячу. Но им с высоты легче. Просто раз плюнуть.

— Прячемся в обломки робота.

— Его проверят и разнесут первым делом.

— Но что же?!

— Соль! — крикнул Третьякович, перекрывая приближающийся гул. — Закапывайся в соль, или крышка!

Он толкнул наэла в воронку, выбитую лучевым ударом.

— Закрой голову штормовкой! — и методично заровнял над ним слой кристалликов.

— С юго-востока по местному магнитному потоку, — начал компьютер, но Артур заткнул его. Слово песчаная ящерица, Третьякович кинулся в белый песок. Этому тоже учили на тренировках — через сорок три секунды Артур исчез вместе с рюкзаком.

Гудение нарастало. Темная точка вынырнула из сияния бликов. Стальная сигара на коротких плоскостях зависла над половинками робота на высоте метров двадцати. Потом рядом с надписью «Фрегат-40» откинулась дверца, человек выглянул наружу, внимательно осмотрел обломки и равнину. Потом шлюз закрылся, и атмосферник заскользил дальше. За его пультом вытирал намокший от жары и волнения лоб Андриан Михай.

Когда гул стих окончательно, соль зашевелилась. Ким Лессо Лорме Онн обессиленно выкатился из ямы сбросил штормовку, огляделся. Медленно из белой пыли высунулась рука. Потом Ферзь с трудом освободил голову.

— Помоги, — сказал он, сморщившись.

Ким помог ему вылезти. Но что-то не то было в облике Третьяковича.

— Что случилось?! — крикнул Ким.

— Не знаю, — Артур устало сел и правой рукой тронул левую. — Что-то с биопротезом. Заклинило все узлы...

Глава шестнадцатая

Ферзь снял куртку. Осторожно стянул черную перчатку, раскрыл титановый корпус. Фотодиод мигал, кровь циркулировала по пластиковым сосудам, но металлические суставы не двигались. Рука висела плетью, как перебитая.

— Что-то с кристаллами программы, — бормотал Артур, зондируя выводы процессоров, — все в норме, повисла программа. И непонятно, почему. Система, контакт. Причины неисправности?

— Присутствие в поле работающего микрокомпьютера.

— Господи, ну ты даешь, — Артур ошеломленно повернулся к Лессо. — Ничего заявки. А меня не предупредили. Суть неисправности? — обратился он к воротнику куртки.

— Нарушение программы информкристалла.

— Метод исправления?

— Замена информкристалла, — сказал компьютер.

Артур крепко задумался. Запасного информкристалла у него, разумеется, не было. Такие кристаллы работают десятилетия, и никто не мог знать, что программа биопротеза окажется восприимчивой к излучению ЭВМ.

Впрочем, один кристалл имелся. Артур вздохнул и снял с пояса плоскую коробочку инструментария. Лессо Лорме с любопытством наблюдал за его действиями.

Ферзь взял контакт-ключ.

— Подержи здесь, — сказал Киму. Потом наклонился и аккуратно снял с куртки микрокомпьютер.

Кристалл подошел. Через час они уже шли, скрипя солью — соль была уже и на лице, и в карманах, и в волосах, — и Третьякович с наслаждением разминал левую руку. Компьютер с пустым программным блоком лежал в рюкзаке. Третьякович был хмур. Он знал, что половина его мощи растаяла. А что ждет впереди?

Впереди светились миражи. И медленно, малопомалу, начинал заниматься ветер. Ким и Ферзь угрюмо шагали вперед.

Потом понесло поземку, и миражи пропали. Соляная гладь просыпалась. Ветер набегал волнами, волнами же срывало с блестящих холмиков вершины, кидало в глаза колючую пудру. Вдали завертелись коренастые смерчи.

— Хэлло! — закричал Ферзь. — Может, повернем?

— Куда?! — крикнул в ответ Ким, закрываясь от ветра отворотом куртки. — Ты назад взгляни!

Артур взглянул и чуть было сам не превратился в соляной столп, как в библейской легенде. Потому что сзади четверть неба была затянута, словно заслонкой,

пластиной гигантской тучи, и из нее в землю беспре-
станно проскакивали синие разряды молний.

— Это гроза, но в сочетании с солью это будет что-
то страшное, — сказал Артур.

— Что будем делать?!

— Ждать!

Ким не расслышал его, пришлось склоняться все
ближе. Этот ветер пел фальцетом, и слуха у него,
похоже, не было. Третьякович мысленно поставил ему
двойку за исполнение.

Неожиданно хор пополнился шумом воды. Это
приближалось со стороны тучи. Ветер разгонял кри-
сталлики соли до скорости пуль. Ферзь, схватившись за
назла, поднес к глазам бинокль. Ким Лессо увидел, как
его товарищ резко изменился в лице. На щеки Артура
наползла смертельная бледность...

Кто бы сказал вслух в Институте, что Артур Третья-
кович побледнел! Ха, да его бы засмеяли даже робо-
ты-уборщики. До сего момента у Артура в лексиконе не
существовало понятия «бледность». Абстракция. «Одно
из двух, — говорил Луис Неро, — либо у тебя отсутствует
кровеносная система в коже лица, либо ты бесстрашен.
Имей в виду — и то, и другое одинаково плохо».

Но Артур побледнел, когда увидел вал перенасы-
щенной солью воды, что опоясывал равнину от края
до края. У пустыни под метром-двумя сыпучих кристал-
ликов начиналась твердая соляная гладь. Теперь со-
тни тонн воды, упав из тучи, катились по этой тверди
громкой кипящей цунами.

— Что там?! — наэл вгляделся в густеющую мглу.
— Что ты увидел?

— Надпись, — зло сказал Третьякович, — транспа-
рант из красного кумача: «Летайте крыльями фирмы
«Мафусаил и Ко»! Рейсы в рай и обратно!» Сомнева-
юсь, впрочем, что обратно.

Ким поглядел ему в расширенные зрачки и понял.

— Ферзь! — и лихорадочно начал застегивать ман-
жеты и капюшон штормовки. — Ты уникальный актер!
Надевай свой шлем.

— Тебе мало капюшона, — сказал Артур и обя-
зал вокруг головы Лессо пластиковый прочный пакет
из-под продовольствия. Потом, уже торопясь, достал
страховочный пояс, прижался к Киму, туго-натуго об-
мотал пояс вокруг талий обоих и застегнул замок, про-
чно связавшись с назлом.

— Держись, Ферзь.

— Ты уж тоже... постарайся.

Последним жестом Артур поднял шлем, и в следу-
ющей миг их смело водяной стеной.

...Пакет был непрозрачен, но Лессо, впрочем, ни-
чего не потерял от этого — Третьякович тоже ничего
не видел, кроме сплошного молока. Он лишь постарал-
ся крепче стиснуть назла в объятиях, не дать урагану
разорвать пояс. Обоим пришла мысль, что есть в этой
истории и хорошая сторона — их несет точно к горам.
Но когда тебя крутит и рвет в бешеном потоке, думать
трудновато. Через пару мгновений оба были мокрыми
насквозь, и лишь под шлемом Артура и под капюшо-
ном Лессо Лорме оставалось чуть-чуть воздуха.

Эквилибристика продолжалась минут сорок, но
сознание милостиво покинуло их уже на одиннадца-
той минуте. Воды было много, но площади еще боль-
ше — и в исходе равнина победила. Туча пронеслась
к горам, слой воды падал с каждой секундой, но под

28

водой уже не было мягкой кристаллической прослойки
— все сыпучее было сметено и унесено, где-то там,
у гор, оно застынет искрящимся валом. А на равни-
не... Там от края до края обнажалась гладкая, как зер-
кало, и твердая, как сталь, соляная поверхность. По
уходу тучи светило, Артур, начавший уже склонять-
ся через полуденную черту, поднял над мокрой
гладью пар. Лучи жарили беспощадно. Через полто-
ра часа равнина не только полностью высохла, но
успела и вновь нагреться. Опять шел знойный день.

Серое пятно на белом фоне шевельнулось. Ким при-
шел в сознание первым. Его руки слепо зашарили по шее
и отцепили пластиковый пакет. Потом Ким снял капюшон
и открыл красные от соли глаза. Его движения оживили
прикованного к нему землянина. Шлем опал.

— О, великий космос, — Артур разомкнул замок
ремня, — вроде, конечная.

— Транзит, — пошутил Лессо хрипло и невесело.

Они сели рядом. Каждая мышца болела, головы
кружились в равной степени мучительно. Одежда дав-
но уж была суха.

— Ну вот, нас и подвезли. Узнать бы еще, где мы
находимся.

Ферзь поднес к глазам часы.

— С момента шквала прошло около трех часов. Нас
несло со скоростью примерно восьмидесяти в час.
Короче, мы где-то в геометрическом центре соляной
пустыни. До гор, как и до холмов колдуна, два с пол-
овиной дня пути.

Ким вздохнул. Артур огляделся.

— Недурно подбросило. Как говорится, несолоно
хлебавши...

— Совсем несолоно, — Лессо сплюнул, но рот все
равно горел. — Давай попьем хоть.

— Сейчас. Где-то в рюкзаке радарный дальномер,
ориентируюсь на местности. И попьем.

Ферзь привычным движением кинул руку к ляжкам,
но пальцы ушли в пустоту.

— Артур! — ахнул Лессо Лорме. — Твой рюкзак со-
рвало! Его нет! Жаль, дальномер был, инструменты...

— Ага, — кивнул Третьякович, — но в таком слу-
чае, мы потеряли и...

— Что?

— Да так, — Артур облизал иссушенные губы и,
помедлив, сказал севшим голосом: — Синтезатор
воды.

— Что?!!

Ким вскочил одним движением. Скинул свой рюк-
зак, вытряс из него почти все. На дне была пятилитро-
вая канистра, полная.

— Ну, вот мой энзз и пригодился, — сказал он, улыб-
нувшись. — Этого хватит. Только... вроде наливал не
совсем полную, литра четыре... А тут до крышки...

Артур тоже улыбнулся, взял канистру. Открыл.
Отпил глоток. Отвернулся, передав канистру Лессо, и
выплюнул воду. Лессо жадно припал к горлышку, но
тут же отбросил. Видимо, во время пребывания в бур-
лящем потоке крышка была неплотно завернута. Вода
в канистре была нестерпимо соленой.

Артур палил все яростней.

Окончание в следующем номере

Продолжение. Начало на стр. 25

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ: год 1996-й

24 августа — 45 лет со дня рождения Орсона Скотта Карда (1951), американского писателя, автора романов «Голос тех, кого нет», «Игра Эндера», «Око за око» и др.

28 августа — 80 лет со дня рождения Джека Хольбрука Вэнса (1916), американского писателя, лауреата премии Хьюго и др., автора романов «Повелители драконов», «Последний замок», «Создатели чуда», «Сын Древа», «Умирающая Земля», «Замок ИФ», «Вечная жизнь» и мн. др.

31 августа — 60 лет со дня рождения Владимира Викторовича Орлова (1936), автора романов «Аптекарь», «Альтист Данилов» и др.

1 сентября — 85 лет со дня рождения Михаила Петровича Михеева (1911-1994), новосибирского фантаста, автора книг «Милые роботы», «Виррус В-13», «Далекая от Солнца», «Которая ждет», «Годтысяча шестьсот...» и др.;

— 90 лет со дня рождения Леонида Дмитриевича Платова (Ломакина) (1906-1979), автора приключенческих и фантастических книг «Архипелаг исчезающих островов», «Каменный холм», «Дата на камне», «Повести о Ветлугине», «Тайна невидимки» и др.

4 сентября — 85 лет со дня рождения Михаила Прокопьевича Белова (1911), автора романов «Экспедиция инженера Ларина», «Улыбка Мидцара», «Восьмая тайна моря».

6 сентября — 70 лет со дня рождения Синити Хоси (1926), японского писателя-фантаста, автора книг «Времена Хокусая» и др. (всего более 35).

12 сентября — 75 лет со дня рождения Станислава Лема (1921), польского писателя, автора романов «Солярис», «Возвращение со звезд», «Эдем» и др.

18 сентября — 130 лет со дня рождения Калистрата Фалалеевича Жакова (1866-1926), ученого и писателя. Среди сочинений Жакова — немало фантастических («На другой земле», «Ниенганелла» и др.). 20 января — 70 лет со дня его смерти.

19 сентября — 85 лет со дня рождения Уильяма Джеральда Голдинга (1911), английского писателя, автора повестей «Повелитель мух», «Шпиль»,

«Чрезвычайный посол», «Наследники» и др.;

— 60 лет со дня рождения Виктора Дмитриевича Колупаева (1936), автора повестей «Толстяк» над миром», «Фирменный поезд «Фомич», «Жилплощадь для фантаста», «Случится жес человеком такое!», «Защита» и др., лауреата «Аэлиты».

21 сентября — 130 лет со дня рождения Герберта Джорджа Уэллса (1866-1946), знаменитого английского писателя, автора романов «Борьба миров», «Человек-невидимка», «Война в воздухе», «Когда спящий проснется», «Остров доктора Моро» и др.

2 октября — 65 лет со дня рождения Владимира Наумовича Михановского (1931), автора фантастических книг «Тайна одной лаборатории», «Гостиница Сигма», «Перекресток дальних дорог» и др.; 13 августа — 50 лет со дня его смерти.

— 90 лет со дня рождения Георгия Сергеевича Мартынова (1906-1983), автора романов «Каллисто», «Каллистяне», «Двести двадцать дней на звездолете», «Наследство фазонцев», «Гианзя», «Гость из бездны», «Сестра Земли», «Спираль времени», «Незримый мост» и др.

9 октября — 100 лет со дня рождения Евгения Львовича Шварца (1896-1958), драматурга-сказочника, автора пьес «Тень», «Обыкновенное чудо», «Дракон» и мн. др.;

— 65 лет со дня рождения Бориса Николаевича Никольского (1931), автора книг «Бунт», «Формула памяти», «Пароль XX века»;

— 45 лет Святославу Владимировичу Логинову (1951), автору романа «Многорукий бог Далайна», повестей и рассказов, лауреата «Бронзовой улитки», медали им. А. Беляева.

14 октября — 70 лет со дня рождения Генриха Сауловича Альтова (1926), создателя ТРИЗа, автора книг «Легенды о звездных капитанах», «Создан для бури», «Опаляющий разум».

16 октября — 140 лет со дня

рождения Оскара Уайльда (1856-1900), английского драматурга и прозаика, создателя фантастического романа «Портрет Дориана Грея».

22 октября — 100 лет со дня рождения Михаила Васильевича Борисоглебского (1896-1942), уральского писателя, автора ряда фантастических произведений («Остров счастья» и др.).

29 октября — 90 лет со дня рождения Фредерика Уильяма Брауна (1906-1972), американского писателя, мастера короткого фантастического рассказа, а также автора нескольких романов («Мозговик» и др.).

30 октября — 175 лет со дня рождения Федора Михайловича Достоевского (1821-1881), великого русского писателя, в своем творчестве обращавшегося и к фантастике («Сон смешного человека», «Бобок», «Двойник», «Крокодил» и др.).

1 ноября — 85 лет со дня рождения Анри Труайя (Левона Тарасяна) (1911), французского писателя, автора фантастических повестей («Наваждение») и рассказов.

3 ноября — 125 лет со дня рождения Ганса Гейнца Эверса (1871-1943), немецкого писателя, автора романов «Альрауне», «Превращенная в мужчину», «Охотники на дьявола», «Бесмертная красавица», многочисленных рассказов, объединенных в сборники «Ужасы» и «Одержимые».

6 ноября — 100 лет со дня рождения Юрия Александровича Долгушина (1896-1989), автора романа «Генератор чудес», повести «Тайна невидимки», рассказов и очерков.

16 ноября — 250 лет со дня рождения Иоганна Якоба Вильгельма Гейнзе (1746-1803), немецкого поэта и прозаика, автора утопического романа «Ардингелло и Блаженные острова».

18 ноября — 50 лет со дня рождения Алана Дина Фостера (1946), американского писателя, автора романов «До последней точки», «Чужой», «Тай-айимский кранг», «Звезда Сиrotы», «Чародей с гитарой», «Внутри себя», «Око разума» и мн. др.

25 ноября — 70 лет со дня рождения Пола Уильяма Андерсона (1926), американского писателя, автора ро-

манов «Восставшие миры», «Полет в навсегда», «Круги ада», «Патруль времени», «Настанет время», «Время в огне», «Враждебные звезды», «Зима мира», «Сломанный меч», «Люди неба», «Мир Сатаны», «Ночное лицо», «Круг ада» и мн.др.

26 ноября — 85 лет со дня рождения Николая Владимировича Томана (1911-1974), автора фантастических и приключенческих произведений, в том числе «Мимикрин доктора Ильичева», «Катастрофы не будет, если...», «Что происходит в тишине»,

«Неизвестная земля», «Клиническая смерть профессора Холмского», «Девушка с планеты Эффа» и др.

2 декабря — 80 лет со дня рождения Ариадны Григорьевны Громовой (1916-1981), писательницы-фантастки, автора романов и повестей «По следам неведомого», «В круге света», «Глеги», «Мы одной крови — ты и я», «Поединок с собой», «Вселенная за углом», «В Институте времени идет расследование» и др.

10 декабря — 105 лет со дня рождения Ефима Давидовича Зозули

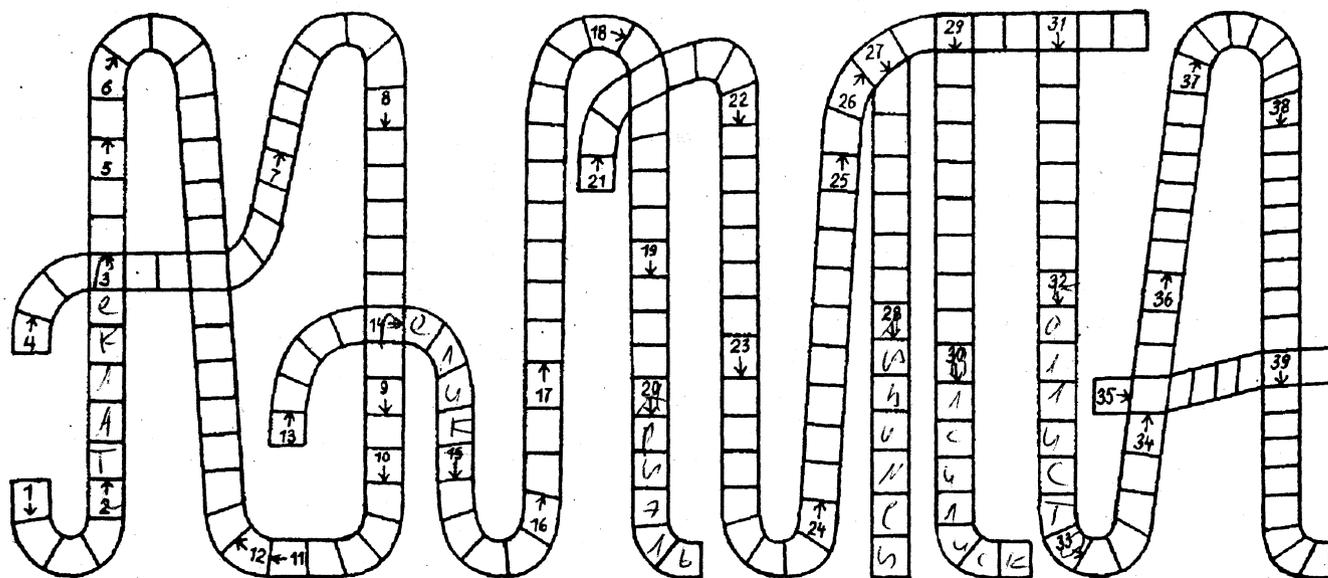
(1891-1941), автора романов «Мастерская человека», «Эпоха», повестей и рассказов. 3 ноября — 55 лет со дня гибели писателя.

15 декабря — 45 лет со дня рождения Дэвида Фредерика Бишофа (1951), американского писателя, автора романа «Военные игры» и др. НФ произведений.

27 декабря — 425 лет со дня рождения Иоганна Кеплера (1571-1630), знаменитого немецкого ученого и писателя, автора фантастического романа «Сон».

ЧАЙНВОРД «АЭЛИТА»

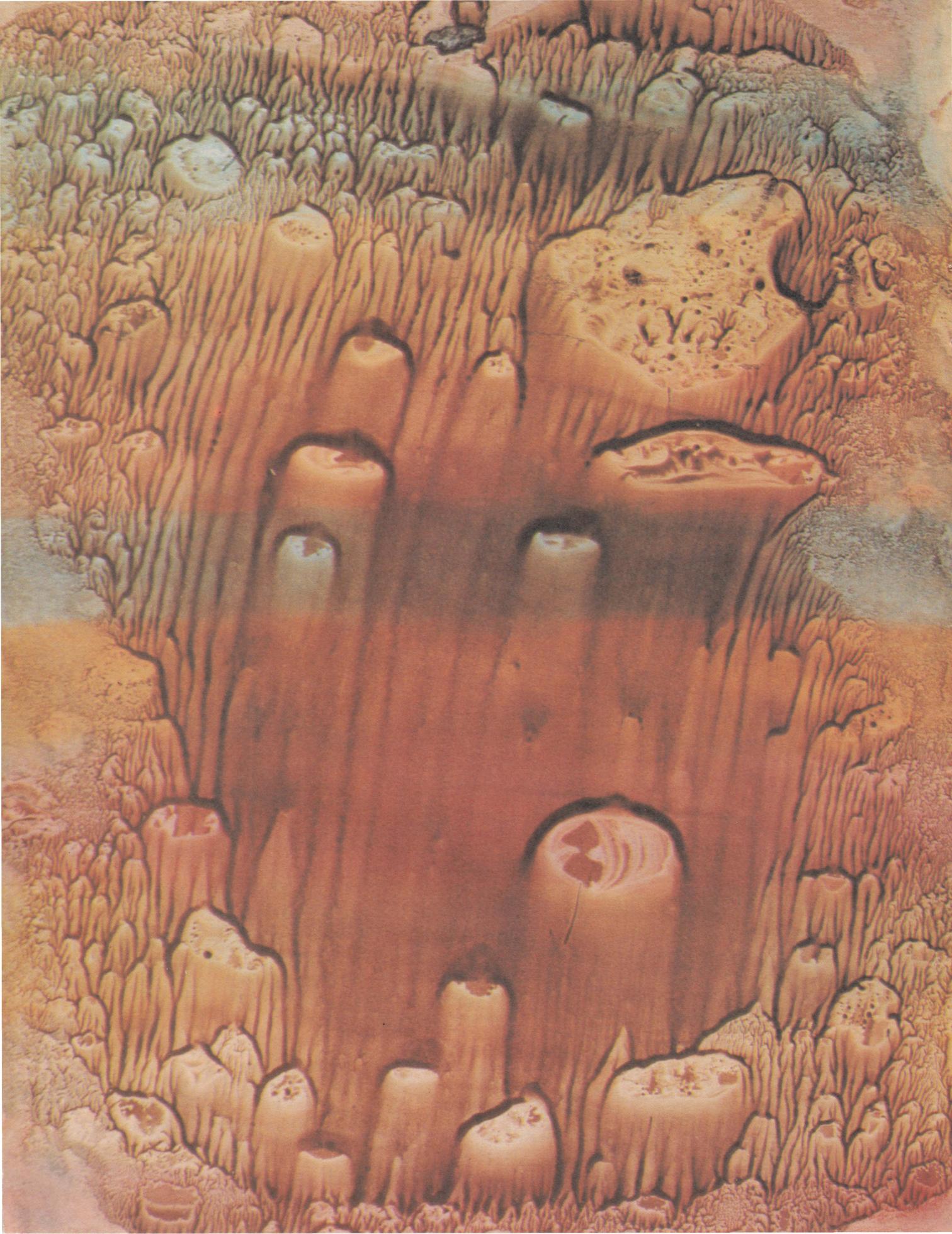
НАЗВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

1. Рассказ С.Гансовского.
2. Кинофильм по роману братьев Стругацких "Пикник на обочине".
3. Рассказ И.Варшавского.
4. Рассказ А.Балабухи.
5. Роман-памфлет З.Юрьева.
6. Рассказ С.Булыги.
7. Рассказ И.Варшавского.
8. Роман Г.Гуревича.
9. Рассказ И. Росоховатского.
10. Рассказ Кира Булычева.
11. Повесть В.Бабенко.
12. Рассказ С. Гансовского.
13. Рассказ А.Грина.
14. Роман В.Головачева.
15. Рассказ И.Варшавского.
16. Рассказ А.Беляева.
17. Рассказ В.Бабенко.
18. Рассказ Ю.Глазкова.
19. Рассказ С.Логинова.
20. Роман А.Беляева.
21. Повесть С.Абрамова.
22. Рассказ А.Грина.
23. Роман В.Михайлова.
24. Повесть С.Абрамова.
25. Рассказ А.Грина.
26. Повесть С.Павлова.
27. Рассказ С.Гансовского.
28. Роман Кира Булычева.
29. Рассказ Ю.Глазкова.
30. Повесть С.Другаля.
31. Повесть С.Другаля.
32. Роман Г.Мартынова.
33. Рассказ В.Михановского.
34. Рассказ С.Булыги.
35. Рассказ Д.Биленкина.
36. Рассказ С.Булыги.
37. Рассказ А.Хлебникова.
38. Рассказ А.Дмитрука.
39. Рассказ А.Столярова.

Составила
Ирина МАТВЕЕВСКАЯ,
с. Петровское Московской обл.

Продолжение. Начало на стр. 11

— Служил я как раз наоборот, на самом сухопутье. Крутил баранку в погранчастях. Как говорится, среди горящих песков и отвесных скал. Зато сейчас, можно сказать, у меня флотская жизнь.

— Ну да, — осторожно согласился Генчик. — Хотя здесь и не совсем море...

— А я здесь тоже «не совсем». Случайно и временно. Так вот распорядилась судьба-злодейка. — Бирюзовый взгляд Пети Кубрикова затуманился. Петя отвел глаза и стал прищуренно смотреть вперед.

Генчик спросил с робким сочувствием:

— А что случилось?

— Да так.. Не будем сыпать соль на свежие раны.

Генчик притих. Не хотел он сыпать соль. Потом, чтобы прогнать неловкость, сказал:

— Хороший катер. Это какая марка?

— «Нептун»... Славная посудинка, если только мотор не барахлит. А сегодня он как раз меня замучил. Я там, у вашего пирса, больше часа с ним возился. Даже пообещал судьбе: обязательно сделаю нынче какое-нибудь доброе дело, если эта тарактелка починится... Она и починилась! А тут как раз ты с бабушкой! Сразу выпал случай исполнить обещание!

— А без обещания... значит, вы меня не повезли бы? — слегка расстроился Генчик.

— Ну, почему же! Повез бы! Как не помочь хорошим людям!

Генчик тут же представил себя на месте Кубрикова. Там, у пристани. И словно глянул голубыми Петинными глазами на берег. На высокую старуху в квадратных очках и растрепанного пацаненка с перемазанным бинтом на колене и в синей с белыми горошинами рубашке.

— А разве было видно, что мы хорошие?

— У меня, брат, глаз на людей...

Генчик мигом понял, что надо ловить счастье за хвост.

— Тогда сделайте еще одно доброе дело!

— Не очень трудное?

— Не очень! Дайте мне порулить! Хоть чуть-чуть!

Я еще ни разу в жизни...

— Ну, берись... Только вон туда, к рыбацким лодкам не ходи, а то придется делать сразу кучу добрых дел — вылавливать утопающих и разматывать с винта снасти...

Генчик и Петя поменялись местами. Генчик радостно вцепился в пластмассовые «рога» полукруглого штурвала.

— Не стискивай, держи одной рукой. А вторую —

сюда, на ручку газа. Это чтобы скорость менять... Только не дергай, надо плавно... Не спеши, тогда все получится...

И у Генчика получилось!

Сперва катер «ВС-2» марки «Нептун» подергался, пометался по воде, выписывая загогулины, но скоро Генчик понял что к чему. И лихо заложил несколько широких стремительных виражей. Не хуже, чем сам Кубиков-Кубриков. И опять повисли в солнечном воздухе радуги.

Жаль только, что все это недолго. Через несколько минут берег оказался рядом. Озеро — не океан...

— Ну, а причаливать буду я сам. Это, брат, дело тонкое... — Петя опять перебрался к рулю.

Он мягко подвел суденышко к лодочному пирсу у Тележного спуска.

Потом Петя проводил Генчика вверх, до угла Кузнечной улицы. Опять протянул крепкую ладонь.

— Будь здоров, Генчик. Заходи в гости на станцию номер два. Я вижу, есть в тебе флотская жилка.

— Ага... Обязательно зайду! Ой...

— Что?

— Вон Елена идет! Сестра...

Прекрасная Елена (стук-стук каблучками-шпильками) грациозно двигалась вдоль забора. Видать, направлялась в Дом культуры на репетицию. И, конечно, тут же узрела любимого братца. В компании незнакомца, одетого в рваную тельняшку.

— Это Петя, — поспешно сообщил Генчик. — То есть Петр Кубриков. Он прокатил меня на моторке. Он старший спасатель.

Петя светски наклонил голову в мятой мичманке. Елена, однако, глянула неласково.

— Очень хорошо. Но, судя по всему, Петр... Кубриков не обещал своей маме помочь развешивать белье. А кое-кто обещал. И кое-кому будет дома такая нахлобучка, что не помогут все на свете спасатели. Даже самые старшие...

— Ничего не будет! — Генчик храбро показал сестрице язык, а Пете помахал рукой. И нырнул за угол, в тень тополей. Оставил вдвоем старшего спасателя Кубрикова и Елену Бубенцову — претендентку на почетное звание «Мисс Утятину».

2

Нахлобучки не было. Белье помог развесить пришедший на обед отец (и они с мамой помирились).

Вторую половину дня Генчик мирно провел на краю огорода, за сараем, где мастерил пружинчиков. Он их расселял в своем городе. И вспоминал все хорошее, что случилось сегодня: Зою Ипполи-

товну, ее корабль; девочку, которая назвала Генчика чайником; Петю Кубрикова с медными искрами на ресницах. Радуги над водой.. Правда, вспоминались и враги с отвратительным Шкуриком в проводочной клетке. Но Генчик дернул плечами и прогнал из памяти эту пакость.

Когда Генчик улегся спать, ему опять стала вспоминаться Зоя Ипполитовна. Представилось, будто она в своей комнате с прохладными половицами и запахом ванили (или корицы?), в сумерках, без света, стоит перед моделью. И осторожно трогает уснувшего на палубе пружинчика. Гладит узловатым мизинцем... Кто знает, может быть, так оно и было...

3

Утро было прекрасное. Даже мама с отцом не препирались, не дулись друг на друга. А Елена пела арию «У любви, как у пташки, крылья...» И примеряла на голове какую-то кружевную фиговину с бисером.

Генчик отпросился гулять до обеда.

— А если чуть-чуть задержусь, не ругайтесь!

— Я вот тебе задержусь, — для порядка сказала ему вслед мама. А он — на двор, на огород и — через изгородь, на Кузнечную.

Жаль, что Зоя Ипполитовна живет так далеко. Сейчас, значит, бегом на трамвай, потом — еще на один, а дальше — по запутанным переулкам Окуневки.

Не нарваться бы опять на компанию Круглого и Буси с их гадостным Шкуриком...

А может, забежать на водную станцию номер два? Вдруг там окажется Петя Кубриков со своим «Нептуном»? Может, опять перевезет через озеро?

Конечно, это бессовестно — так часто напрашиваться в пассажиры. У старшего спасателя и без того забот хватает. К тому же, горючего, наверно, мало. С бензином сейчас везде трудности. И все-таки...

Генчик остановился на взгорке, заскреб затылок. Куда повернуть? И... вот везенье! С высоты он увидел край озера, мостки у Тележного спуска и знакомый катерок у мостков! И самого Петю в тельняшке и мичманке.

Расстояние до берега Генчик преодолел, можно сказать, на бреющем полете.

— Здравствуй! — он лихо затормозил на досках сандалиями.

— О! Привет! Откуда ты взялся?

— Оттуда... Из дома. А вы тут дежурите, да?

— Можно сказать и так... А вообще-то я очки искал. Вчера, когда причалили, выронил из кармана. Жаль, хорошие очки от солнца, друг привез с Гавайских островов...

— Не нашли?

— Нет. Наверно, провалились под доски, в траву, а там их кто-то отыскал.

— Подождите... — Генчик юркнул под мостки. Ползал там минут пять. Мусор сыпался за ворот и в волосы. Грязный бинт, который Генчик по привычке намотал сегодня на колено, развязался и застрял в траве. Генчик сердито сунул его в карман. И виновато выбрался на солнце.

— Нету. Нигде...

— Да. Я и сам тут искал, искал... Ладно, переживу. Иди сюда, побеседуем за жизнь, как говорят в Одессе.

Генчик с готовностью сиганул в моторку. И ойкнул: снова Петя скажет «пробьешь днище». Но Петя сказал:

— А сестра твоя... она где?

— Елена? Дома. А что?

— Да ничего... Просто вчера показалось, что вы с ней сегодня утром куда-то собирались. В Дом культуры, кажется...

— Не утром, а вечером! И она без меня! Чего я там не видел? Конкурс красоты! Пфы...

Петя, кажется, слегка затуманился. Наверно, опять пожалел потерянные гавайские очки.

— Ну, ладно. Кому конкурс, кому работа. Пора в объезд по акватории.. А ты куда собрался?

— А я опять... на тот берег. У вас туда случайно не будет пути сегодня?

— Случайно будет, — понимающе сказал Петя.

— Раз уж ты тут случайно оказался. Поехали...

Когда моторка набрала ход, Генчик с чувством произнес:

— Ох и спасибо вам! А можно вас попросить...

— Сначала можно я попрошу?

— Ага... А что?

— Давай будем с тобой на ты. Я ведь еще неженатый, бездетный. Молодой снаружи и внутри.

— Ладно... давай. А можно, чтобы скорость потише?

— Ты что? Боишься?

— Вот еще, «боишьсяя»! Просто... чтобы плавание было подольше. А то ж-жик — и там...

— Понял. Малый ход...

Нос катерка опустился, мотор застучал неторопливо. В корму стали поддавать крутые гребешки — с берега дул теплый плотный ветер и разгонял зыбь.

— Так и поедем, — решил Петя. — Если бабушка не успела соскучиться по внуку.

— Да она вовсе не моя бабушка! Мы только вчера познакомились!

И Генчик без утайки поведал вчерашнюю историю. Не скрыл даже, как спасался от зловредных парней и Шкурика и как боялся, что старуха — коварная похитительница.

— А по правде-то она совсем не такая!.. И корабль у нее знаешь какой замечательный! Ну, в точности как настоящий, только будто его какой-то волшебник уменьшил. Она его несколько лет строила...

— Значит, есть в старой женщине морская завскаса, — со всей серьезностью заметил Петя Кубриков.

— Есть... Она раньше в портовой конторе работала. И морские узлы знает! Она мне вчера два узла показала: «выбленочный» и «задвигной штык»... Петя, а вы все морские узлы знаете?

— Всех, наверное, никто не знает. Их чуть ли не четыре тысячи. Но кой-какие мне, конечно, известны. Такая, брат, профессия... Например, «беседочный». Очень полезный в нашем спасательном деле. Он образует петлю, которая не затягивается. Это важно, когда человека такой петлей вытягивают из воды... А если сам оказался за бортом, должен уметь завязать петлю вокруг себя одной рукой, одним взмахом...

— Петя, покажи!.. Вот на этом! — Генчик выдернул из кармана серый, жгутом свернувшийся бинт.

— Ну что ты! На таких тесемках узлы не вяжут. Возьмем вот что... — Петя дернул к себе с носовой палубы швартовую снасть — плетеный, толщиной в палец трос. А бинт бросил за борт. Потом выключил мотор. — Ляжем в дрейф. А то не успею научить, как будем у берега.. Вот, смотри. Один конец закрепляем на судне, другой у тебя в руке. Обносишь вокруг туловища — раз! Делаешь на нем колечко — два. Перехватываешь, просовываешь руку, протягиваешь кончик.. три! Готово...

— За три секунды! — восхитился Генчик.

— Теперь попробуй сам.. Нет-нет, одной рукой... Работай пальцами.. Вот так!

Конечно, не все сразу было «вот так». Но минут через пятнадцать Генчик уже довольно ловко завязывал у себя вокруг пояса широкую петлю. Движением кисти и пальцев. И Петя сказал, что у него, у Генчика, морской талант.

— Петя, а можно я теперь скакну за борт? А ты мне бросишь конец и спасешь!

— Ну.. не так сразу. Потренируйся еще...

— А говоришь «талант»...

— Талант, пока на суше или в лодке. А на воде вон какая зыбь. Ишь, раскачало... Да и мотор пора

заводить, а то остынет — не запустишь. Садись...

Мотор запустился сразу. Но тут же и заглох.

— Ну вот, накаркал я... — Петя защелкал тумблером. Чертыхнулся и полез на корму. Пенный гребешок хлестнул ему в лицо. Петя, отплевываясь, потянул мотор на себя. Из воды показался металлический «хвост» с винтом.

— Ой... — сказал Генчик.

— Тьфу, зараза! — сказал Петя.

Потому что оба увидели сразу: на ось винта был намотан марлевый жгут.

— Это я виноват! — раскаялся Генчик. — Мой бинт...

— Я виноват! Знал ведь, что нельзя бросать за борт всякую дрянь!.. У тебя есть ножик?

— Нету...

— И у меня нет. Я, голова дырявая, дал его вчера нашему сторожу, банку консервную открыть, а назад не взял...

Петя вытащил из-под сиденья коробку с гайками, масленками и мелкими инструментами. Поковырял бинт на оси отверткой. Но марля наматалась с небывалой плотностью.

— Кажется, мы сели крепко...

Волны, между тем, нарастали, качало все сильнее. Генчик ощутил в себе приключенческое заморозивание.

— Значит, у нас корабельная авария?

— Вроде того.

— Тогда... может быть, поднять сигнал бедствия?

— Ну, это уж черта с два! Не хватало, чтобы старшего спасателя Кубрикова спасали посторонние... Сначала поднимем что-нибудь другое!

— Что?

— Во-первых, настроение. Во-вторых, парус.

— У тебя есть парус?! — возликовал Генчик.

— Припас на всякий случай. Самодельный. Ну-ка...

Петя поднял лежавшие вдоль бортов две дюралевые жерди, соединил их концами. Получилась двуногая штука вроде буквы А без перекладки. Нижние концы Петя вставил в гнезда у бортов. Генчик помогал. А гребешки хлестали через борт — ну, прямо как в кино про надвигающийся шторм.

От верхушки двуногой мачты спускались несколько веревок. Одну протянули к носу, другую к корме. Закрепили. К третьей веревке (Петя сказал, что это «фал») прицепили деревянную перекладину с квадратной парусиной. Нижние углы парусины короткими снастями оттянули к скобкам на бортах. Потом вдвоем потянули фал.

И парус полез вверх, и ветер тут же рванул его, и катерок накренился, и вода (почему-то очень холодная) хлестнула Генчика по ногам.

— Ого... — сказал Генчик со старательной небрежностью. — Так, пожалуй, и вверх дном оказаться недолго...

— Ерунда. Мой «Нептуша» остойчивый. Обвяжись-ка беседочным узлом и лезь на нос. Я буду править веслом, а ты командуй. Мне-то из-за паруса не видать, что там по курсу.

Генчик со страховочной петлей под мышками уселся на носовой палубе. Ухватился покрепче за крышку люка. За плечами у Генчика туго надувалась парусина. Ветер вырывался из-под нижнего края и сквозь намокшую рубашку охлаждал спину. А солнце жарко светило в левую щеку. И озеро под этим солнцем было очень синим. С белыми щетками гребешков.

На середине озера волны стали пологими. Они догоняли неторопливый парусник, поднимали его и плавно уходили к далекому берегу. Впрочем, не к такому уж далекому.

В груди у Генчика был тихий восторг. Надо же, какое счастье привалило человеку: настоящее парусное плавание!

— Лево руля!.. Петь, еще левее! Чтѳбы прямо к мосткам!

— Есть... Так правильно?

— Точно идем!

— Я закреплю весло... — Петя закрепил. И высунул голову из-под паруса. — Хорошо ты устроился...

— Ага! Иди сюда!

— Нельзя, нос будет перегружен. Парусник с перегруженным носом — не ходок.

— Петь, а ты плавал на больших парусных кораблях?

В ответ Петя услышал молчание, потом протяжный вздох. Оглянулся. Глаза у Пети были скорбные, медные искры на ресницах погасли.

— Не пришлось пока, Генчик... Должен был этим летом идти в плавание на учебном фрегате «Дружба». А вместо этого — сюда...

— Почему?

— Я ведь вообще-то курсант мореходного училища в городе Северобалтийске. Весь наш курс пошел на летнюю практику под парусами, а меня сослали в ваш Белорыбинск...

— За что?! — возмутился Генчик, заранее зная, что Петя Кубриков ни в чем не виноват.

— Было за что... За дуэль... — Петя прищуренно смотрел из-под паруса мимо Генчика. Вдаль.

— Как за дуэль? За правдашнюю? — радостно обмер Генчик.

— За неправдашнюю не сослали бы.. Хорошо хоть, что не исключили. Начальник воспитательной части — мужик с пониманием. «Тяни, — говорит, —

лямку на дальнем озере и благодари судьбу, что легко отделался...»

— Петя, расскажи! — взмолился Генчик. — Что за дуэль-то? На пистолетах? — Картины из повести «Выстрел» встали перед Генчиком ярко, как в цветном телевизоре.

— Не на пистолетах, на холодном оружии... Есть на нашем курсе один тип. По прозвищу «Левый Кит». Сынок одного большого чиновника из пароходства. Этакий упитанный субъект, который думал, что ему все позволено... Ясен портрет?

— Вполне!

— Тогда продолжаю. Однажды сидели мы в курилке... Я вообще-то не курю, но тоже был там, ради компании. Ну, разные морские байки, анекдоты и все такое прочее. И о девушках, конечно... И вот этот Левый Кит, хмыкая и облизываясь, начал об одной девушке говорить всякие гадости. А мы ее, кстати, все знаем, хорошая такая, в техникуме учится, что рядом с училищем... Как ты думаешь... Ну, я его не так чтобы сильно, а слегка по уху... Он, когда поднялся с песка, — на меня. Нас растащили. И, конечно, сразу разговор о секундантах... В училище есть небольшой музей, в нем кой-какое старинное оружие, в том числе и пара длинных палашей. Раньше с такими гардемарины ходили. Эти палаши добыли мы из музея хитрым способом, пошли в дальний угол нашего парка, разметили фехтовальную дорожку. В общем, как полагается...

— Можно же было поубивать друг друга, — выразил Генчик запоздалое опасение.

— Ну... я-то убивать не собирался. Думал, что припру Кита к забору, приставлю острие к пузу и заставлю извиняться. Потому как в фехтовальном деле кое-что смыслю. Кит, правда, тоже смыслит, но справедливость-то была на моей стороне, а это, брат, всегда помогает...

— Думаешь, всегда? — вздохнул Генчик.

— Почти... Но только мы начали, как проклятый Кит скакнул по-дурацки и подвернул ногу. Бросил оружие, сидит на травке, держится за ступню и стонет. В это время нас и накрыл вахтенный офицер... Секундантам — по выговору. Киту тоже выговор, только не простой, а строгий. А я оказался главный виновник и зачинщик.

— А почему не Кит?

— Потому как удар по уху был нанесен с моей стороны... Вот таким образом я не под небом Атлантики, а здесь...

Генчик сочувственно посопел.

— Ну, ничего, — бодро сказал Кубриков. — Может, оно и к лучшему...

«Куда уж к лучшему», — подумал Генчик, пред-

ставив небо Атлантики и паруса фрегата. Но Петя разъяснил:

— Никогда не знаешь заранее, какие сюрпризы готовит тебе матушка-жизнь. И в каком месте ждут тебя самые радостные встречи. Вот... с тобой, например, познакомились. Разве это плохо?

— Да мне-то просто замечательно!

— И мне хорошо... Готовь швартов! И одерживай, чтобы не стукнуться! — Катерок подходил к пристани. С шумом упал парус...

На берегу Генчик нетерпеливо подпрыгнул:

— Я сбегая к Зое Ипполитовне, попрошу нож!

— Лучше поищи осколок от бутылки.

Осколков на берегу хватало. Острым стеклянным краем Петя Кубриков перепилил на оси винта тугой марлевый жгут.

— Вот и все. Будем нести службу дальше. Я — патрульную, ты — по наладке такелажа...

— Увидимся еще, да?

— О чем разговор!

Как зовут бригагину

1

Зоя Ипполитовна, увидев Генчика, не скрыла удовольствия.

— Доброе утро, Бубенчик! Признаться, я волновалась: придешь или нет?

— Я же обещал!

Без лишних слов Генчик устроился на стуле перед моделью. Потому что дело есть дело. Но прежде, чем взяться за оснастку, Генчик подмигнул си-нему пружинчику — тот сидел на палубе у передней мачты...

— Ты, кажется, поинтересовался, как мне спалось? — переспросила Зоя Ипполитовна. — Благодарю. Довольно сносно...

Генчик смутился.

— Это я пружинчика спросил. Вот его...

— А! Думаю, что ему снилось кругосветное путешествие... А тебе?

— А мне ничего. Уснул — будто выключился совсем. Я всегда крепко сплю...

— Счастливым человеком... И, судя по твоему бодрому виду, настроение у тебя прекрасное. Не то, что вчера. А?

— Конечно! Вчера меня шпана ловила, а сегодня я с хорошим человеком подружился. Знаете с кем? С тем спасателем, который меня вчера на моторке увез. А сегодня он меня опять сюда переправил!..

Генчик с подробностями рассказал все, что слу-

чалось. И про аварию, и про волны, и про парус. И про Петину печально-романтическую судьбу.

Но работал Генчик не только языком, а еще и пальцами. Вернее, пальцы работали сами. Они уже привыкли к делу и машинально вязали узелки на тугих нитях стоячего такелажа.

Узнав о причине, по которой Петю сослали на Верх-Утятинское озеро, Зоя Ипполитовна вскинула голову:

— Подумать только! Значит, есть еще рыцари в наше время!

— Да!

— А на первый взгляд он показался мне... как-то несколько простоват.

— Внешность бывает обманчива, — умудренно заметил Генчик.

— Ты прав...

— А знаете, что Петя мне показал? Беседочный узел! Вы умеете его вязать?

— М-м... Увы, не помню.

— Хотите, покажу? — Генчик радостно крутнулся вместе со стулом. — Только надо веревку...

— Хорошо. Ты уже вон сколько выбленок привязал, тебе необходима разрядка. Идем.

Они вышли на заросший двор. Зоя Ипполитовна сняла с гвоздя на заборе моток толстого бельевого шнура. Генчик, горя вдохновением, вмиг забрался по кривому стволу на старую яблоню. Там, в трех метрах от земли, привязал шнур к толстой ветке. И съехал по нему вниз.

— Ты как Тарзан...

— Ага!.. А можно отрезать лишнее? А то неудобно завязывать.

— Что делать, режь.. — Зоя Ипполитовна принесла кухонный нож. И Генчик опять вспомнил девочку, которая сравнила его с чайником. И стало еще веселее.

Генчик лихо перепилил шнур и зажал в правой ладони капроновый разлохмаченный конец.

— Смотрите! Р-раз! Два! Три!.. — Он раскинул руки, поджал ноги и полетел над травой, схваченный широкою петлей. Давило под мышками, резало грудь, и все же полет был радостный! Ветер ерошил волосы, свистела и чиркала по ногам трава...

— Пстой, пстой! Как бы не было беды!

— Не будет! — Генчик затормозил сандалиями. — Петля ведь не затягивается!

— Я боюсь, что обломится сук.

— Что вы! Я же легонький!.. Я иногда вообще летаю по воздуху!

— Да? Каким же образом?

— Вот таким! — Генчик выскользнул из беседочной петли, встал на цыпочки и опять раскинул руки.

— Разбегусь вниз по улице, а там овраг. И я над склоном — ж-ж-ж... На посадку. Там мягко...

— А! Понимаю! Когда летишь над склоном, кажется, что полет замедляется! И ты — как птица... Правда?

Генчик опустил руки.

— Правда... А вы откуда знаете?

— Голубчик мой! Я ведь не всегда была старой развалиной! Когда-то мне тоже было десять лет. И сейчас кажется, что не так уж давно... Не веришь?

— Почему же? Я верю! — Генчику подумалось, что Зоя Ипполитовна была похожа на ту девчонку — защитницу зелени в овраге.

— Это хорошо, что кто-то еще верит... — Зоя Ипполитовна замолчала, покивала своим мыслям и присела на бревно. Оно лежало в лопухах у забора.

Генчик потоптался рядом с повисшей веревкой. Шагнул к забору и тоже сел. На другой конец бревна.

— Зоя Ипполитовна... — Он слегка спотыкался на ее длинном имени.

— Что, друг мой?

— Значит... вы тоже летали?

— А как же! Я была совсем не пай-девочка. Вечно ходила с перевязанными коленками. Причем ссадины были настоящие, не как у некоторых... — Квадратные очки блеснули.

Генчик шмыгнул носом с дурашливой виноватостью.

— У меня ведь тоже бывают настоящие. Полным полно...

— А летала я по-всякому. И над откосом, как ты, и на больших качелях, и с обрыва в воду... Чаще всего не одна, а со своим другом, с Ревчиком. Жили мы в одном дворе и учились в одном классе...

— Как его звали-то? — не понял Генчик.

— Звали его Тима. А фамилия немножко странная — Ревва. Через «е» и с двумя «вэ». Вот я и звала его «Ревчик». А вредные мальчишки, разумеется, дразнили — «Рева».

— А он что... разве часто слезы пускал? — Генчику стало неловко за давнего незнакомого Ревчика.

— Вовсе нет! Но по характеру был тихий, совсем не драчун, а таких часто обижают. И мне приходилось за него заступаться. И учить всяким проделкам. В проделках я всегда была первая. Впрочем, он не отставал...

— А говорите, что тихий...

— Тихий, это ведь не значит боязливый... Больше всего мы любили летать с плотины. В жаркие дни... Недалеко от дома был пруд с плотиной... Возьмем за руки, разбежимся — и в воду. Как можно

дальше! И вот это время — от края плотины до воды — был настоящий полет... А потом брызги и прохлада. Вода была зеленая, прозрачная, мы ныряли с открытыми глазами и в глубине отлично видели друг друга. Дурачились, играли в догонялки... Боже мой, это ведь все было на самом деле...

Зоя Ипполитовна сняла очки и стала протирать их концом косынки, надетой, как галстук. Генчик неловко поднялся.

— Надо вязать дальше. Там еще полным-полно работы...

— Сначала я напою тебя чаем! С ореховым печеньем!

— Нет, сперва довяжу до марсовой площадки... В комнате Зоя Ипполитовна села недалеко от Генчика. Стала смотреть, как он укрепляет на вантах ступеньки.

— Удивительные пальцы... Бубенчик, я не мешаю тебе своей пристальностью?

— Не-а... Зоя Ипполитовна, можно спросить?

— Пожалуйста!

— А вот вчера... вы меня только из-за пальцев увезли с собой? Или...

— Что «или»?

— Или решили защитить от тех... потому что вспомнили, как заступались за Ревчика?

— Гм... Вам, молодой человек, не откажешь в проникательности... Хотя должна сказать, что Ревчика я обрисовала не совсем правильно. Не был он таким уж тихоней. И однажды, когда ко мне привязались хулиганы, очень даже отчаянно полез в драку... А потом и профессию выбрал себе храбрую...

— Летчика, да?

— Угадал... — Зоя Ипполитовна, кажется, опять загрустила.

Генчик подумал: спросить или лучше не надо? И не удержался:

— Зоя Ипполитовна... Он потом на войне погиб, да?

— Что?.. Нет, вовсе он не погиб. С чего ты взял? Да и не было уже войны, когда он окончил училище... Он был летчиком на Севере, в геологоразведке. А потом... что с ним стало потом, я не знаю...

— А почему вы... — И Генчик сбился. Даже пальцы в нитках запутались. Он засопел.

— Я понимаю, что ты хочешь спросить. Почему не поженились, когда выросли?

Генчик сопел и, кажется, розовел ушами. У Зои Ипполитовны очки поехали на кончик носа. Она пальцем вернула их на переносицу.

— Видишь ли, голубчик, не всегда детская дружба кончается свадьбой... Когда выросли, появились

у каждого свои сердечные увлечения. Дело обычное. После школы он уехал. Была, конечно, переписка и встречи, но, чем дальше, тем реже. Наконец я с мужем переехала на время в Москву, Ревчик тоже сменил место службы, адреса затерялись...

— Жалко... — тихо выдохнул Генчик.

— Да. Очень хотелось бы узнать, где он теперь, Тима Ревчик. Я пыталась, но следов не нашла... Но все же кое-что осталось.

— Что? — оживился Генчик.

— Детские годы, они ведь никуда, милый мой, из памяти не деваются. А для старого человека порой важнее, чем нынешняя жизнь. И вот там-то, в этой памяти, всегда есть белобрысый, курносый, как ты, мальчик в синей матроске... Это сейчас воротники с якорями можно увидеть только на малышах, а тогда матросские костюмы носили и школьники. И, кстати, очень славно выглядели. И всем нравилась песня о веселом ветре из фильма «Дети капитана Гранта»...

— Это где «кто весел, тот смеется, кто хочет, тот добьется», да?

— Именно, именно... Кстати, Ревчик очень любил строить кораблики. И меня научил. А потом мы построили вместе трехмачтовый фрегат. Не такой большой, конечно, как эта модель. Из куса сосновой коры. Назывался «Фенимор Купер». Как наш любимый писатель... Ты читал Купера?

— Ага. «Зверобой»...

Книжка про Зверобоя показалась Генчику не очень интересной. Конечно, хорошо, что про индейцев, но уж слишком тягучая какая-то. Признаться в этом не хотелось, и он быстро переменял разговор.

— Зоя Ипполитовна! А эта бригантина как называется? На ней ничего не написано.. Может, тоже «Фенимор»?

Зоя Ипполитовна потрогала шарик на носу.

— Видишь ли, у нее довольно необычное название. Разумеется, я скажу, если тебе интересно...

— Конечно, интересно!

— Ладно... Я больше не буду.

— Что не будете? — очень удивился Генчик.

— Друг мой! Название такое!.. «Я больше не буду».

— Вот это да... — Генчик заморгал.

— Странно звучит?

— Еще бы...

— Однако встречаются в истории флота и другие не менее странные названия, да... Был, например, броненосец «Не тронь меня!» Была, говорят, быстроходная шхуна по имени «Всем корму покажу»... Валентин Катаев писал про черноморскую шаланду «Ай, Пушкин, молодец!».

— Ага! В книжке «Белеет парус одинокий»!

— Да-да... А один французский мореплаватель назвал свое судно «Пуркуа па?» Это, как известно, по-русски означает «Почему бы и нет?»

— Я знаю! В кино про мушкетеров так поют: «Пуркуа па? Пуркуа па?» А у этой-то бригантины откуда такое имя?

— Длинная история. Хочешь послушать?

— Пуркуа па? — весело нашелся Генчик.

— Тогда... сначала я покажу тебе того, кто дал бригантине это название. Идем...

2

Зоя Ипполитовна взяла Генчика за плечо и с некоторой важностью подвела к двери между комодом и шкафом. Генчик отчего-то слегка оробел. Зоя Ипполитовна надавила старинную медную ручку.

— Ну, ступай...

И Генчик перешагнул порог.

— Ой...

Со стены напротив смотрел в упор на Генчика рыжебородый моряк. Смотрел с большого портрета в тяжелой (кажется, бронзовой) раме.

Глаза у моряка были чисто-голубые, как у Пети Кубрикова. Но брови — не белобрысые, а бурые и клочкастые. Клочкастыми были и бакенбарды медного цвета. Такого же оттенка спутанные волосы торчали из-под околыша и козырька мятой фуражки.

На фуражке — скрещенные якоря в обрамлении колючих листьев (Генчик помнил, что эта штука называется «краб»).

На моряке была полосатая фуфайка, а поверх нее — черная тужурка с тяжелыми флотскими пуговицами. У груди моряк держал в коричневых пальцах бинокль — большущий, с медными кольцами и винтами. Сразу видно — морской.

Позади моряка были сизые клубы тумана, размытые всплески волн, а сквозь туман проступали силуэты парусов.

Похоже, что моряк только что смотрел в бинокль и оторвался от него, услышав шаги. И теперь глядел на гостя. Во взгляде не было строгости. И не было насмешки бывалого человека над оробевшим пацаненком. Было, пожалуй, понимание: «Я вижу, что тебе интересно. Заходи, поговорим...» Так что Генчик зря вздрогнул в первый момент.

— Ух ты... — сказал он наконец. — Это кто?

— Это мореплаватель Томас Джон Сундуккер. Он же Фома Иванович Сундуков. Владелец и капитан судна «Я больше не буду». И, кстати, мой двоюродный прадедушка.

— Ух ты... — сказал Генчик снова. И повел взглядом в сторону Зои Ипполитовны, чтобы посмотреть: есть ли сходство? И сказал «ух ты» третий раз. Потому что взгляд его до Зои Ипполитовны не дошел — стал цепляться за множество необычных вещей.

Между окон висел обшарпанный спасательный круг — красно-белый, с черной надписью «Св. Гаврииль». Под кругом был прислонен к стене коричневый штурвал с точеными рукоятками и медным ободом — ростом с Генчика. Повсюду висели желтые (явно старинные) карты, фотографии в рамках и непонятные инструменты. По углам стояли два большущих глобуса на подставках с витыми ножками. На подоконниках лежали тяжелые корабельные блоки, чернела круглым жерлом большая модель морской пушки, блестел шаровидным стеклом древний керосиновый фонарь...

Да всего и не перечислишь! Тем более, что среди множества морских предметов попадались вещи совсем неожиданные и к флоту отношения не имеющие. Например, тяжелые резиновые калоши, большущий кирпич с клеймом «Ф-ка бр. Красновыхъ», могучий амбарный замок, маленькие (явно детские) ботинки несовременного фасона — высокие и с пуговками.

И еще много всякой старины...

— Прямо музей, — прошептал Генчик.

— Пожалуй, ты прав. Маленький музей капитана Сундуккера. Кстати, собирать эту коллекцию начал сам Фома Иванович... Вот, посмотри. Эту деревянную ногу он привез с Антильских островов...

И Генчик увидел в углу рядом с глобусом дубовый самодельный протез.

— Как у Джона Сильвера...

— Да! Именно так! Капитан и утверждал, что нога принадлежала этому знаменитому персонажу. Возможно, он фантазировал. Но нельзя не признать, что вещь действительно старинная и весьма пиратского вида...

Генчик с уважением потрогал искусственную пиратскую ногу.

— ...А на пароходе «Святой Гавриил» будущий капитан совершил свое первое плавание. И выпросил круг на память. Он был коллекционер по природе... Я, признаться, тоже. Поэтому с детства начала собирать все, что имело отношение к прадедушке. Вот, например, ботинки, в которых он пошел в первый класс гимназии... А калоши принадлежали его старшему брату, Филиппу Ивановичу Сундукову, который был моим родным прадедушкой... Конечно, это не морская вещь, но зато семейная реликвия. Памятник эпохи...

У Генчика от частого верчения головой болела шея.

— Ой, а это что? Корабельный колокол?

— Да.

— С той бригантины?

— Смотри сам.

Колокол висел рядом с дверью. Он был размером с небольшое ведро. Видимо, его чистили регулярно — на меди горел ослепительный солнечный блик. Но глубоко вырезанные в металле буквы были черными: видимо, в них набилась «пыль веков», которую не выковырять. Эти буквы на нижнем крае колокола складывались в слова:

Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ

Язык колокола напоминал чугунную грушу с петлей. В петлю был вплетен кусок толстого троса: берись и звони.

У Генчика зачесались ладони.

— Зоя Ипполитовна, можно я звякну? Один разик! Чуть-чуть...

— Ударь не чуть-чуть, а как следует. Капитану нравится, когда колокол подает голос.

И Генчик ударил. От души. Так, что над верхним косяком двери поднялось облачко пыли, а в раме задребезжало треснувшее стекло. Генчик оглянулся на портрет. Капитан Сундуккер смотрел одобрительно. Генчик заметил наконец, что сходство с правнучкой действительно есть. По крайней мере, носы у них одинаковые — прямые, но с шариками на конце. Фамильная черта.

Генчик почесал указательными пальцами в ушах.

— Зоя Ипполитовна! А кто рисовал портрет? Он тоже старинный, да?

— Ну, не совсем. По правде говоря, это — моя работа.

— Ваша?! — у Генчика от изумления перестало звенеть в ушах. — Значит, вы художница?

— Бог с тобой! Какая я художница? В молодости по-любительски увлекалась живописью, занималась в местной студии. Тогда и написала прадедушку... Лет сорок назад.

— Вы прямо как знаменитый Репин, — искренне сказал Генчик. И капитан Сундуккер взглядом выразил согласие с такой оценкой.

— Что ты, Бубенчик! Это у тебя просто... восторженное детское впечатление. А профессионалы усмотрели бы здесь массу недостатков... Хотя, пожалуй, это моя лучшая работа за всю жизнь. Далась она мне с великими трудами. Писала-то я с маленькой старой фотографии...

— Очень замечательный портрет, — опять выразил восхищение Генчик. — И рама красивая...

— Рама в самом деле старинная. Было время,

когда антикварные вещи не ценились, их продавали совсем дешево, вот я и купила в комиссионном магазине... Конечно, этот багет достоин классического полотна, а не холста с дилетантскими потугами, но я не удержалась от соблазна, вставила предыдущую...

Эту речь Генчик понял так, что Зоя Ипполитовна опять критикует свою работу.

— Как бы вы ни говорили, а портрет хороший! Вот!.. Только знаете что?

— Что, Бубенчик?

— Надо модель поставить под портретом! Чтобы корабль был вместе с капитаном.

— Я так и собираюсь сделать. Но лишь тогда, когда мы с тобой ее полностью достроим... Конечно, для полноты коллекции здесь нужен корабль. Я поняла это давно, потому и взялась за такую работу... А теперь идем пить чай.

— Но потом я еще здесь все посмотрю, ладно?

— Сколько хочешь.

— А вы расскажете про капитана Сундуккера?

— Если тебе интересно...

— Еще бы!

Юные годы капитана Сундуккера

1

За столом, похрустывая ореховым печеньем, Генчик спросил:

— Сундуков — это настоящая фамилия, а Сундуккер — псевдоним, да? Как Кубиков и Кубриков?

— Ты прав.

— А название бригадины... Откуда оно такое взялось?

— Тут, Бубенчик, длинная и немножко смешная история. Началась она еще в давнем детстве капитана. В ранние свои годы Фомушка Сундуков то и дело повторял такие спасительные слова. И потом осталась у него эта привычка.

— Видать, круто воспитывали Фомушку, — посочувствовал Генчик.

— Как тебе сказать... Папаша его был торговец и владелец небольшого литейного завода. Но не какой-нибудь там пузатый и бородатый буржуй и купчина, а человек довольно просвещенный. Любил он всякие инженерные новшества, ездил набираться опыта за границей, библиотеку собирал... Одна беда, на сына Фомушку не оставалось времени. А матери у Фомушки не было, скончалась она, когда сын был еще совсем кроха... И вот для воспитания наследника пригласил Иван Никодимович Сундуков женщину иностранного происхождения. Как тогда го-

ворили, «выписал из столицы». Это была пожилая незамужняя англичанка, мисс Кнопперинг... Давай, подолью еще чайку.

— Спасибо, я внутри и так булькаю от перелива. Лучше я буду вязать выбленки, а вы рассказывайте.

— Труженик ты... Ладно... Мисс Кнопперинг, судя по всему, привязалась к мальчику, но внешне этого не показывала. Характер у нее был истинно британский, сдержанный. Гувернантка по всем статьям. И Фомушку держала в строгости.

— Драла, небось... — поежился Генчик.

— Представь себе, нет, хотя в ту пору такая педагогика была повсеместна. Середина девятнадцатого века... Мисс Кнопперинг умела не только словом, но и взглядом так показать свое неудовольствие, что Фомушка мигом становился шелковым. Опускал виноватую, с рыжими локонами голову и жалобно говорил:

«Я больше не буду...»

«То-то же, — смягчалась мисс Кнопперинг. — Однако тебе придется за свою провинность выучить еще одно стихотворение по-английски...»

А провинности у Фомушки были самые обычные, мальчишечьи. То высадит стекло стрелой из лука, то штаны порвет на заборе, то сбежит со двора, чтобы погулять вдали от дома... Надо сказать, был Фомушка характера довольно смирного, с другими мальчишками играл редко, гулял чаще всего один, драк опасался. И все же сидел у него внутри этакий чертик. «Маленький рыжий бес», — говорила мисс Кнопперинг по-английски. Он-то и подзуживал Фомушку, разжигал в нем страсть к путешествиям. Сперва путешествия были по ближним переулкам, потом по шумному городскому базару, а затем и по дальним окраинам — где-нибудь у заброшенных мельниц или на старом кладбище. И жутко, и заманчиво...

Однажды на незнакомой улице изловила Фомушку ватага вредных мальчишек. Ну, дело обычное, ты знаешь...

— Да уж... — опять поежился Генчик.

— Прижали перепуганного Фомушку к забору, и старший — этакий атаман в холщовой рубахе и отцовском картузе — грозно спрашивает:

«Почему ты такой рыжий? А?!»

Фомушка перепугался, конечно. Хлопает глазами. Икнул он со страху, и сами собой выскочили привычные слова: «Я больше не буду...»

Мальчишки со смеху взяли за животы. И отпустили пленника, даже пинка не дали на прощанье... И смекнул Фомушка, что эти слова в опасных случаях жизни могут стать спасительными. Особенно, когда говоришь их искренним тоном и смотришь чистыми голубыми глазами... И стал он пользоваться

этим средством так часто, что мисс Кнопперинг в конце концов заявила:

«Мне надоело, май бой. Чем постоянно выбалтывать эту заученную фразу, лучше звякай в колокол».

На литейном заводе папаши Сундукова как раз готовили небольшие колокола для станций. В ту пору начинали строить железные дороги. В доме было несколько таких колоколов — товарные образцы. Один из них мисс Кнопперинг попросила у хозяйина и заказала мастеру надпись. Ту самую...

Генчик хихикнул. Зоя Ипполитовна покивала:

— Да... И повесила этот колокол в детской.

«Когда что-нибудь натворишь, май бой, звякай без лишних слов. Я буду знать, что, во-первых, ты виноват, а во-вторых, раскаиваешься. Но если не успеешь ударить в колокол, пеняй на себя...»

Фомушка был проворен и успевал. Вернувшись домой после лазанья по крышам или игры в Робинзона, он дергал спасительный конец колокола (называемый, кстати, «рында-булинь»). «Динь-дон, — слышалось в доме. — Я больше не буду...» Мисс Кнопперинг вздыхала и покачивала головой с седым валиком прически.

Надо сказать, что Фомушка был честный малый. Только раз в жизни он не исполнил свое «я больше не буду» — это когда обещал мальчишкам перестать быть рыжим. Тут уж ничего от него не зависело. Зато во всех других случаях твердо держал слово. Если речь шла о разбитой фарфоровой вазе, то, сами понимаете, обещание было железное — эту вазу Фомушка никогда больше не разобьет...

Генчик сочувственно хихикнул. Фомушка был ему симпатичен. Генчик представлял его себе так же ясно, как рыжего одноклассника Яшку Семухина.

— А дальше что было? Как он моряком-то сделался?

— Дальше... «Динь-дон», «динь-дон» — и мальчик подрастал. Появилась у него любимая книжка. Нашел он ее в отцовской библиотеке. Была она старинная даже по тем временам, напечатана еще при Екатерине Великой. И называлась: «Сказания о мореплавании. Как оно начиналось и возрастало; какие время от времени приносило пользы...» Ну и так далее. Перевел ее с французского мичман Российского флота Михайло Веревкин. Я тебе ее потом покажу, если хочешь...

— Конечно, хочу!

— Фомушка эту книгу прочитал вдоль и поперек. Говорилось в ней о морских путешествиях во все времена, даже в самой глубокой древности. И «маленький рыжий бес» начал, разумеется, подзуживать девятилетнего Фомушку: «Отчего бы тебе самому не попробовать?»

Первое плавание было недолгим — по речке Внуковке, похожей на обычный ручей. Кораблем стала широкая бадья, в которой кухарка Настасья замачивала для стирки тяжелые скатерти. Минут десять холодная весенняя вода несла бадью и храброго капитана довольно спокойно. Потом их закружил водоворот. К счастью, над речкой нависали густые ветлы. Фомушка ухватился за ветки и совсем не героически завопил.

От дома было уже с полверсты, но мисс Кнопперинг чутким ухом (а может быть, внутренним чутьем) восприняла отдаленный сигнал бедствия. Подобрала юбки, она кинулась к берегу, сквозь кусты и старый репейник. Потом храбро вошла в воду, зацепила изогнутой ручкой зонтика Фомушкин воротник и выволокла путешественника на сушу. Изрядно промокнувшего.

Дома, раздевая неудачливого мореплавателя и развешивая сырую одежду, мисс Кнопперинг хранила молчание. Ледяное и многообещающее. Фомушка же улучил момент и скользнул наконец к колоколу: «Динь-дон!»

— Поздно, господин Сундуков-младший, — заявила мисс Кнопперинг. — На сей раз это не поможет.

— Но я же правда больше не буду! — подтвердил Фомушка жалобными словами «колокольное обещание». И глаза его испустили голубой невинный свет.

— Негодный мальчишка...

— Но я в самом деле больше не буду! Честное слово...

И как всегда, Фомушка слово сдержал. Путешествовать в бадье он просто-напросто не мог — посудина уплыла вниз по Внуковке и, возможно, достигла дальних широт, о которых мечтал ее капитан. А он завел себе простую лодку.

— И далеко он на ней уплывал? — спросил Генчик.

— Не очень далеко. Не следовало сердить мисс Кнопперинг... Но однажды Фомушка отважился на очень серьезное путешествие. Прямо скажем, отчаянное. Потому что сидеть дома ему не позволяла совесть.

Было Фомушке Сундукову в ту пору одиннадцать лет. Он уже учился в гимназии, но мисс Кнопперинг оставалась его домашней воспитательницей.

— А при чем тут совесть-то?

— Фомушка считал, что всякий, кто любит русский флот и море, должен сражаться на бастионах Севастополя. В ту пору как раз шла Крымская война. Англичане, французы и турки осадили Севастополь с моря и с суши. А нашей обороной командовал ад-

мирал Нахимов... Радио и телевизоров тогда еще не было, но первобытный телеграф уже существовал: этикетки с боевыми сводками выходили довольно регулярно. В сводках сообщалось, что дела у севастопольских защитников идут неважно. И Фомушка наконец понял, что без него нашим солдатам и матросам бастионы не отстоять.

В губернском городе в ту пору, летом тысяча восемьсот пятьдесят пятого года, собиралось в помощь Севастополю ополчение. И Фомушка решил, что его место — там. Если не возьмут в стрелки, можно стать хотя бы барабанщиком. О мальчишках-барабанщиках, которые принимали участие в разных войнах и совершали всякие подвиги, Фомушка не раз читал в исторических романах...

И вот, Бубенчик, хочешь верь, хочешь нет, но этот рыжий сорванец ухитрился на своем дощанике за неделю добраться до губернской пристани. Сперва вниз по Внуковке, затем уже по большой реке... Ночевал у костра или под лодкой, питался прихваченной из дома провизией. И вот наконец предстал пред очи замотанного тысячей забот начальника ополчения. И отпрапортовал. Так, мол, и так, ваше высокоблагородие, прибыл для защиты славного русского города от басурманов...

— Тут-то бедняге и досталось, — опять посочувствовал Фомушке Генчик.

— Представь себе, нет. Полковник хорошо знал Фомушкиного отца. У того на заводе отливали чугунные кожухи для пушечных бомб и гранат. Полковник сказал, что ценит мужество юного радетеля за Отчизну, однако взять его на войну не может, ибо на сей счет существуют суровые запретные инструкции. И если он, начальник ополчения, инструкции эти нарушит, отвечать придется перед высшим военным командованием, а то и перед самим государем императором.

Короче говоря, храброго беглеца умыли, накормили и в тот же день отправили обратно — с чиновником, который как раз ехал на Сундуковский завод по делу, касаемому военных заказов. В письме к папе Сундукову начальник ополчения просил учесть благородство Фомушкиных порывов и не наказывать его слишком строго.

Иван Никодимович, изрядно потрепавший себе нервы за ту неделю, облегченно перекрестился, увидевши наследника живым и невредимым. Письмо прочитал, но благородных порывов Фомушки во внимание не принял и жалобно сказал:

— Мисс Кнопперинг, оставили бы ваши идеи гуманного воспитания и выпороли бы наконец этого паршивца. Это ваша прямая обязанность. Таких

негодных мальчишек дерут не только в России, но и во всей просвещенной Европе. И ничего, кроме пользы...

— Я обдумаю ваше предложение.

— Обдумайте, сделайте милость. А то у меня руки не доходят, голова кругом от работы...

Мисс Кнопперинг увела обмякшего от дурных предчувствий Фомушку из отцовского кабинета. Причем, не в детскую увела, а в свою комнату. Чтобы хитрый Фомушка не добрался до колокола.

И вскоре из открытого окна донеслось:

— Ой! Не надо!.. Что вы делаете! Хватит! Больше не буду! Ой-ей-ей, хватит уже! Ай!..

Дети прислуги, сидевшие во дворе на дровяном штабеле, сочувственно завздохали и запереглядывались.

— Крапивой небось... — поежилась маленькая Катя, дочка кухарки Настасьи.

— Не-е, когда крапивой, так не вопят, — со знанием дела вздохнул Прошка, сын кучера Архипа. — Это хворостина. Из того ивняка, что на берегу...

Но они ошибались. Мисс Кнопперинг и на этот раз осталась верна своим принципам, не послушала Сундукова-старшего. С точки зрения Фомушки, она поступила более жестоко. Положила перед ним толстый том с английской поэзией восемнадцатого века и стала отмечать карандашом те стихи, которые в наказание за свой «легкомысленный и безответственный поступок» должен был выучить несчастный беглец.

Английский язык Фомушка вообще не терпел. А зубрить в таком количестве — это же страшнее смерти! Он пытался остановить беспощадный карандаш:

— Ну, хватит уже! Я столько не вынесу! Ой-ей-ей!..

— И еще вот эти две строфы... И эти...

— Ай, больше не надо!..

— И еще вот это прекрасное стихотворение, где говорится о пользе хорошего поведения и уважении к наставникам и родителям...

Потом Фомушка несколько дней сидел над книгой. И копилась в нем злая досада. И наконец она сделалась сильнее привычной робости перед непреклонной мисс.

— Это вы нарочно надо мной издеваетесь, — заявил он своей мучительнице. — Потому что я хотел воевать против ваших англичан, которые нахально лезут на Севастополь!

— Глупый мальчишка! — Мисс Кнопперинг, кажется, впервые в жизни растеряла свою сдержанность. Она отвернулась к окну, прижала к глазам кружевной платочек и стала говорить, что приеха-

ла в Россию маленькой девочкой и считает эту страну своей. И что лично ей Севастополь совершенно не нужен. И что всякая война — это вообще дело, противное божьим заповедям. Непонятно, как здравомыслящие люди могут им заниматься. А еще ужаснее, когда в войну пытаются влезть бестолковые мальчишки. И если бы одного из них — негодного рыжего неслуха — на этой войне настигла пуля, зачем бы ей, одинокой старой мисс, жить на свете?..

В душе у Фомушки зацарапалось раскаяние. Он подошел, потоптался рядом, подержал мисс за шлейф на платье.

— Я больше не буду...

— Глупое дитя. Если бы ты знал, что я пережила за эту неделю... Можешь оставить книгу и ничего больше не учить, раз тебе ненавистны англичане и их язык...

— Ага, «можешь не учить», когда я уже все вызубрил...

— И очень этим огорчен, да?

— Я больше не буду...

— Что не будешь? Заниматься английским?

— Бежать в Севастополь...

И Фомушка сдержал обещание. Тем более, что скоро пришло известие: севастопольские бастионы, к сожалению, пали и близилось окончание войны.

А к мисс Кнопперинг Фомушка стал относиться несколько иначе. Оказалось, что в глубине души он даже любит ее. Оно и понятно: по сути дела, никого на свете у Фомушки больше не было. То есть были еще отец и старший брат, но вечно занятые своими делами, о Фомушке они вспоминали лишь изредка.

И, пожалуй, о мисс Кнопперинг только и жалел юный Фома Сундуков, когда через год снова пустился в дальний путь. Было ему тогда двенадцать с половиной...

— А куда он пустился?

— В плавание... Сперва он с торговцами, которые спешили на ярмарку, вновь добрался до губернского города. А там проник на пароход «Святой Гавриил» — тот со всякими товарами собирался идти вниз по рекам. Все дальше и дальше — по одной реке, по другой. Так Фомушка оказался на Иртыше, а потом и на Оби...

Конечно, когда рыжего незаконного пассажира обнаружили под тюками на палубе, капитан надрал ему уши. И хотел ссадить на ближайшей пристани. Но потом задумался. Фомушка бессовестно сочинил, что он круглый сирота, деваться ему некуда. И умолял взять в юнги. Расторопный малец, готовый без всякой платы, за одни харчи, делать всякую работу, был на пароходе весьма

кстати. К тому же, он знал английский язык. Хотя и не любил его Фомушка, но выучил досконально — попробуй не выучить, когда над душой стоит мисс Кнопперинг. Капитан смекнул, что мальчишка будет полезен в переговорах с английскими купцами — те иногда на своих парусниках добирались до Обской губы: за пушниной, икрой и русским скобяным товаром.

С одним таким купцом Фомушка сговорился, что пойдет к нему подручным кока. И перебрался на шхуну «Блэк герл», прихватив с парохода на память спасательный круг. Надо сказать, у Фомушки уже тогда проявилась склонность к собиранию сувениров и редкостей...

— А дома-то у него, небось, все на ушах стояли, — озабоченно заметил Генчик. — Искали, наверно.

— Сначала да... Однако вскоре Фомушка с пути прислал одно письмо, потом другое: не тревожьтесь, мол, начал самостоятельную жизнь. Но писал он с таким расчетом, чтобы его не догнали и не вернули... Сперва письма были с российскими штемпелями, потом с британскими и американскими...

— С американскими?

— Да... Сначала Фомушка плавал на английских парусниках и пароходах. И надо сказать, везде мальчишку брали с охотой. Потому что большой платы он не просил, хотел лишь как можно больше познать толк в морских делах. Скоро он умел не только драить палубу, чистить посуду на камбузе и заплетать пеньковые концы. Порой доверяли ему и вахту у штурвала. А среди штурманов находились неплохие люди, рассказывали любопытному пареньку кое-что о хитростях навигации...

В постоянных плаваниях Фомушка окреп, раздался в плечах. И выглядел года на два взрослее, чем был на самом деле. Но забиякой не сделался. Осталась у него привычка в трудные моменты смотреть чистыми голубыми глазами и самым искренним тоном обещать: «Я больше не буду». Надо сказать, это часто помогало ему выпутаться из неприятностей.

Однажды, когда оформляли судовые документы, строгий портовый чиновник придрался: почему русский юноша оказался за границей без нужных бумаг? Кто он такой? И не удрал ли из дома?

«Я больше не буду...» — жалобно сказал Фома. Чиновник махнул рукой. А чтобы у парня больше не было неприятностей, в свидетельстве записал не «Фома Иванович Сундуков», а «Томас Джон Сундуккер». Фамилия получилась на голландский манер. Фома не спорил, лишь бы не списали с корабля! На этом корабле Фома собирался плыть в Америку...

Можно сказать, что здесь и кончаются детские

годы Фомушки Сундукова. Дальше начинается история матроса и капитана Сундуккера, мореплавателя, искателя приключений.

— А вы про них расскажете, про эти приключения?

— Тебе еще не надоело слушать?

— Нисколечко! Вы будто книжку вслух читаете!

— Гм... немудрено. Я ведь так подробно копалась в прадедушкиной биографии, даже записи делала. Потому и говорю как по писаному... Но давай-ка сделаем перерыв. У тебя, небось, пальцы онемели и спина затекла.

— Маленько... Зоя Ипполитовна, а можно я еще посмотрю те... всякие морские вещи? И портрет...

— Конечно, Бубенчик...

2

Теперь Генчик разглядывал капитанские редкости не спеша и со вкусом. По очереди рассмотрел все гравюры и фотографии со старинными парходами и фрегатами. Полистал толстую книгу «Лощя Балтийского моря». На ее титульном листе был оттиснут штамп: «Captain Thomas J. Cunducker».

Потом Генчик покрутил скрипучий такелажный блок, постоял перед сухой от старости картой Атлантического океана (на ней были корабли с пузатыми парусами и колючая роза ветров); посмотрел в открытое окно сквозь медную раздвижную трубу. В старинных стеклах трубы дрожали радужные блики, но приближала она здорово! Листья на верхушке дальней яблони качались будто у самого носа Генчика.

— Зоя Ипполитовна, а кирпич этот откуда?

— О! Кирпич от фундамента дома, где Фомушка провел свое детство. К сожалению, дом не сохранился... А вот эта развалюха, в которой я живу... и которую, по правде говоря, очень люблю... принадлежала моему деду. Сыну Филиппа Ивановича Сундукова, старшего брата Фомушки... Филипп Иванович был совсем не такой, как Фома: о дальних странах не мечтал. Он после кончины отца своего Ивана Никодимовича унаследовал завод и продолжал дело. Характером он отличался добрым, жадностью не страдал, брату-путешественнику всегда старался помочь...

— А капитан Сундуккер бывал в этом доме?

— Один раз. Навещал племянника, Арсения Филипповича, моего деда. Тот тогда только женился, дом получил от отца в подарок. Была здесь целая усадьба... Но, к сожалению, фабрикантом Арсений Филиппович оказался никудышным, после смерти отца разорился. Только и осталось у него, что этот

дом — почти пустой после распродажи имущества. Поступил дед на службу и кончил свои дни мелким чиновником железнодорожного ведомства. Было это перед русско-японской войной, когда моему папе Ипполиту Арсеньевичу шел всего пятый год. И осталась моя бабушка вдовой с четырьмя ребятишками. Кроме Ипполита был десятилетний Федор, да совсем маленькие близнецы: Костя и Лизочка... Как жить? Пенсия за мужа — крохотная. Стала бабушка сдавать комнаты небогатым дачникам, так и тянула семью до семнадцатого года.

Когда случилась революция, старшему, Федору то есть, было уже двадцать два. Из-за близорукости на фронт его, на Первую мировую войну, не взяли, служил он чертежником в литейных мастерских — это бывший завод его дедушки. И был там в подпольной организации, революционер, значит. И после переворота сделался у красных каким-то начальником... Поэтому, наверно, и дом у бабушки не отобрали. А еще, может быть, потому, что детишек много, да и бедность — пожалели. А кроме того, на отшибе дом-то, никому не нужен. Это уж потом дорожку проложили, а тогда было не подобраться... Ох, да что это я тебя своей родословной мучаю!

— Ничуть не мучаете. Это интересно, — вежливо сказал Генчик. И стал крутить большой глобус. Это был не простой глобус, а звездный. С белыми контурами созвездий на черном шаре и с латинскими названиями: «Centaurus», «Perseus», «Andromeda».

— Он тоже морской, да?

— Разумеется! Штурманский. С его помощью определяли, где какая в небе звезда, а по звездам — координаты судна в открытом море...

Генчик сел на корочки, щекой прислонился к лаковой, немножко липкой поверхности шара: не сохранился ли в глобусе запах соленых волн и тропических берегов? Нет, пахло только сухой краской и медью от широких колец с градусными делениями. Но зато...

— Зоя Ипполитовна, это что?!

За подставкой глобуса, в пыльном углу лежал длинный пистолет! С деревянной изогнутой ручкой, с проржавевшим граненым стволом.

Генчик вытащил оружие на свет. Обтер пистолет о рубашку.

— Ох, вот он где! — обрадовалась Зоя Ипполитовна. — А я искала, искала... Пора наводить здесь генеральный порядок. Да все руки не доходят...

— Зоя Ипполитовна, он настоящий?

— Нет, Бубенчик. Это игрушка Фомушки Сундукова. Он ее смастерил в десятилетнем возрасте. Вырезал из березы ручку, на свалке у отцовского завода отыскал трубку для ствола... А курок делать не

стал, это ведь не огнестрельное оружие. Видишь, тут стерженок. На него надевалась резинка, он цеплялся головкой за этот выступ. Нажимаешь крючок — и щелк!.. Фомушка стрелял из него мелкими бусинами и дробью из отцовских охотничьих припасов. И маленькими горошинками...

Да, курка — такого, как у кремневых пистолетов — не было. И спусковой крючок — явно самодельный, из толстой проволоки. Но все же пистолет был очень похож на боевое оружие пиратских времен. Фомушка постарался: вырезал на ручке узоры-завитушки, отшлифовал ее. Теперь дерево было темным от старости.

Генчик нацелился пистолетом в окно — за окном, на заборе, сидела ворона — растрепанная и пыльная. Каркала. Увидев пистолет, ворона затрепыхалась и рванула прочь.

— То-то же, — сказал Генчик.

— Кстати, капитан Сундуккер был отличным стрелком... Однажды он дрался на дуэли с другим капитаном и демонстративно отстрелил с его груди три пуговицы...

— А почему они поссорились?

— Не знаю, с чего началось. Может быть, поспорили, чье судно лучше... Это случилось в Китае, в португальской колонии Макао. Противником капитана Сундуккера оказался владелец бригантин «Лакартера», знаменитый в ту пору Чарльз Роберт Румб, которого кое-кто обвинял в пиратстве... В общем, слово за слово, и Румб обозвал Сундуккера рыжей шваброй, а тот своего собеседника — визгливой коротышкой. Видимо, перед этим не обошлось без хорошей порции мадеры, которой славились местные таверны... Ну, и как водится в таких случаях, взяли секундентов и отправились на пустынный берег. Условились стрелять три раза с двадцати шагов. Из американских барабанных колытов, которые в ту пору только вошли в моду...

На морском воздухе оба капитана слегка остыли. К тому же, оба они вовсе не были кровожадными и не считали за геройство без нужды палить по живым людям. Это ведь не ковбой в нынешних фильмах. Каждый сообразил, что дырявить из револьвера своего коллегу-капитана из-за глупой перебранки — дело нехорошее... Но как быть? Отступить гордость не позволяла.

Капитану Румбу по жребии выпало стрелять первым. Он хмыкнул и почти не глядя тремя выстрелами продырявил на противнике высокую морскую фуражку. Она не слетела, потому что держалась на подбородочном ремешке.

«Ах, вот что! — сказал капитан Сундуккер. — Ладно же...»

Капитан Румб на всякий случай встал боком и закрылся пистолетом. Так часто поступают дуэлянты. Но это как раз и нужно было Сундуккеру. Бах-бах-бах! — он навскидку отстрелил на сюртуке Чарльза Роберта Румба три медные пуговицы. И тогда... храбрый капитан Румб зарыдал.

Дело в том, что одна из пуговиц была очень редкая. С мундира то ли Лаперуза, то ли Кука. Румб пришел ее на сюртук для своей морской удачи, как талисман. И вот...

— Ой, я знаю! — подпрыгнул Генчик. — Я читал книжку про этого Румба! Он собирал коллекцию морских пуговиц и возил ее в своем портфеле! А потом зарыл клад на острове...

— Совершенно верно! Представляешь, какая была для него утрата?

«Как вам не стыдно, капитан! — всхлипывал Румб и отворачивался, когда его утешали. — Вы имели право застрелить меня насмерть, но при чем тут пуговица! Она была украшением моей коллекции... Это совершенно бессовестно с вашей стороны, Томас Джон Сундуккер!»

Капитан Сундуккер топтался рядом и виновато вздыхал. Он сам был коллекционером, любил морские редкости и понимал горе своего недавнего противника.

«Честное слово, я больше не буду...»

Конечно, он говорил правду. При всем желании он не смог бы еще раз отстрелить такую знаменитую пуговицу: где ее возьмешь-то? Она от удара пули улетела неизвестно куда. Но капитану Румбу от этих обещаний было не легче.

Наконец капитан Сундуккер понял, что делать. У него тоже был старинный морской мундир. Сундуккер повел Румба к себе в каюту и торжественно срезал с мундира пуговицу.

«Это пуговица русского адмирала Лазарева, который прославился во многих плаваниях и сражениях. Берите...»

«О-о!» — гость обрадованно сжал подарок в ладони.

Не исключено, что наш капитан Сундуккер присочинил насчет пуговицы. Но если и так, то исключительно чтобы утешить Румба. А тот был доверчив и радовался от души. После этого капитаны стали друзьями и участвовали в нескольких совместных рейсах...

— Зоя Ипполитовна, а у вас тут нет еще какого-нибудь капитанского оружия? Настоящего! Колыта или кортика?

— К сожалению, нет... Кортики носили только военные моряки, а Фома Иванович был торговый капитан. А всякие колыты и смит-вессоны... я и не пыта-

лась их раздобыть. С милицией неприятностей не оберешься.

— Ну, ничего. Такой пистолет тоже хорош... — Генчик опять нацелился в пространство. — Ой, а это кто? — Поверх ствола Генчик увидел на стене фотографию мальчишки. В рамке под стеклом. Размером с тетрадку. Раньше он этот снимок — в углу у окна — не замечал. — Фомушка Сундуков, да?

— Что ты! Тогда и фотографий таких не было. Это... Тима Ревва. Тот самый Ревчик, о котором я рассказывала...

Генчик теперь и сам видел, что сморозил глупость. Снимок был, конечно, старый, но не девятнадцатого же века. И надпись «Варяг» на бескозырке мальчика — без твердого знака на конце.

— Здесь ему, наверно, столько же лет, сколько тебе, — тихо сказала Зоя Ипполитовна. Генчик почему-то смутился.

Курносый, со светлой челкой, Ревчик смотрел со снимка чуть напряженно и вопросительно: «А ты что тут делаешь?»

Генчик почесал пистолетом коленку и стал глядеть в сторону.

— Зоя Ипполитовна, а он... Ревчик знал про капитана Сундуккера?

— Конечно! Мы вместе всё это и придумали!

— Что придумали?!

— Ой... Я хотела сказать, что мы часто играли в капитана Сундуккера. Будто мы матросы на его бригаantine. И придумывали всякие новые приключения.

Генчик опять посмотрел на снимок. Теперь лицо Ревчика было не таким напряженным. Даже с капелькой улыбки.

— А у меня тоже бескозырка есть! Только я ее давно не ношу... Ха! Я ленточку с нее хотел Ленке, сестре, подарить, чтобы она юбку сшила. А она меня босоножкой... У нее, у Ленки, сегодня конкурс красоты. Сейчас, небось, весь дом на уши поставила, наряд свой доделывает...

Вспомнив про дом, Генчик спохватился:

— Мне ведь давно уже пора! Еще на трамвае целый час пилить...

— Никаких трамваев! Сегодня мой «Мерседес-Бенц» на ходу! Я мигом домчу тебя к родным пенатам.

— Да что вы! Я и так...

— Никаких «так». Не рассуждать.

— Есть не рассуждать!.. Зоя Ипполитовна, дружинчик пусть еще на палубе поживет, ладно?

— Я думаю, пусть он живет там всегда. Сперва будет матросом, а потом, глядишь, дослужится до капитана.

— Будет капитан Пружинкер!

— Да. Поехали...

Поездка получилась прекрасная. Одно ее только подпортило: на улице Зеленой Генчик увидел из окошка машины вчерашних врагов. Круглого, Бусю и еще двух — в развесистых свитерах. Буся нес клетку, в которой — бр-р! — возился гадостный зверь Шкурик.

Генчик торопливо осел на сиденье, чтобы злодеи не разглядели его. Очень уж приметна его синяя в белый горошек рубашка...

Зоя Ипполитовна, кажется, ничего не заметила. Подвезла Генчика к самому дому.

— Ну что, Бубенчик? Ждать мне тебя завтра?

— Обязательно ждать!

Продолжение следует

Клубилось небо радужною
 синью,
 В кустарнике потрескивал
 мороз.
 И было удивительно красиво
 От света снега, солнца и берез!
 Играла лихо блестками опушка,
 Помеченная свежою лыжной.
 Вдали сугробом дыбилась

избушка,
 Чаруя необычной белизной.
 Творилось пред очами
 обновление
 Патриархальной некогда глуши.
 И таинство, и гордость,
 и волнение
 Выплескивало песней из души.
 Иду тропой, не чувствуя мороза,
 А рядом дышат рощи и лога:
 Снегами продолжают березы,
 А может быть, березами снега?!

* * *

Никаких от марта нет вестей.
 Ветер пробирает до костей.
 Жжет мороз серебряным огнем,
 Звон и треск стоит над ивняком.
 Третьи сутки с вьюгой сладу нет,
 Завертела снегом белый свет.
 Где же вы, спасители-грачи?
 Крылья отморозили в ночи?
 Нынче вон какая кутерьма —
 Негостеприимная зима.
 Видно, ей признаться нелегко,
 Что грачи совсем недалеко,
 Что зиме устроят скоро суд:
 Первые проталинки несут!

* * *

Живу сумбурно, непонятно,
 Превозмогаю боль и ложь.
 В судьбе и прочерки, и пятна,

Федор ВОСТРИКОВ

КАК ЛИСТ, СОРВАВШИЙСЯ С БЕРЕЗЫ...

Недоли и паденья сплошь.
 А я, вобрав и зной, и грозы,
 У предков совести учусь.
 Как лист,
 сорвавшийся с березы,
 Над отчим берегом мечусь.

* * *

Наморщились тучи —
 Хлынет дождик вот-вот.
 Тополь чуб нахлобучил,
 Сгинул кочет с ворот.
 Дом затылок подставил,
 Как под стрелы шелом.
 Ощетинились травы,
 Скрылся кот за углом.
 Ивы свесили пряди,
 Речку бросило в дрожь.
 А теперь, бога ради,
 Пусть свирепствует дождь!

* * *

В.Маликову

Родные травы вечного простора
 В ладонях мну,
 как будто в забытии.
 Когда-то здесь и в радости,
 и в горе
 Пахали землю прадеды мои.
 От ворога порог свой
 защищали,
 Любили жен
 и продолжали род.

И уходя из жизни, завещали,
 Чтоб жил счастливой
 после них народ..
 В поля придет мой сын,
 мой внук и тоже
 Задумаются, травы шевеля.
 Не потому ли
 с каждым днем дороже
 Мне, смертному,
 бессмертная земля?!

Холода

Вот и все. Начались холода.
 Ветер вымел последние листья.
 Тучи низко
 над речкой нависли,
 В камышах загустела вода.
 Тянет на берег лодку рыбак.
 Приготовилась к снегу природа.
 Только мы,
 как не знавшие брода,
 Суетимся. И все нам не так.
 Вдруг шарахнут морозы с утра,
 Застрекочет,
 откашлявшись, печка,
 Встанет дым, как береза,
 над речкой..
 А у нас — ни кола, ни двора.

* * *

Жизнь уже не поправить.
 Поздно.
 А живи, как всегда живешь:
 Если звездно в ночи,
 то звездно,
 Если дождь, то, конечно,
 дождь.
 Если мимо тропа, то мимо —
 Путь закружит тебя иной.
 В нелюбимой не жди любимой,
 Как не жди снегопада в зной.

Ведущий рубрики Максим ШИШКИН

Ирина КАШТАНОВА

ГАДАНИЕ ПО ПРОСТЫНЯМ

Я цыганкам не верю. Всегда, когда вижу, что мне навстречу идет крючконосая дама в блестящем платке, да еще сверкает карими глазами и тянет за руку, я прикидываюсь слепой, глухой и вообще иностранкой. Но однажды я все-таки попалась.

Цыганка подошла ко мне и просто спросила, где находится аптека. Я объяснила ей весь путь, размахивая руками налево и направо. А она, видимо, в порыве благодарности, возьми и скажи:

– Жалко мне тебя, красавица. Умрешь ты скоро. Сглаз у тебя на левой щеке, я вижу.

Я так и села на бордюру.

– Да, милая, верь мне. Врагов у тебя много. И все смерти твоей хотят. Кто-то пошел на могилу недавно умершего человека, взял оттуда горсть земли да и подбросил незаметно тебе под ноги. И теперь ты будешь гнить изнутри, болеть и медленно умирать.

– Страшно. Что же делать?

– Ну, могу я с тебя сглаз снять. Только ты должна верить мне. Ты веришь?

– Да!

Отшли мы с цыганкой в сторонку. Я боюсь, а она держит меня за руку и смотрит во все глаза, гипнотизирует.

– Я вот что, красавица, один волос с твоей головы возьму.

Ай! Выдергивает волос, завязывает на нем два узелка и что-то шепчет.

– А теперь мне деньга нужна, бумажная, сколько хочешь давай. Как, у тебя нет денег?.. Ладно, тогда просто бумажку.

Я еще пока в сознании и деньги свои отдавать не собираюсь. Вот тетрадный листочек – пожалуйста. Что-то и цыганка загрузила. Завернула мой волос в бумажку и говорит:

– Сейчас придешь домой, положишь это в кошелек, а через два часа посмотришь. С одной стороны узелка волос будет красным, а с другой – черным. Ты красный себе оставь, а черный за порог выбрось – врагам своим. Поняла, красавица?

Она посмотрела, как я согласно киваю головой, подумала, сверкнула глазами и опять взяла меня за руку.

– Но это не все, милая моя. Завтра ты приходи сюда в полдень, приноси чистую наволочку, простыню, полотенце. И еще сырое яйцо и иголку. Вот тогда я с тебя по-настоящему сглаз сниму. А не придешь – пеняй на себя.

– Да приду, конечно. Жить-то охота.

Назавтра в полдень я уже на посту. С простыней, иголкой и остальными причиндалами. Стою, жду. А цыганка не пришла, обманула. Да иначе и быть не могло. Просто не стоило мне верить ее страшным сказкам.

P.S. А волос, на котором узелки были завязаны, оказался одинаковым со всех сторон.

Хотя, если присмотреться...

По материалам «Юношеской газеты»

Ведущий рубрики Максим ШИШКИН

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ

НЛО «ОШТРАФОВАЛ»

В первых числах августа довелось мне встретиться в 4-й эскадрилье летного отряда, входящего в состав компании «Уральские авиалинии», с бортинженером самолета Ту-154 Александром Дмитриевичем Никульшиным. Знаю его лет двадцать – как человека весьма серьезно, не «трепача», и с психикой у него все в порядке, недаром все авиакомиссии проходит без ограничений. И вот что поведал он мне, находясь под свежим впечатлением от удивительного происшествия, случившегося с ним 27 июля 1995 года.

В тот день Александр Дмитриевич отправился на своей автомашине – «жигуль» первой модели – в гости к родне, живущей в городе Карпинске, что на севере Свердловской области. Проехав уже более трехсот километров, он остановился у автозаправочной станции пополнить запас бензина. И увидел, что около АЗС собралась толпа зевак – вышедшие из рейсового автобуса пассажиры, работники станции и всякий прочий люд, все смотрят вверх и показывают руками на что-то там, в небе.

Заинтригованный Никульшин, выйдя из автомобиля, тоже задрал голову и заметил высоко-высоко в его родном «пятом океане» светлый шар, который по всем признакам не мог быть ничем иным, кроме как НЛО – непознанным летающим объектом. Хотя здесь, на земле, уже наступили сумерки – было 22 часа 30 минут, там, в вышине, шар-НЛО был ярко освещен солнцем (которое для землян давно уже скрылось за горизонтом). Присмотревшись внимательнее, авиатор разглядел под пришельцем своеобразную приставку, отдаленно напоминавшую... самолет!

Подивившись минут десять-пятнадцать на этот загадочный объект, Александр Дмитриевич, – а он, по его собственному признанию, никогда в жизни не верил ни в каких инопланетян-пришельцев, ни в их сверхзвуковые (или даже сверхсветовые!) транспортные средства таре-

лочного или иного вида, – решил продолжить свой путь. Благо до Карпинска оставались считанные километры, а время-то уже было позднее. Сел за руль, включил зажигание и... и ничего! Он еще несколько раз попытался запустить двигатель, но увы, все с тем же «нулевым» результатом.

Тогда бортинженер стал проверять все энергопитание, всю электросеть автомашины. Оказалось, что не горят ни фары, ни габаритные огни. Короче говоря, полностью заправленный электролитом и заряженный «на всю катушку» перед дальней дорогой аккумулятор начисто отказал, вышел из строя капитально! Та же самая история с зажиганием и проверкой электропитания повторилась – один к одному – и у стоявшей рядом «Волги». Оба водителя решили, что эти отказы – «происки» НЛО.

Ведь давно известно: чтобы пришельцы не причинили землянам вреда, не следует обращать никакого внимания на «непрошенных гостей», приближаться к ним, а тем более вступать с ними в аудио-, видео- и суггестивный (мысленный) контакт, не говоря уж о контакте чисто физическом. А тут к НЛОнавтам был проявлен явно повышенный активный интерес, да к тому же массовый. Вот шар с самолетоподобной «приставкой» и отреагировал адекватным, наказующим, образом.

Дело кончилось тем, что как «Жигули», так и «Волгу» пришлось буксировать в город с помощью проезжавших попутных автомашин. А на другой день А.Д.Никульшин вынужден был купить взамен полностью вышедшего из строя аккумулятора новый, заплатив за него 300 тысяч рублей.

– Вот какой «штраф» наложили на меня пришельцы, – пошутил в заключение нашей беседы Александр Дмитриевич. – Это была цена моего неумеренного любопытства, проявленного к впервые в жизни увиденному мною НЛО.

«АРДЕННСКИЙ ЛЕС» И ЕГО МАГИЯ

«М-ский треугольник» по-прежнему славится своими загадками, неустанно демонстрируя чудеса неискушенному стalkerу. Кто-то «объясняет» их появление «земными» причинами, кто-то говорит об инопланетянах и «Вы-

сшем Разуме», кто-то считает Зону «пупом Земли»... В этот раз злополучный «треугольник» показал себя с новой, несколько неожиданной стороны. Об этом — читайте в одном из следующих номеров журнала.

Рудольф БУРУКОВСКИЙ

ЗАГАДКА ШЕВЕЛЮРЫ БУДДЫ

*Горящий, как драконье око,
Царевич вынул острый меч
И узел он волос им срезал.*

(Ашвагоши, «Буддачарита», перевод К. Бальмонта)

Эта история, как мне кажется, еще не закончена, но я решил рассказать ее, так как не знаю, будет ли она закончена вообще.

Как-то мне подвернулась книга М. В. Колесниковой «Гадание на иероглифах». Это оказались воспоминания военного переводчика о войне с Японией, первых мирных днях, о посещении автором послевоенной Японии. На одной из страниц я прочитал: «...совсем рядом с Иокотом, километрах в двадцати, находится знаменитая Камакура с ее гигантской статуей Будды — Дайбуцу; внутри статуи небольшой храм; прическа божества изображает улиток, которые, согласно легенде, должны были защитить его голый череп от солнечного зноя».

— Вот-те раз! — подумал я. — И Будда не обошелся без моллюсков! *

Можно представить, как я обрадовался и, конечно, сразу загорелся желанием узнать подробности.

Начал с энциклопедий, но ни в Большой советской, ни в Брокгаузе и

Ефроне ничего не нашел. Обратился с письмом к моему коллеге по коллекционированию ракушек, профессору-

фармакологу Тсутомо Охаси и попросил сообщить подробности о Дайбуцу и связанной с ним легенде.

Пока письмо шло туда и обратно, мне удалось узнать, что в первой столице Японии — Наре воздвигнут храм Дайбуцудэн («Большого Будды») в монастыре Тодайдзи («Великого храма Востока»). Здесь и находится 16-метровая статуя Будды.

Нашлась и цветная иллюстрация с изображением статуи. На ней голова Будды, казалось, покрыта курчавой шевелюрой, завитки которой располагались ровными рядами, образуя на темени нечто вроде пучка или узла. Улитки или не улитки эти завитки — понять было невозможно. Хотелось верить, что улитки.

Долгожданное письмо профессора Т. Охаси ничего не прояснило. По поводу Дайбуцу он кратко заметил, что в Японии его называют «Ра-Хотцу», т. е. «Сетчатовласый», и что следы легенды, меня интересующей, надо искать не в Японии, а в Индии, где родился Будда.

*Автор статьи — давний друг «Следопыта» — знаток и собиратель ракушек. Его очерки: «УС», 1987, № 2; 1993, № 7.

Опять взялся за книги. И обнаружил, что во всех книгах Будда изображен все с той же сетчато-кучерявой головой и пучком на темени. И еще бросилось в глаза: родители Будды в сцене его рождения, какие-то аскеты-буддисты, другие персонажи всегда имеют прямые волосы, а Будда — всюду со своей своеобразной прической в виде симметричных бугорков. Причем можно отчетливо рассмотреть, что каждый такой элемент «шевелюры» действительно представляет собой спиральный завиток, напоминающий улитку из рода Планорбис («катушка»). Это наблюдение придало новый импульс моим поискам.

Будда происходит из благородного княжеского рода Шакья, правившего в ту пору в небольшой области на склонах Гималаев в пределах нынешнего Непала (понятно, откуда у его родителей прямые волосы: это характерная черта и современных жителей Непала). Отца Будды звали Шуддходана, мать — Мая или Маядеви, как ее чаще называют. Она родила будущего Будду недалеко от селения Лумбини, где-то между 570 и 470 годами до нашей эры. Мальчика назвали Сиддхартха. Ветвь рода Шакья, из которой происходили его родители, называлась Гаутама.

Поэтому полное имя его было Сиддхартха Гаутама Шакьямуни (то есть происходящий из рода Шакья). Современникам же он был известен под именем «шрамано Гаутама» или «палисамано Гаутама», что на разных языках Индии значит «аскет Гаутама». «Будда» — значительно более позднее его церковное имя. Оно переводится, как «Пробужденный», «Просветленный».

Воспитывался Сиддхартха в крайней роскоши. Если верить написанному, то в трех его дворцах ему служили 40000 танцовщиц(!). Он дожил до 29 лет, заботливо оберегаемый от малейшего влияния реальной действительности. Но, в конце концов, все-таки обнаружив несовершенство всего сущего, задумывается над этим, бежит из дворца, на берегу реки Анавама сбривает свои волосы и избавляется от всех атрибутов роскоши, оставив себе лишь восемь предметов: три части одежды, пояс, чашу для сбора подаяний, бритву, иголку и сито для процеживания воды.

Так начались его странствия, продлившиеся всю его оставшуюся жизнь. Однажды ночью, сидя под деревом бодхи, Гаутама вдруг почувствовал, что прозрел, познал тайны мироздания. И он понес эти знания в мир. Еще 120 лет тому назад вблизи местечка Будда Гаи показывали древний баньян, под которым это произошло. В 1876 году его сломила буря. Все это подробно описано в поэме великого индийского поэта I века н.э. Ашвагоши «Буддачарита» («Жизнь Будды») и в изданной в Германии в начале нашего века книге профессора Р.Пишеля «Будда, его жизнь и учение».

И мне пришло на ум: не зря же подчеркивается, что аскет Гаутама обрил голову! Это — необходимая часть ритуала, сопровождающего переход к аскетическому образу жизни. Буддийские монахи и сейчас следуют ему. Да и не мог непалец Сиддхартха иметь кучерявые волосы. Значит, на голове Будды — действительно стилизованные

улитки, сползшиеся для того, чтобы защитить его. Он так глубоко ушел в свои раздумья, что не заметил, как исчезла живительная тень баньяна, убегая от лучей тропического солнца? Кстати, под баньянами водится множество улиток — не меньше, чем в наших калининградских палисадниках.

Как-то я рассказал эту историю нашему крупнейшему специалисту по наземным моллюскам А.А.Шилейко и спросил: что это могут быть за моллюски? Он совершенно серьезно ответил:

— Ну, вид я тебе не назову, но то, что это какой-то представитель рода Ариофанта — почти не сомневаюсь. В Индии обитают около 50 видов этого рода!

Но почему все-таки ни в огромной поэме Ашвагоши, ни в обстоятельнейшей книге Р.Пишеля об этом — ни слова? Не знаю! Но могу предложить свою гипотезу.

Буддийское учение делится на две части. Первоначальное, более древнее — Хинаяна («Малая колесница»). В нем Будда еще Сиддхартха Гаутама Шакьямуни, вполне конкретное историческое лицо.

К первым векам нашей эры, когда была написана поэма «Буддачарита», буддизм изменился. В нем развивается новое направление — Махаяна («Большая колесница»). Меняется качественно сам образ уже не Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни, а Будды. Он теперь наделен божественными способностями и божественными атрибутами. Ему поклоняются не как учителю, но как существу высшему, божественному.

Даже его изображения должны теперь соответствовать раз и навсегда установленным правилам буддийского художественного канона. А канонические требования основывались на 32 главных и 80 второстепенных признаках! Пучок волос на его темени оказался знаком мудрости (ушниша). А короткие волосы в мелких завитках почему-то должны символизировать совершение Буддой обряда обрезания волос после ухода из дворца. Но почему именно завитки, а не ежик, например? Кто может сейчас сказать?

Может, все дело в этой метаморфозе, происшедшей с Сиддхартхой Гаутамой Шакьямуни на переломе времен? Улитки, как шапка, покрывающие голову аскета Гаутамы, чтобы спасти его от палящего зноя в минуты полного погружения в раздумья, — это тоже из разряда чудес, но чудес бесхитростных и наивных. Я бы даже сказал: каких-то совсем уж деревенских чудес.

Что за дело Божеству до солнечного зноя? Он, судя по поэме Ашвагоши, противостоит соблазнам и угрозам целых армий сверхъестественных сил! А тут какие-то презренные слизняки!

Вот и осталась от древней деревенской сказочки первоначального буддизма лишь странная шевелюра Будды на его изображениях, так не похожая на волосы его земляков. И никто уже не задумывается, почему она такая.

Может быть, так. А может быть, нет. Не знаю. Но очень хочется, чтобы было именно так. И чтобы именно улитки из рода, носящего звучное латинское имя Ариофанта, спасли когда-то Сиддхартху Гаутаму Шакьямуни от палящего тропического солнца.

Ольга КОЛПАКОВА

ЦВЕТНЫЕ БРЫЗГИ ХМУРОГО ГОРОДА

У природы, конечно, нет плохой погоды. Но есть вот такая — просто мерзкая, с морозом, ветром, серым небом. И из постели в такие дни вылезать не хочется, и кажется, что нет ничего милее теплой твоей подушки. Но приходится выходить в эту серость, в город, который всем своим хмурым видом подтверждает: ну и бывает же на свете так неуютно.

И вдруг безумно яркое пятно. Нет — множество разноцветных пятен. И как ни пыжится примостившаяся сбоку ужасная желто-красная телефонная будка, она незаметна рядом с этими брызгами радуги. Обладатели такого летнего счастья вполне довольны своей миссией. И окружившие их случайные прохожие — тоже. Нельзя пройти мимо расставленных на столике чудесных разноцветных игрушек из термопластика. Смешные, украшенные мехом, перьями индейцы и котятка, собачки, поросята, крокодильчики, вороны, коровы с рыжими челками и длинными косичками, слонята, мышки и даже трехголовые драконы — все улыбаются. И их хозяева — тоже.

Бабушка Галина Александровна, мама Татьяна Евгеньевна, папа Борис Викторович и сын Женя Коршуновы решили в этот зимний день подарить нам лето.

— Термопластиком я занимаюсь пять лет. Всю семью, как видите, заразила, — Татьяна Евгеньевна знакомит меня со своей семьей и поделками. — Материал это совершенно безопасный, возможность у него больше, чем у пластилина: после обжига в любой духовке он становится прочнее керамики, цвета очень яркие. Каждая игрушка — в единственном экземпляре. Даже если лепишь десять обезьян, не получится, чтобы они были совершенно одинаковыми. Раньше перед лепкой делала рисунок, но все равно по ходу работы что-то менялось, и теперь леплю сразу из голубы. Дизайнеры говорят — профессионально. А я ни у кого и нигде не училась. По профессии строитель, работала сначала в театре художником, потом пятнадцать лет в библиотеке. Но как-то наступил момент, когда поняла — все в моей жизни зависит только от меня, мне это надо, мне это нравится, я сама и должна этому научиться. Сначала работала с камнями, но игрушки перетянули на свою сторону: и мне, и тем, кто на них смотрит или покупает, они приносят не меньше радости, чем дорогие камни.

Продают игрушки Коршуновы по ценам символическим, и пенсионер, и школьник могут себе позволить купить сувенир. И даже студенты.

— Вот у нас до стипендии осталось двадцать тысяч, — рассуждает молодая студенческая пара, рассматривая самую дорогую, большую и самую сложную в исполнении игрушку — трехголового зеленого дракона. — Конечно, мы можем их проесть. Тогда в комнате у нас все так и останется: кровать и телевизор. А если мы купим Дракошу, поставим на телевизор, то представляешь, как в ком-

нате станет красиво: кровать, телевизор и дракон. — И Дракоша согласно кивает всеми тремя головами — они у него подвижные, на пружинках.

— Мы плохие продавцы, мы только производители. Цену никогда не поднимаем, а часто и просто дарим. Многие спрашивают, как самим сделать такие игрушки, и мы с удовольствием делимся, — говорит Татьяна Евгеньевна просто, считая, что во все времена большей радости, чем приносить кому-то радость — нет.

Она учит лепке ребятишек в гуманитарно-экологическом лицее, по собственной программе, где есть такой замечательный момент — сюрпризы. Целые уроки специально для того, чтобы готовить подарки друзьям, родителям, учителям.

— Сначала дети с огромной неохотой расставались со своими работами. Никакую купленную в магазине игрушку не было так жаль отдавать, как сделанную своими руками. Но со временем научились дарить и радоваться. Исключение, конечно, делается только для первой работы — ее всегда нужно оставить себе. Не только для того, чтобы потом сравнить, насколько выросло твое мастерство, сколько потому, что это начало твоей работы, самостоятельного труда.

У Коршуновых все руки в трещинах и пятнистые от краски. Над Женей одноклассники сначала посмеивались, но когда сами попробовали поработать с термопластиком — зауважали. Это очень непросто: перемять, покрасить, вылепить, запечь. Хорошо, когда лепишь драконов, Женя это любит, а если выполняешь урок или нет настроения... В общем, все, как на любой другой работе.

— Евгений, ты не думаешь лепку сделать своей профессией? — спрашиваю я.

— Я буду строителем, — отвечает Женя. — У нас все в семье строители. И бабушка, и папа. И бабушка с мамой по образованию строители. А игрушки — это тоже серьезно, но в свободное время. Вот папа, когда едет в командировку, берет с собой термопластик, и всей бригадой в поезде лепят. Бабушка долго сопротивлялась, не хотела учиться, но потом сдалась. Теперь — не оторвешь.

И случайные прохожие тоже долго не могут оторваться от забавных игрушек. Дети выбирают себе, взрослые — друг другу. Выбирают тщательно, потому что надолго. Сувенир такой не ломается, прекрасно моется и чистится, краски не выцветают. И разъезжаются яркие пятнышки по всему городу, радуя своих новых хозяев. А Коршуновы отправляются с пустыми руками домой, в свою однокомнатную квартиру, где их уже заждались собака, кошка и мышь. С пустыми руками, но с прекрасным настроением.

Слайд на 3-й стр. обложки Николая ПЕРЕВЫШИНА

«Мата Хари»

В любой таверне приморских городов Объединенных Арабских Эмиратов путешественников могут угостить вкусным блюдом из рыбы. Эта рыба — звездчатый летрин, изображенный на небольшой яркой монете номиналом 5 филсов из красной бронзы и показанный в стремительном движении. Чрезвычайно яркая и разнообразная окраска с резко контрастными цветами позволяет этим рыбам хорошо скрываться в пестром мире подводных джунглей. Поэтому летрина часто называют «Мата Хари» — по имени легендарной австро-венгерской шпионки периода первой мировой войны, проявившей удивительные способности к шпионской деятельности и долгое время остававшейся неуловимой, пока она не была разоблачена и расстреляна французами.

Путешественникам следует брать с собой удочки, чтобы попытаться свое рыбацкое счастье. Летрин — рыба из отряда океанобразных (а это сразу же дает представление о вкусовых качествах). Обитает летрин в прибрежной зоне, любит коралловые рифы, скалы, живет на глубине до 50 метров, длина рыбы 30-40 сантиметров (для уральского рыболова это звучит привлекательно). Мясо летрина высоко ценится в странах Азии и Африки.

На память о пребывании в Эмиратах путешественники могут захватить с собой широко распространенные монеты с летрином. На них изображение рыбы наполнено такой динамикой, что кажется, будто бы «Мата Хари» вот-вот выпрыгнет из красной диска монеты и мгновенно скроется из глаз.

Вездесущий глаз

Домовой воробей — одна из самых известных человеку птиц, его коричневатобурый костюмчик попадает нам на глаза каждый день. В прошлом веке он из Европы и Азии был завезен в Америку, Австралию, Южную Африку и на многие острова, где занял свою экологическую нишу. Хотя взрослые воробьи являются растительноядными птицами, своих птенцов они выкармливают насекомыми. За день обитатели гнезда (их бывает от четырех до шести) съедают до тысячи насекомых, из них восемьсот — вредных. Это особенно важно для городов, где нет других насекомоядных птиц.

Очень часто встречаются изображения птенцов в гнезде с широко открытыми ртами. Если птенчик-воробей не открывает рот, значит он хилый, и родители выбрасывают его из гнезда. Так они заботятся о здоровье потомства. Птенцы могут поглощать огромных для размеров их тела кузнечиков и стрекоз, правда, родители производят кулинарную обработку, чтобы детки не по-

перхнулись: удаляют ноги, надкрылья, голову. Воробьиный век не мал и достигает 14-15 лет.

Воробьи плодovitы: за лето они насиживают два выводка, а на юге даже три. Если бы не было невзгод, выпадающих на долю воробьев, то воробьиная чета за 10 лет дала бы потомство в 275 миллиардов воробушков. Но в условиях уральских морозов за зиму остается в живых лишь один воробей из десяти.

А во время культурной революции в Китае воробьев решили уничтожить, обвиняя их в нанесении большого ущерба урожаю риса. Миллионные толпы китайцев гоняли стаи воробьев с шумом и с криком, и не более 10 минут таких экстремальных нагрузок хватало на то, чтобы измученный воробей замертво падал к ногам хунвейбинов. Однако вскоре пришлось закупать воробьев за границей и расселять их по Китаю, так как ущерб от расплодившихся насекомых-вредителей стал бедствием.

Такова птица воробей — наш защитник от вредных насекомых.

Охота на кондора

Кондор — самая крупная хищная птица: имеет массу до 12 килограммов, размах крыльев до 3 метров. Он встречается в Андах на высоте 5 тысяч метров и никогда не спускается ниже 3 тысяч метров. Мечта таксидермистов — мастеров по изготовлению чучел — заполучить кондора, притом изготовить такое чучело, чтобы оно показывало эту птицу в момент взлета, с распростертыми крыльями и взглядом, устремленным вперед.

Путешественнику, отправляющемуся в Чили или соседнюю страну, где водятся кондоры, и желающему поохотиться (разумеется, по лицензии), нужно помнить, что эта птица редкая: мировая популяция еле превышает 1000 штук.

Один из способов охоты заключается в том, что какое-либо животное препарируют одуряющими травами и подкидывают кондору (а они питаются падалью). После такой закуски кондор шатается, как пьяный, и индейцы заарканивают его лассо.

А в южных районах Перу другой способ охоты. Один охотник прячется в ловушке, над которой лежит мясо. Как только кондор сядет к мясу, охотник хватается за ноги, а напарник набрасывает на голову птицы пончо. Птица поймана. Но к этому можно сделать дополнение для туристов. Пленник будет участвовать в национальном празднике «День кондора». Кульминацией праздника

является поединок быка с пьяным кондором, который, размахивая своими гигантскими крыльями, уклоняется от рогов и копыт разъяренного чудовища. На следующий день обычно большая процессия провожает кондора, отпуская его в родные горы.

По отзывам путешественников, участвовавших в охоте на кондора среди головокругительных высот, они получили неизгладимые впечатления и массу острых ощущений и от природы, и от горных круч, и от процесса выслеживания и пленения царя Андос.

Воспоминания о семге

Благородный лосось, или семга, был когда-то в Европе широко распространенной рыбой. Интересны свидетельства, оставленные Вальтером Скоттом, о том, что шотландские рыбаки, начиная работу, ставили условием, чтобы семгой их кормили не очень часто. В наши дни выполнить это условие стало не трудно, ибо в настоящее время на нерест в реки Европы, начиная от Португалии и кончая Белым морем, приходит много меньше косяков этой рыбы, чем в прошедшие века.

На территории нашей страны еще в 20-30 годы лососевые были обычны в самых простых магазинах, но наряду с уменьшением рыбных косяков в наших реках появились специальные магазины и буфеты для правящей партийной и советской элиты, только в них и были представители рыбных деликатесов для узкого круга лиц. Перестройка вернула семгу в общепит, и каждый рядовой гурман сейчас может выбирать семгу, кету или горбушу — на любой вкус.

Память о лососевых передавалась из поколения в поколение вместе с генами предков, и легковверные европейцы легко возбуждались при первой же возможности попытаться рыбацкое счастье. И можно ли обойтись без курьезов, когда речь заходит о семге — самой деликатесной представительнице семьи лососевых? Лет 15 тому назад были газетные сообщения о том, что ранним утром 1 апреля толпы людей, вооруженных сетями, палками и удочками, собрались на берегах главного канала Стокгольма. Причина этого столпотворения — сообщение столичного радио о том, что в канал вошел косяк семги. Взволнованная женщина сообщила, как она, выйдя на прогулку с собачкой, увидела, что вода кишит семгой, и ей удалось голыми руками поймать несколько рыбин. Горе-рыбаки безуспешно забрасывали сети и колотили палками по воде, но семга не показывалась. Кто-то вспомнил, что было 1 апреля, и масса рыбаков-неудачников разразилась хохотом над собой и над проделкой радиожурналистов.

Г. МУРЗИН

Александр СЕМЕНИН

КАМЕЛИЯ

Удивительно это японское деревце. Весной и летом, когда вся природа пробуждается к жизни, цветущим его никогда не увидишь. Зацветает камелия поздней осенью. Зябко и неуютно в эту пору на улице. Даже на Кавказе и в Крыму прохладно, и череда тяжелых холодных дождей нередко сменяется мокрым снегом. Но вот после снегопада с метелью вдруг выглядывает солнце и наступает оттепель. Именно в такую пору на юге России и в Японии зацветают камелии, и тогда их крупные белые и розовые цветки, обильно покрывающие ветви, четко вырисовываются на ослепительной голубизне неба. Небольшие морозы не страшны этим растениям, а тепла плюс 5-7 градусов вполне достаточно, чтобы налившиеся силой за летние месяцы бутоны распустились и поразили нас неожиданным великолепием — незря камелию считают достойным соперником розы. Что до комнатных растений, то едва ли какое из них с ней сравнится.

«Можно без преувеличения сказать, что камелия — лучшее из приобретений нашего цветоводства. Изящный рост этого кустарника, приятный блеск его листьев, величина и красота цветков, их разнообразие, махровость и долговременность цветения — вот главные достоинства камелий». Так еще в 1864 году писал известный русский садовод и ботаник К.Энке. Долгое время камелия была очень популярным декоративным растением. Ее выращивали в комнатах и зимних садах. На балах и в праздники цветок камелии служил неперменным атрибутом женского туалета. В наши дни японское растение вновь начинает обретать популярность. И хотя культура камелий довольно сложна, но при систематическом и пра-

вильном уходе они могут расти даже в комнатах.

В Екатеринбургском ботаническом саду УрО РАН собрано около 30 сортов этих растений. Маленькими черенками были привезены они пятнадцать лет назад из Батуми. Теперь это небольшие деревца. Сменя друг друга в цветении, они с октября по май радуют посетителей оранжереи крупными красочными венчиками. Их диаметр порой достигает 15 см. Одним из первых зацветает сорт «Графиня Оркнейская». Бледно-розовые с карминовыми пятнышками цветки его очень изысканны: наружные лепестки отклонены горизонтально, а внутренние устремляются почти прямо вверх, отчего цветок напоминает крупный, диковинного вида нарцисс. Осенью же распускаются цветки и у сорта «Мадам Хаас» — плоские, до 10 см в диаметре, состоящие из белых, словно восковых, лепестков, они похожи на помпонные георгины. Камелия «Магнолиецветковая», вопреки названию, имеет сходство скорее с розой, чем с магнолией: ее нежные темно-розовые лепестки, как у розы, спирально свернуты. А вот сорт «Пелагия» относится к позднецветущим. Махровые карминовые цветки его, испещренные белыми пятнышками, появляются лишь в начале марта. «Пелагия» очень неприхотливый сорт: он стойко выносит внезапные колебания температуры и влажности, а бутоны его почти не опадают от сухого воздуха — последнее обстоятельство и сдерживает обращение камелий в комнатную культуру.

В нашу страну камелия попала

в 1833 году (название растение получило в честь ботаника Георга Камела, жившего в XVIII веке), и первый приют нашла в Никитском ботаническом саду. В Крыму японской гостье жилось однако не очень хорошо: летом там слишком жарко, и воздух очень сух — ей явно не хватало освежающих дождей. Гораздо лучше чувствует себя камелия на Черноморском побережье Кавказа, где дождливое лето и мягкая зима. Батумский и Сухумский ботанические сады стали в СССР основным местом первичной интродукции камелий. И уже несколько десятилетий растение дает здесь самоцвет — признак, говорящий о полной акклиматизации переселенцев.

Камелия не только первоклассное декоративное растение. Масло ее семян после очистки может идти в пищу, используют его также для смазки часов, в мыловарении и для получения красок. Из семян же извлекают гликозид камелин — эффективное средство лечения некоторых болезней сердца. А подсушенные и заваренные молодые листья являются неплохим заменителем чая, в чем, впрочем, нет ничего удивительного, поскольку камелия и чайный куст — близкие родственники и принадлежат к одному семейству.

Растением печали называют иногда камелию, ведь замечательной красоты цветки ее не обладают запахом и расцветают зимой. Однако, думается, что тот, кто ее выращивает, вполне испытал чувство радости и эстетического удовольствия, наблюдая, как после заботливого ухода его питомцы благодарно «отзываются» прекрасными цветками, распускающимися в ту пору, когда за окном кружит снежная метель и завывает вьюга.

Слайды автора на 4-й стр. обложки

